РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АССОЦИАЦИЯ БЕЛОРУСИСТОВ

БЕЛОРУССКИЙ СБОРНИК

Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии

Выпуск 6

Санкт-Петербург
2015

УДК

ББК

Б 43

Ответственный составитель Н. В. Николаев.

Очередной выпуск продолжающегося издания, посвященного проблемам истории и культуры Белоруссии, содержит работы, в большинстве своем подготовленные на основании докладов, прочитанных на ежегодных конференциях «Санкт-Петербург и белорусская культура». Среди прочих публикаций особо видное место занимают библиографические материалы, отражающие современную белорусоведческую литературу в ее различных аспектах и направлениях.

Сборник адресован широкому кругу славистов — историкам, историкам культуры, книговедам, библиографам. Может быть полезен для всех, кто интересуется историей и духовной культурой белорусского народа.

От редакции

Теснейшим образом связанный с ежегодно проходящими в РНБ конференциями «Санкт-Петербург и белорусская культура» наш сборник своим содержанием отражает в первую очередь, естественно, научные занятия и интересы их участников, хотя и ни в малейшей мере не подвергается формированию или ограничению по тематико-отраслевому принципу. На страницах очередной его книжки присутствует и общеисторическая проблематика, есть статьи посвященные истории церкви и церковного искусства, существенное внимание уделено истории книги, библиотек, издательского дела — в целом достаточно представительный диапазон тем и сюжетов. Подкрепляет его и немалый по объему справочно-библиографический раздел, в котором, в частности, продолжен предпринятый в четвёртом выпуске опыт апробирования крупных работ, ведущихся в нашей библиотеке, посредством публикации их фрагментов, относящихся к Белоруссии. О качестве судить читателю — мы же остаемся убеждены в плодотворности и взаимной, для нас и для читателя, пользе такого подхода.

Виноходов Д.О. Штрихи к биографии Яна Борщевского: «он знал довольно по-латыне»

Potius sero quat nunquam[1]

Главным источником биографических сведений о Яне Барщевском вплоть до настоящего времени является предисловие Ромуальда Подберезского к «Шляхтичу Завальне»[2]. Информацией о последних годах жизни писателя его дополняет некролог, написанный Юлианом Бартошевичем[3], а немногочисленные сохранившиеся письма Барщевского и его знакомых, критические отзывы коллег-литераторов, краткие упоминания в мемуарах и следственных показаниях современников, а также метрическая запись о смерти и похоронах писателя лишь в той или иной степени уточняют итоговую картину, которая, не смотря на это, всё же остаётся фрагментарной.

Отдавая должное информативной ёмкости статьи Подберезского, нельзя не отметить её несколько излишней восторженности, явной приукрашенности и преувеличенности в отношении описываемых событий и упоминаемых личностей. На это обстоятельство обращали внимание уже первые критики[4]. Поэтому к сведениям, содержащимся в указанной работе, следует относиться с известной долей осторожности. Так, например, декларированное в ней шляхетское происхождение Яна Барщевского, до недавнего времени не вызывавшее никаких сомнений, пришлось подвергнуть некоторой коррекции после того, как Геннадий Васильевич Киселёв отыскал в воспоминаниях родственника писателя, архиепископа минского Антония (Зубко), упоминание о том, что Барщевский происходил из семьи сельского священника[5].

На сей раз речь пойдёт о ещё одном утверждении Подберезского, которое касается образования Яна Барщевского. Ромуальд Андреевич писал, что Барщевский «*по окончании курса наук в Полоцке, с кандидатским аттестатом в руках, ощущая себя в чём-то лучше остальных, прослыв учёным, намеревался взяться, скорее, за частное гувернёрство, нежели за иные занятия, менее соответствующие его склонности к науке и поэзии*»[6]. Юлиан Бартошевич, фактически повторяя эти слова, также говорит о том, что у Барщевского, завершившего курс под присмотром иезуитов, был на руках патент.[7] Впоследствии эта информация перекочевала и в современные исследования.[8]

Однако недавно в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга было обнаружено прошение Яна Барщевского на имя ректора Санкт-

---

[1] Лучше поздно, чем никогда (*лат.*).

[2] Podbereski R. Białoruś i Jan Barszczewski // Barszczewski Jan. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. [Tomik pierwszy] – Petersburg, 1844. – Str. I-XLI.

[3] J[ulian] B[artoszewich]. Jan Barszczewski // Dziennik Warszawski. – 1851. – № 22. – Str. 4; 1851. – № 24.– Str. 4-6.

[4] Prokopowicz W. Publikacye Petersburskie. II. // Tygodnik Petersburski. – 1845. – Cz. XXXII, №74-75. – Str. 486-487.

[5] Подробнее см.: Виноходов Д. О. Штрихи к биографии Яна Барщевского: Ян, отец Яна // Асоба і час. Выпуск 5. – Мн, 2013. – С. 6-22.

[6] Podbereski R. Указ. соч. – Str. XXIX.

[7] Julian Bartoszewicz. Указ. соч. – 1851. – № 24.– Str. 4.

[8] См., например, Хаўстовіч М. В. На парозе забытае святыні: Творчасць Яна Баршчэўскага. – Мн, 2002. – С. 17; Виноходов Д. О. Попович Янкó, или Беларусь в первой половине XIX века // Барщевский Я. Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастичных повествованиях. – СПб, 2010. – С. 394.

Петербургского университета А. А. Дегурова (настоящее имя – Жеди дю Гур). Мы приводим копию этого документа[9] и его текст:

[Регистрационная помета:] *П*[ятница] *26 Сен*[тября]

[Текст прошения, написанный каллиграфическим почерком:]

Его Превосходительству
Деиствительному Статскому Советнику
Ректору Санктпетербургскаго университета
и кавалеру Антону Антоновичу Дегурову

Чиновника 12го класса Барщевскаго

Прошение

Окончив курс наук в бывшей Полоцкой Эзуитской Академии, не мог я получить надлежащаго мне Аттестата по причине не предвиденнаго удаления сего Ордена из пределов Государства Российскаго, ныне же желая принять на себя обязанность учителя Латинского Языка. Прошу Ваше Превосходительство приказать сделать мне екзамен и снабдить для сего предмета законным Аттестатом.

[Подпись и приписка, оставленные Барщевским собственноручно:]

Сентября 26 дня 1834 года *12го класса Барщевский*

В Большой Коломне на Экатериновском канале между Гразной улицой и Канонерским переулком в доме кап. Тиханова.

Основной текст прошения написан каллиграфически; дата, подпись и адрес в конце приписаны торопливым и неровным почерком.

Этот документ, не смотря на его краткость, предоставляет немало новых сведений, которые необходимо учитывать при реконструкции биографии Яна Барщевского. Прежде всего, мы вынуждены скорректировать информацию, приведённую в статье Подберезского. Получается, что хотя Барщевский и обучался в Полоцкой иезуитской академии, и даже окончил надлежащий курс наук, но аттестат об окончании ему не выдали, и этот факт можно считать точно установленным, ведь в противном случае необходимости в приведённом выше прошении просто не возникло бы. Становится понятно также, почему после Полоцкой академии Барщевский отправился в Вильню – при поступлении на службу ему оказался бы весьма полезен документ об образовании, а в Виленском университете его было бы проще получить, нежели в иных учебных заведениях.

В целом же полоцкий период жизни писателя становится менее ясным, поскольку противоречия между сведениями, содержащимися в его художественных произведениях, и документальными данными усугубляются. Ранее нами было показано[10], что попытка

---

[9] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 14, оп. 6, д. 646, л. 1. Автор выражает искреннюю признательность С. Г. Козлову-Струтинскому за помощь в получении доступа к данному документу.

[10] Виноходов Д. О. Попович Янкó, или Беларусь в первой половине XIX века // Барщевский Я. Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастичных повествованиях. – СПб,

датировать отъезд Барщевского из Беларуси апрелем 1817 г., основанная на тексте «Шляхтича Завальни», не соответствует объективной информации, содержащейся в воспоминаниях его соученика Фомы Массальского; согласно этим данным, Барщевский мог завершить обучение в Полоцкой иезуитской академии никак не ранее лета 1817 г. Если же верить найденному прошению, то получается, что в Полоцке Барщевский должен был пребывать как минимум до момента вступления в силу указа об изгнании иезуитов из пределов Российской Империи. Указ этот был подписан Александром Первым 13 марта 1820 г.[11], а официально оглашён в Полоцке 25 марта того же года[12]. Следовательно, Барщевский собирался держать выпускной экзамен летом 1820 г., и лишь закрытие Полоцкой академии помешало этому намерению. Впрочем, нельзя исключать, что в обсуждаемом прошении могла быть указана надуманная причина отсутствия аттестата академии, а истинная причина была почему-то скрыта. Увы, для однозначного вывода по этому вопросу достоверных данных, по-видимому, пока не достаточно. Думается, что ключ к существенному прояснению ситуации может находиться в руках профессора Ирены Кадульской (Гданьский университет). В своей фундаментальной монографии о Полоцкой иезуитской академии она называет Яна Барщевского выпускником 1820 г.[13], однако, к сожалению, не приводит ссылку на документ, обосновывающий данное утверждение (скорее всего, ввиду того, что оно не имело существенного значения в рамках общей темы монографии).

Петербургский период жизни Барщевского обсуждаемый документ дополняет двумя новыми наблюдениями. Во-первых, мы узнаём адрес дома, в котором писатель обитал в 1834 г. Это дом №121 по набережной Екатерининского канала (по полицейской нумерации – IV Адмиралтейская часть, 4-й квартал, дом №292), принадлежавший инженер-капитану Василию Ильичу Тиханову, ныне дом №136 по набережной канала Грибоедова. Причём хронологически это самый ранний из четырёх известных ныне адресов[14]; как и прочие, находится он в Коломне, неподалёку от костёла Св. Станислава.

Во-вторых, начинает проясняться карьерный путь Яна Барщевского. Отсутствие документа об окончании академии не помешало ему устроиться на государственную службу и к 1834 г. получить чин 12 класса (т. е. губернского секретаря), а к 1837 г. – чин 10 класса (т. е. коллежского секретаря)[15]. Преподавать в государственном учебном заведении Барщевский стал не ранее октября 1834 г., и перед этим должен был сдать экзамен в Санкт-Петербургском университете.

Экзамен этот состоялся на третий день после подачи прошения – в понедельник 29 сентября 1834 г. Одним из заданий было короткое сочинение на латыни (или, возможно, перевод на латынь небольшого текста). Этот документ также сохранился[16], он написан на

2010. – С. 384-412. Вінаходаў Дз. Асаблівасьці літаратурнай афтальмалёгіі. Водгук на рэцэнзію М. Хаўстовіча "Творчасьць Яна Баршчэўскага вачыма рускага чалавека" // ARCHE Пачатак. – 2009. – №11-12 (86-87). – С. 265-282.

[11] Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. XXXVII. 1820-1821. – СПб, 1830. – С. 113-119.

[12] Карев Д. В. Иезуиты // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 2. – М, 1996. – С. 325.

[13] Kadulska I. Akademia Połocka: Ośrodek kultury na Kresach 1812-1820. – Gdańsk, 2004. – S. 158.

[14] Об иных адресах см.: Вінаходаў Дз., Нікалаеў М. Пецярбургскія адрасы Яна Баршчэўскага // Літаратура і мастацтва. – 2009. – №10. – 13 сакавіка. – С. 14. Примечательно также, что именно Тиханову принадлежал и дом №3 по Грязной улице, где Барщевский предположительно проживал в 1837 г.

[15] Нистрем К. Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год. – СПб, 1837. – С. 388.

[16] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 14, оп. 6, д. 646, л. 2. Автор выражает искреннюю признательность С. Г. Козлову-Струтинскому за

бумаге худшего качества, нежели приведённое выше прошение, в нём имеется несколько авторских исправлений, а также пометки и подчёркивания, сделанные экзаменатором. Почерк довольно тороплив и в целом напоминает тот, который можно увидеть в письмах Барщевского к Юлии Корсак[17]. Мы приводим копию документа, его текст и перевод:

[Помета, обведённая в круг:] *A*

[Основной текст документа:]

De usu linguae latinue

Ut intelligere ex perfectam cognicionem aliquis vellet habere omnium linguarum quæ in [над строкой вставлено: *variis*] *regionibus in usu habentur; is quam primum debet linguam latinam bene inteligere, quia verba latina in multis linguis sunt recepta, ut omittam linguam* [над строкой вставлено: *Franco*] *Galicam, regiones Italiæ, Portugaliæ et Hispaniæ, in lingua Britanica, Germanica etiam in nostra Rossiaca recepta sunt nonnulla verba latina, non solum thechnica in variis literis utuntur sed etiam in vulgari sermone.*

Lingua latina in solo mundo est lingua communis, impossibile est viatori inteligene omnia dialecta, sed si bene ille inteligit latine in qualibet regione ~~inteliget~~ [над вычеркнутым словом вставлено исправление: *inveniet*] *aliquem cui posuerit suas cogitationes explicare et necescitates suas dicere.*

Usus linguæ latinæ offert nobis perutile exemplum quod pertinet ad literas liberales. Abundantiam verborum levitatem et ad modum fluminis leniter fluentis facilitatem invenimus in Cicerone in Horatio et Virgilio pulcherrimum exemplum Poesiæ, in Livio Curtio et Cornelio pulcherrimum narationem ~~invenimus~~, Multas et alias innumerabiles utilitates ex usu linguæ latinæ extrahere ~~P~~ possumus.

12го кл. И. Барщевский

1834 anno
Septembir 29 die.

В переводе этот текст выглядит следующим образом:

Об использовании латинского языка

Если кто-либо хочет понимать и иметь совершенное знание всех языков, которые в различных государствах имеются в употреблении, то в первую очередь должен он хорошо понимать язык латинский, так как латинские слова заимствованы во многие языки; не говоря о франко-галльском языке и о государствах Италии, Португалии и Испании, в английском, немецком и даже в нашем русском языке есть некоторое количество заимствованных латинских слов; они используются не только в качестве терминов в различных книгах, но и в народной речи.

Латинский язык – общий во всем мире, и путешественнику невозможно знать все диалекты, но если он хорошо понимает по-латыни, в любом государстве он найдет того, кому сможет изложить свои мысли и сказать, что ему надобно.

Употребление латинского языка предоставляет нам весьма полезный пример, который относится к свободным наукам [т. е., словесности]. *Изобилие слов, легкость и подобную медленно текущей реке плавность мы находим у Цицерона; у Горация и*

помощь в получении доступа к данному документу, а М. В. Семенихиной, З. А. Барзах и А. Б. Старостиной – за прочтение, перевод и анализ текста.

[17] Баршчэўскі Ян. Лісты да Юліі: Пісьмы, вершы, балады. – Віцебск, 2004. – 111 с.

Вергилия – красивейшие образцы поэзии; у [Тита] *Ливия,* [Квинта] *Курция и Корнелия* [Непота либо Тацита] – *прекрасное повествование. Много и иных бесчисленных преимуществ можем мы извлечь из употребления латинского языка.*

1834 года сентября 29 дня. *12го кл. И. Барщевский*

Не известный нам экзаменатор отметил несколько ошибок, содержащихся в тексте, подчёркиванием. Так, слово «*thechnica*» написано Барщевским через «h». В слове «*utuntur*» («используются») ошибки, по-видимому, всё же не содержалось, поскольку оно относится к слову «*verba*» («сло́ва») во множественном числе; возможно, экзаменатор отнёс его к слову «*thechnica*», воспринятому в единственном числе (в этом случае правильно было бы написать «*utitur*» – «используется»). В выражении «*omnia dialecta*» («все диалекты») Барщевский неверно образовал множественное число: в латинском языке слово «диалект» – женского рода, а не среднего, и правильно это выражение выглядит как «*omnes dialecti*». Подчёркивание в слове «*Poesiæ*», вероятно, объясняется нечётким почерком Барщевского: лигатура «*æ*» в его написании могла быть интерпретирована экзаменатором как буквы «*is*». В тексте также можно отметить несоблюдение написания сдвоенных согласных (например, в словах «*litteras*», «*narrationem*»), что, по всей видимости, обусловлено особенностями преподавания латыни во многих учебных заведениях того периода времени не в классическом, а в средневековом варианте.

Не смотря на наличие настоящих и мнимых ошибок в найденном тексте, помета «А» в правом верхнем углу листа, скорее всего, означает отличную оценку, выставленную по результатам экзамена. Этот факт, безусловно, следует расценивать как свидетельство высокой образованности Яна Барщевского и признания его профессионального уровня со стороны преподавателей Санкт-Петербургского университета.

В заключении следует отметить, что биография Яна Барщевского до сих пор остаётся мало исследованной и содержит множество белых пятен. И потому поиск новых архивных материалов об этом человеке остаётся, на наш взгляд, одним из наиболее актуальных направлений развития белорусского литературоведения.

D. универ.

П 26 Сент

1

Его Превосходительству

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Ректору Санктпетербургскаго Университета и кавалеру Антону Антоновичу Дегурову

Чиновника 12го класса Барщевскаго

Прошеніе.

Окончивъ курсъ наукъ въ бывшей Полоцкой Езуитской Академіи, не могъ я получить надлежащаго мнѣ Аттестата по причинѣ не предвидѣннаго удаленія сего Ордена изъ предѣловъ Государства Россійскаго; нынѣ же желая принять на себя обязанность учителя Латинскаго Языка: Прошу Ваше Превосходительство приказать сдѣлать мнѣ екзаменъ и снабдить для сего предмета законнымъ Аттестатомъ.

Сентября 26 дня.
1834 года

12го класса Барщевскій

въ Большой Коломнѣ на Екатерингофскомъ каналѣ между [illegible] улицой и Канонерскимъ переулкомъ въ домѣ Кап: Тихонова

A

2

De usu linguae latinae.

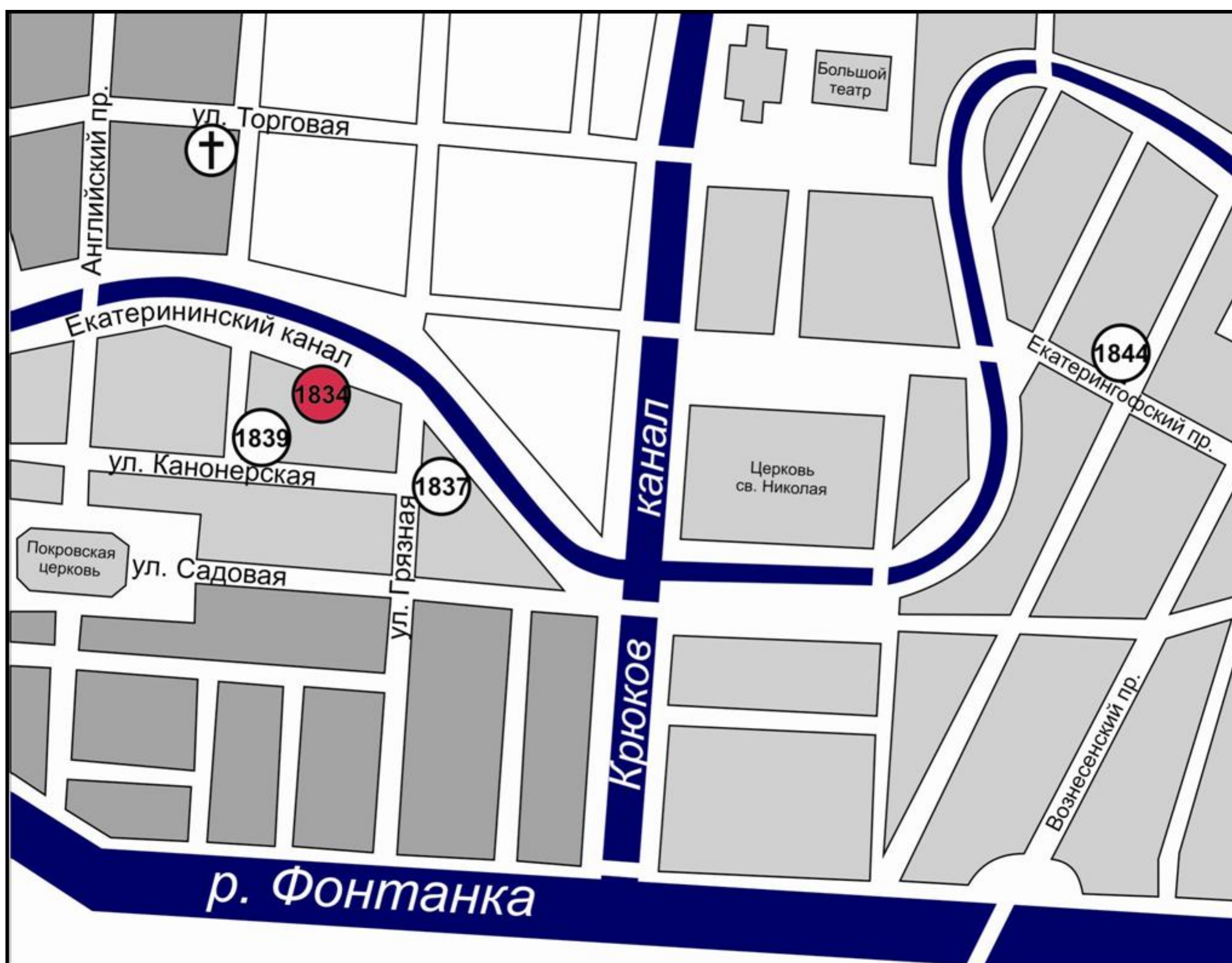
~~Ut~~ Ut Inteligere et perfectam cognicionem aliquis vellet habere omnium linguarum, quae in variis regionibus in usu habentur; is, quam primum debet linguam latinam bene Inteligere, quia verba latina in multis linguis sunt recepta, ut omittam linguam Francogalicam, regionis Italis, Portugalice et Hispanies, in lingua Britanica, Germanica etiam in nostra Rossiaca recepta sunt nonnulla verba latina, non solum ~~te~~ technnica in variis literis utuntur sed etiam in vulgari sermone.

Lingua latina in toto mundo est lingua communis, impossibile est viatori inteligere omnia dialecta, sed si bene ille Inteligit latine in qualibet regione ~~inteliget~~ inveniet aliquem cui potuerit suas cogitationes explicare et necessitates suas dicere.

Usus linguae latinae offert nobis perutile exemplum quod pertinet ad literas liberales abundantiam verborum levitatem et admodum fluminis leniter fluentis facilitatem invenimus in Cicerone in Horatio et Virgilio pulcherrimum exemplum Poesies, in Livio Curtio et Cornelio pulcherrimam narationem ~~invenimus~~. multas et alias innumerabiles utilitates ex usu linguae latinae extrahere possumus.

12 кл: И. Барщевскій

1834 anno
Septembris 29. Die.

Известные и предполагаемые адреса проживания Яна Барщевского
в Санкт-Петербургской Коломне:
1834 – наб. Екатерининского канала, д. 121 (ныне – наб. канала Грибоедова, д. 136);
1837 – ул. Грязная, д. 3 (ныне – Лермонтовский пр., д. 14);
1839 – ул. Канонерская, д. 14 (ныне – ул. Канонерская, д. 11);
1844 – ул. Подьяческая, д. 18 (ныне – ул. Подьяческая, д. 17);
крестом помечен костёл Св. Станислава

Дом, в котором Ян Барщевский проживал в 1834 г.: наб. Екатерининского канала, д. 121
(ныне – наб. канала Грибоедова, д. 136)

Токуаки Баннай. Один японец в Белоруссии в 1928 г.

В конце февраля 1928 года один японец провел неделю в Белорусии. Имя этого японца – Удзяку Акита: марксист, эсперантист, знаток индийской философии и буддизма, выдающийся японский деятель культуры того времени. «Удзяку» - это литературный псевдоним, его настоящее имя -- Токудзо. Псевдоним «Удзяку» - буквально «воробей, промокший под дождем», он выбрал себе сам. В Японии, в отличие от России, воробей считается жалким; выбрав такой псевдоним, он намеренно принизил себя.

Хотелось бы коротко рассказать об Акита. Он родился в 1883 году в г. Куроиси, который находится на острове Хонсю в самой северной части префектуры Аомори. Его отец был слепым акушером, в автобиографии Удзяку пишет, что «отец провел всю жизнь, не видя детей». Однако, он был настолько известным врачом в округе, что его даже называли «Богом новорожденных». Я считаю, что во многом благодаря влиянию отца Удзяку приобрел высокое стремление служить на благо общества, стал интеллигентом в истинном смысле этого слова.

Удзяку рано начал творческий путь в качестве писателя и поэта. Помимо этого он активно творил во многих других жанрах: драматургия, детская литература, литературная сказка, танка, переводы иностранных литературных и драматургических произведений. В последние годы жизни он работал директором школы драматического искусства и занимал пост главы Ассоциации детских писателей Японии. Я хотел бы подчеркнуть, что исходя из его интереса к движению эсперантистов и коммунизму, и из того, что он был и культурным деятелем, и организатором, и из того, что видел необходимость в деятельности по международному культурному обмену, Акита был человеком с глобальным восприятием, крайне редким для Японии первой половины 20 века.

К тому же, на то, что он был исключительным в истории Японии нового времени культурным деятелем «энциклопедического» склада, указывает история его жизни и деятельности, а произведение, которое заслуживает наибольшего внимания - оставленный им внушительных объемов дневник. Он писал его почти 47 лет. Начал в феврале 1915 года и перестал писать в январе 1962 года примерно за три месяца до смерти. Одна из частей дневника была конфискована полицией, когда Акита был арестован. Дневник, состоявший из 47 тетрадей, позже был издан пятью томами (2300 страниц). Если рассматривать его с точки зрения истории японского искусства и культуры нового времени и истории международного культурного обмена, дневник - основной самый ценный источник, и по сей день является не теряющей свою ценность летописью того времени.

В студенческие годы помимо того, что был глубоко впечатлен письмом Л.Н. Толстого против русско-японской войны японским друзьям, Акита был увлечен русской литературой, как он позже писал в «Хронологии жизни»: «Истинное уважение к литературе мне привила именно русская литература». Очарованный Россией с юных лет, Акита помимо эсперанто самостоятельно учил русский язык, готовясь к поездке в Советский Союз.

Ему было 45, когда он, задавшись целью: «хочу увидеть новое общество», получил приглашение принять участие в праздновании Десятилетия Советской Социалистической Революции и посетил Советский Союз осенью 1927 года. 30 сентября 1927г. он вместе с помощником режиссера Мейерхольда Гаузнером и переводчиком Наруми Кандзо отправился из Токио и по Транссибирской магистрали добрался до Москвы 13 октября, где их встретили представители ВОКС[18]а - писатель Б.А. Пильняк с супругой. В

[18] Всесоюзное общество культурной связи с заграницей

Советском Союзе он провел около 7 месяцев до мая следующего года в основном в Москве, но побывал и в Харькове, и в Баку, провел 2 недели в Тифлисе, в Ленинграде - около недели с 22 декабря 1927 года. Все это время он с огромным энтузиазмом и очень тщательно вел наблюдение за жизнью советского общества, встречался со многими деятелями искусства, в основном из театральных и литературных кругов: В.Г.Лидиным, С.М.Третьяковым, А.Серафимовичем, супругами Мейерхольд, К.С.Станиславским, Книппер, Москвиным, Качаловым, Михаилом Чеховым, Натальей Сац и другими.

В Ленинграде Акита остановился в Доме ученых. 24 декабря посетил Публичную библиотеку, где был принят директором библиотеки Державиным. Также в Академии Наук встретился с Ольденбургом.

Его визит в Минск прошел с 24 февраля по 1 марта 1928 года. В вокзале его встретился Рыгор Рапапорт, Сьнежка и Айзенберг провели до гостиницы. Акита провел там меньше недели, но программа его путешествия была чрезвычайно насыщенной. Основных пунктов было четыре: 1. Визит в Институт Белоруссии; 2. Посещение театральных постановок; 3. Визит в село в пригороде Минска; 4. Культурный обмен с белорусскими деятелями культуры (прослушивание народных песен в исполнении актрисы Бондарчук).

Из трех спектаклей, которые он посмотрел, наибольший интерес представляет «Царь Максимилиан» поставленный в Еврейском театре (26-го февраля). В«Дневнике» Акита указывает, что автор пьесы Мицкевич, режиссер Симсилаев, декоратор Никитин, и описывает сюжет. В постановке «активно использовались белорусские народные песни и пляски», а также «декорации были выдержаны в стиле конструктивизма, сама постановка – в рамках своего рода «народного символизма»», «нет ни одного реалистического элемента, но очень эффектно», - пишет он. Примечательно то, что Акита называет этот спектакль «Кёгэн». «Кёгэн» - «комическая интермедия» - один из широко известных и по сей день традиционных японских драматических жанров в Кабуки и Но.

Один из дней поездки Акита, который хотел посмотреть на сельскую жизнь, провел в селе в пригороде Минска. Его сопровождали двое - Зьм Сьнежка, интересующийся Японией эсперантист, и Паулюк Шукайла, поэт, принадлежащий к литературной группе ЛЕФ. Они побывали в селе Каралишчавичы и, в находящейся там коммуне «Большевики»(16 домов, 87 человек) в 20 верстах от Минска. Здесь Акита получил возможность заглянуть в крестьянский дом (люльку). В дневнике он пишет, что на стене в этом доме висели портреты Янка Купалы, Якуба Коласа и Сталина. Потом в доме Пластинского он побывал на застолье в русских/белорусских традициях. В «Автобиографии» (стр.148-149, «50г.» стр., 153) он напишет, что «заслуживает отдельного упоминания тот факт, что крестьяне сами отбили эту землю у польских захватчиков, и отстраивают там такое чудесное общее хозяйство».

В клубе учителей и литераторов так же, как и в Москве, он прочитал лекцию о социальной ситуации в Японии, образовании, литературе, и ответил на многочисленные вопросы. Особенно часто повторялись вопросы от связанной с театром аудитории о японских театрах Кабуки и Но. Исходя из этого, становится понятно, что и в Минске того времени был силен интерес к традиционному театру Японии. Остается только догадываться, что же ответил на вопросы Акита. Однако мне кажется, поскольку Акита унаследовал свои взгляды на театр от «отца» японского театра нового времени Осанаи Каору(1881-1928), он наверняка рассказал, о проблеме осуществимости синкретизма между быстро внедряемым современным европейским театром и традиционными театрами Но, Кабуки, Кёгэн, которая тогда занимала японское театральное сообщество.

О литературных движения Минска того времени Акита пишет, что есть 4 основных направления: во-первых, «Полымя» («старые» литераторы и несколько новых лиц), во-вторых, «Маладняк» (пролетарские литераторы), в-третьих, «Узвыша» («чистое искусство») и ЛЕФ. Акита отмечает также, что «три направления: поэты-националсты, футуристы, пролетарские поэты, постепенно объединяются под началом Янка Купалы».

Возможно, он получил эту информацию от тех, с кем встречался в Минске; такой взгляд на литературную ситуацию того времени представляется довольно точным.

Не смотря на небольшую продолжительность визита, Удзяку Акита остался под глубоким впечатлением от посещения белорусского села и от общения с местными деятелями культуры. Он не только отправил в японскую газету статью, описывающую эти впечатления, еще во время своего пребывания в Советском союзе, но и по возвращении домой прочитал об этом множество лекции и докладов. Кроме того, упомянул в своем произведении «Молодая Советская Россия» (1929 г.). Опираясь на свое мнение и наблюдения, он сам с надеждой и оптимизмом смотрел на «новое общество». Он указывает на «возможность создания культуры, преодолевшей национальные чувства», в его призыве о необходимости «революции в культуре» есть историческое значение, актуальность. Не смотря на то, что наблюдения Акита должны были стать важным шагом в истории белорусско-японского культурного обмена, к сожалению, в современной Японии нет придерживающихся его взглядов приемников.

Фрагмент дневника Удзяку Акита.

Поездка в Минск (22 февраля – 02 марта 1928г.).

22.02 (Среда)

Из-за простуды весь день провел в постели за чтением. Просмотрел заметку Акутагавы в журнале «Реконструкция», и все-таки она вызывает ощущение какой-то безысходности. Такие как он стремятся даже в крошечной статье продемонстрировать неординарное литературное мастерство, и в итоге за этим стремлением теряется смысл текста…можно сказать, что даже его самоубийство было проявлением художественного мастерства и эстетики. В связи с поездкой в Минск Наруми сходил в *ВОКС*[19] и встретился там с господином Новомирским. Отправляюсь в 20:30 23.02 с Белорусского вокзала, прибыть должен примерно в 10:30 24.02. Все материалы придется везти с собой.

Вечером, не вставая с постели, учил русский язык.

Немного вспотел, стало легче.

23.02 (Четверг)

Утро. Пошли с Наруми в банк, нас благожелательно обслужила та же красивая девушка. Мне даже стало немного интересно, какой она человек, как живет. Попили чаю в детском кафетерии. Мэри пришла немного пораньше, мы позанимались русским, и она прочитала нам стихотворения из «Гудка». Вечер. Мы с Наруми направляемся на Белорусский вокзал, чтобы не опоздать на поезд в 20:30. Ехал вместе с англичанами из Рабочей партии (коммунистической). Подружиться с англичанами не удалось. По дороге сел русский, владеющий английским языком. Он оказался довольно образованным человеком, кем-то вроде писателя. Выяснилось, что он к тому же интересуется эсперанто. Ночь. Из-за простуды спалось плохо. В вагоне было невыносимо душно.

24.02 (Пятница)

Минск (столица Беларуси). Утро.

Прибыл в Минск примерно с часовым опозданием. Встречать меня приехал краснолицый Ян Кулиш[20], у вокзала встретились со Снежка и Рапапортом. На автобусе вчетвером доехали до роскошной (наверно, государственной) гостиницы «Европа». Минск красивый и уютный город с населением примерно 140 тыс.. Меня поселили в 45 номер на

---

[19]Здесь и далее прим. переводчика: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей

[20] В оригинальном тексте *«Ян Куриси»*

третьем этаже с отдельной большой спальней. Пообщались о разном с Снежка и Рапапортом, оказалось, что они студенты-медики.

Вскоре, пройдясь по городу, отправили почту. Зашли в *Музей,* где я почувствовал живой интерес к еврейскому искусству. Да, оно религиозное, но, например, изображение двоих детей вырезанное по дереву - великолепное произведение. Очень занимательны предметы с мотивами характерными для белорусской крестьянской вышивки. После того как мы пообедали в знаменитой столовой (раньше это был ресторан, куда ходили буржуи), проспал пару часов. Показалось, что немного поднялась температура, но спалось хорошо. С восьми часов вечера смотрел «Бомбина» в Еврейском театре. Автор пьесы сейчас живет в Москве. Спектакль состоял из четырех актов, сцен было десять примерно.

Пьеса описывает коммунистическое движение в Польше: молодой продавец газет был предан и передан властям, так как шпионил в пользу коммунистов. Буржуйское правительство объявило его изменником Родины и казнило (через расстрел). Декоратор этого спектакля действительно талантлив… городские улицы, дома, демонстрация против несправедливых законов, буржуйское кафе…связь предателя и жены владельца завода, в чрезвычайно простых технических приемах использованных в постановке и проявляется цельность представления. Я был очень впечатлен. Идея в декорациях городских улиц сделать сцену под уклоном и разместить различные конструктивистские элементы на столбах электропередач показалась мне довольно интересной. Написал краткий отзыв для сотрудников Еврейского театра, и перевел его на эсперанто. Насыщенный впечатлениями день!

02.25(Суббота)

Сегодня с 11 утра по приглашению Рапапорта, Снежка и Кулиша посетил «Instituto de Blancorusia culturo», мне рассказали о системе в целом, о составлении белорусско-ивритского словаря…Ученые обеих специальностей с энтузиазмом описывали методы составления…побуквенные… карточки с вопросами для сельских жителей. В отделе Иудаики с энтузиазмом работала молодая замужняя женщина. Я был глубоко впечатлен картой расселения евреев. В отделе образования я узнал об образовательной системе от младшей школы до академии…каким образом дети рабочих могут получить университетское образование… как совмещают работу и учебу. Встретился с молодыми студентками, изучающими эсперанто в польской школе (здесь есть отдельные белорусские, польские и еврейские школы). Они задали мне различные вопросы на эсперанто, одна из них сказала, что хотела бы продолжить общение по переписке и попросила у меня адрес…очаровательная девушка лет 17 к тому же хорошо владеет эсперанто. Побывал на репетиции спектакля (заметка с впечатлениями об увиденном в другой тетради). Присутствовал на встрече преподавателя со студентами, наподобие научного кружка. Под руководством красивой преподавательницы студенты обсуждали научные работы, критиковали их, а в конце она высказала свое мнение.

На автобусе по заснеженным улицам… Вечером посмотрел спектакль об Испанской революции в Еврейском театре… впечатления в другой тетради. (Возник вопрос: какова методика преподавания польского искусства детям?)

26.2(Воскресенье)

Сегодня опять перенес встречу с литераторами. Побывал на демонстрации К.А.. Видел прекрасное шествие пионеров, среди них были юные эсперантисты… все поприветствовали меня. Видел всю демонстрацию с трибуны.

Литературные движения в Минске – это, во-первых, «Полымя» («старые» литераторы и несколько новых лиц), во-вторых, «Маладняк»(пролетарские литераторы), в-третьих, «Узвыша»(«чистое искусство») и ЛЕФ…

Я прочитал еврейскому юноше Кацу танка:

Когда и на земле
увидишь свет небес,

Воспрянут мужественно сыны
Нового Израиля…
В Минске.

Айзеншпиц… Премьер Еврейского театра Айзеншпиц мечтает поехать в Японию, чтобы изучать японское театральное искусство. Как я понял, хочет изучать Но и Кабуки. Хорошо владеет немецким и эсперанто собирается учить.

Вечером немного поспал. К восьми часам пошел на спектакль «Беларуси» в тот же театр, в котором был вчера вечером. Кёгэн[21] по известной легенде «Царь Максимилиан». Автор Мицкевич, постановщик Симсилаев, декорации – Никитин, поэтому царь и власть, отношения отцов и детей, герой, смерть, крах могущества перед лицом правды, все это изображено на фоне простой жизни народа. Позабавило то, что с начала и до конца представления периодически то звучали Белорусские народные песни, то исполнялись народные танцы.

Декорации были выдержаны в стиле конструктивизма, сама постановка – в рамках своего рода «народного реализма». Например, в одной из сцен, где царь убивает ослушавшегося сына, нет ни одного реалистического элемента, но очень эффектно

«Царь Максимилиан» …сцены: быт простого народа… царь…карикатурная сценка…царь и танцовщицы…сын царя выступает против его второй жены…сына бросают в темницу…появляется отважный воин защитник христианского Бога…он вызволяет сына царя из темницы…приезжает другой царь…происходит восстание вассалов… «Смерть» убивает отважного воина… турецкий царь убивает царя Максимилиана…обезьяна надевает корону Максимилиана…лекарь приводит царя в чувства… воин Адольф… царь все-таки умирает… из темноты повествует женский голос,… говорит: «история-то хороша, а рассказали, как смогли».

27.02(Понедельник)

Днем по просьбе режиссера, актеров Еврейского театра был приглашен на встречу объединения художников, где мне задали около десятка вопросов о японском искусстве, точнее по трем темам: о Но, о Кабуки, и о Цукидзи…все вопросы были конструктивными. Актриса, которая произвела на меня глубокое впечатление, пришла с мужем.

Вечером посетил группу изучающих эсперанто. Пришли и пионеры-эсперантисты. Оказалось, что они знают Тава Кадзуо. Хорошие ребята. Одна из актрис еврейского театра тоже начала учить эсперанто… пожилые эсперантисты.

Позже вечером был приглашен в гости к Шукайла литератору ЛЕФ (принадлежащему к литературной группе LK). Взял извозчика. Расспросил Шукайла об основных принципах LK… они связанны с движением ЛЕФ… нужно преобразовать пролетарское направление в искусстве в направление «истинного искусства». Для этого необходимо противостоять всем прежним направлениям искусства…банкет…участники группы…участницы группы тоже пришли… красивые женщины… плач ребенка… все много пели…я тоже пел… спор с литераторами из «Узвыша» (запись в другой тетради)… напился…поздно ночью на извозчике вернулся в отель…(Дом Шукайла…младенец…гостьи немного в возрасте… пожилые эсперантисты).

28.02(Вторник)

Пришли Шукайла, Снежка, Рапапорт. Пришел фотограф, сделал три снимка. Один снимок – только я, на другом вместе со Снежка, третий – все вместе.

Поехали в деревню в пригороде Минска (в другой тетради). От отеля поехали на повозке. Втроем с Шукайла и Снежка посетили деревню в окрестностях Минска. От поездки по снегу в санях захватывало дух. Аллея Екатерины Второй. Широкая дорога сквозь березовую рощу простиралась насколько хватало взгляда, с обеих ее сторон бескрайние заснеженные поля. Польские войска нападали на эти земли, а местные

---

[21] Фарс, комические интермедии в театре Но

деревенские жители собирали оборонительные отряды и сражались с ними, неподалеку даже было место, которое называют «партизанское поле». Наши сани катились, взметая вихри снега. Собака Шукайлы бежала перед санями. Где-то через 20 верст (примерно 5 ри) начался спуск в низину. Местная ребятня преспокойно каталась, уцепившись за наши сани, возница особо не препятствовал этому. За мостом после деревни Каралішчавічы[22] по левую руку была коммуна Большевики. После того как поляки разграбили эти земли, а помещик куда-то сбежал, крестьяне организовали здесь общее хозяйство. В округе руины разграбленных строений. Шукайла когда-то преподавал в местной школе, поэтому хорошо знал жителей этой коммуны. Как только мы въехали в невысокую коммунистическую деревню, наша собака (сука) сразу сдружилась с местными псами. Вышел старик, показал нам деревню (в руках у него был большой ключ)… в 16 домах живет 87 человек, хозяйство ведут общее. Вошли в дом (одну из частей большого дома), где, похоже, раньше жил помещик, а там горбунья с сыном (тоже горбатым). Похоже, болезнь передается в этой семье по наследству. Дом старосты. Вместе с фотографиями сыновей на стенах висели фотографии современных белорусских литературных деятелей Янки Купалы, Якуба Колоса и Сталина… уважение к литераторам общая черта советских граждан. Хлев (в низине), конюшня (на холме на площади), противопожарный насос и резервуар с водой. С давних времен здесь была тюрьма, теперь клуб. Осмотрели клуб. Большая печка…красный коммунистический флаг… белорусский алфавит. Амбар …взял горсть зерна. Сказав на прощание: «*Дзякуй!*» - сели в сани. Посетили дом простого деревенского жителя Пластинского. Дом рядом с церковью и школой, больше среднего. Не то, чтобы зажиточный, но жених дочери работает секретарем деревенского совета, из четырех сыновей – двое студенты. Один (тот, что поэт) учится в Ленинграде, другой – в Минске. В просторной гостиной крестьянского дома дощатый пол и красивый полог… за ним качается люлька (люлечные песни широко известны). Я спросил, можно ли заглянуть, на что мать семейства ответила: «*Можно! Можно!*». Отодвинув полог, я увидел за ним мальчика лет 10, он укачивал в люльке ребенка 2-х лет, который лежал, широко распахнув глаза, и отсутствующим взглядом смотрел в потолок. Через Снежка задал я вопросы на эсперанто… про прежнюю и нынешнюю жизнь… про поголовье скота в хозяйстве… про результаты кооперации… про размеры вступительных взносов в кооператив…систему займов (об этом в другой тетради). Они смогли прогнать купцов. До революции было 600 гектар, теперь 1426 гектар, электричество пока не подвели… печка да мать.

Началось застолье, над столом подвесили лампу. За столом отец, два сына, жених дочери, двое деревенских (дочь позже подошла) и мать тоже. Другие жители деревни наблюдают стоя… прекрасное зрелище… предлагают выпить…без конца предлагают выпить…раньше здесь были только помещики, сейчас их нет… Шукайла тоже хорошо выпил…счастливое лицо отца семейства... подготовка саней…собака - тема для поэта... лошади бегут в свете луны… супонь рассупонилась…холодно. Потеряв примерно полтора часа, прибыли в Минск. С 10 часов смотрели комедийный *синематограф* «Двое мужчин» об их изобретении …Наивное *кино* о советской жизни. Были две девушки, Снежка, Кац, Рапапорт. Устал.

29.02(Среда)

Сегодня посетил издательство российской газеты «*Рабочий»*, познакомился с *редактором* и его помощником. После обеда передохнул немного. Закончил подготовку к вечерней беседе, и стоило только прикорнуть, заснул, проспал примерно час.

Сфотографировался с эсперантистами.

Ближе к девяти вечера идем с Кацем и Рапапортом в Клуб, где собираются учителя. Здание клуба было специально подобрано для учителей, поэтому там есть

[22] В оригинальном тексте «Каромичувичи»

роскошный холл, и даже сцена. Там собрались эсперантисты, минские литераторы, учителя, красноармейцы. Кулиш вел встречу. Когда моя лекция благополучно закончилась, начались вопросы о социальной ситуации в Японии, об образовании и литературе. Со сцены я ответил на каждый вопрос. На концерте послушал белорусский народный инструмент цимбалы и народные песни в исполнении актрисы Бондарчук.

После встречи пригласил в отель литераторов (из «Маладняка»). Актриса Бондарчук присоединилась к нам, вот увлеченная женщина…продолжили мы в доме одного из литераторов в пригороде Минска… Бондарчук чудесно пела и танцевала. В начале четвертого меня подвезли на санях до отеля. В начале пятого лег спать. Немного перепил, поэтому было нехорошо.

01.03(Четверг)

У меня остался ночевать еврейский юноша Раппопорт. Утром, когда я проснулся, он еще спал. Кулиш рассказал мне, что в гостиницу приедут люди R.A. из Германии, и я решил сходить на встречу с ними. Все вместе поговорили в столовой. Двое из них могли совсем немного говорить на эсперанто, но и это очень помогло.

Поделились со мной посмертным фотопортретом Ленина

Немецкое оппозиционное движение «Рот Фронт» поражает и, похоже, в Германии не преследуется законом. Сфотографировались все вместе. Подготовился к отъезду в Москву. Вечером посетил школу R.A.. Там меня очень радушно встретили. Ведут статистический учет всего от количества корма лошадям до обеспечения солдат. Пригласили на встречу К.М.. Поприветствовал всех…Снежка меня представил…овация… собравшиеся подхватили меня и подняли. Ближе в восьми часам заехал в отель, оттуда сразу на извозчике поехал на Минский вокзал. Меня также поехали провожать три красивые девушки, в буфете написал для них что-то. Все попросили меня снова приехать в Минск. Пятое купе, 19 место. Зашли в купе все вместе, пока разговаривали, уже подошло время отправления поезда. Крепко пожав всем руки, отправился в путь.

Одной из девушек написал такие слова: Ĉiam estas adiaŭo![23] Кажется, на следующей остановке после Минска в купе в сопровождении служащего железной дороги зашла дама лет сорока. «Как тихо в этом *вагоне!*» - она заговорила со мной по-русски, поэтому я, поздоровавшись, сказал, что немного понимаю русский, но сам говорить не могу. Тогда она, улыбаясь, расположилась напротив меня. Похоже, высокообразованная женщина, она достала книгу Алексея Толстого. Время от времени она заговаривала со мной, и очень радовалась и задавала разные вопросы, когда я показывал ей фотографии из Японии или Минска. В *вагоне* мы ехали вдвоем, и было очень спокойно. Когда я сказал: «Не стесняйтесь! Располагайтесь как Вам удобно», она улыбнулась. Вскоре дама удалилась в уборную, переоделась в ночную рубашку, прилегла и продолжила читать. Роскошное тело, но тонкий изящный профиль. Вскоре она задремала. Когда бой стелил мне, она проснулась и закурила. Я тоже лег спать. Очень спокойная ночь. Подумалось, что не бывает так, чтобы японская женщина вот так вот спала в одном помещении с мужчиной. Когда я проснулся ночью, увидел, что пока я спал, кто-то закрыл электрическую лампу. Наверно, та дама не могла заснуть, поэтому закрыла ее. (Последний день в Минске и отъезд).

02.03(Пятница)

Утром попутчица встала рано, и переоделась из ночного. Надев обычную одежду, она снова прилегла с книгой. Тогда встал я, пожелал ей доброго утра, она кивнула мне, улыбаясь. После того как я умылся, мы пили чай и разговаривали.

Дама спросила: «Вы говорили, что живете в Москве, Вы сами несете все расходы»? На что я ответил: «Да, сам. Я писатель, и проживаю на то, что выплачивают мне японские издательства», и тогда она спросила: сколько я получаю в месяц, где я живу. Тогда я

---

[23] Эспер.: «Всегда случаются прощанья!»

спросил можно ли сравнить нынешнюю жизнь служащего железной дороге с тем, как было раньше. Она ответила «*Конечно! Конечно!*» Потом она спросила: а Ваша дочь крупнее Вас, когда я ответил «да», она удивилась. А когда сказал, что и жена крупнее, она рассмеялась. Эта дама из всех встреченных в России женщин показалась мне самой спокойной. Когда мы прибыли в Москву, я сказал по-белорусски: «*Дзякуй*», мы пожали друг другу руки, она ответила «*До свидания!*» и сошла с поезда. Я снова в Москве…навевающее воспоминания чувство. На извозчике в отель. По дороге шествие Красной Армии, торжественная музыка. Когда добрался до отеля, позвонили от Мэри. Рассказал о жизни в Минске Наруми и Накадзё. Вечером после ужина чай с сахаром на ул. Белинского. (Снова в Москве)

Юры Гардзееў. Некаторыя заўвагі да пытання развіцця беларускай мовы ў 18 ст.

Дадзены даклад з'яўляюцца спробай аналізу соцыялінгвістычнай сітуацыі беларускіх гарадоў у 18 ст. Галоўная ж увагу будзе звернута напытанні, якія выпаюць з-пад увагі даследчыкаў. Гэта статус беларускай мовы, сферы яе ўжывання, наяўнасць пісьменных помнікаў і іх фанетычна-арфаграфічныя асаблівасці. Выбар праблемы і храналагічнага адрэзу – не выпадковы. Ён выкліканы адсутнасцю комплекснага падыходу да вывучэння гісторыі мовы ў адзначаным перыядзе, яе здабыткаў.

Яшчэ ў 1961 г. адзначыў Уладзімір Анічэнка, што: „*У некаторых моваснаўчых і літаратуразнаўчых працах апошняга часу паўтаралася думка аб тым, што ў XVIII ст. зуісм спынілася ўжыванне беларускай мовы ў пісьменнасці. Пры гэтым адзначалася, што беларускачя мова ў той час ужывалася толькі ў вуснай мове простага народу і ў яго фальклоры*”[24]. З гэтай думкай нельга не пагадзіцца.

Сапраўды, гісторыя беларускай мовы 18 ст. – праблемаслабадаследаваная, што стварае глебу для развіцця ў грамадскай свядомасці стэрэатыпаўі апрыёрнага пераканання аб адсутнасці пераемнасціпаміжстарабеларускайіновайбеларускайлітаратурнымімовамі.

Можна меркаваць, што гісторыя беларускай мовы ў 18 ст.не атрымала развіцця па наступных прычынах.Аналізуючы шматлікія працы, нельга не заўважыць пэўнай заканамернасціабмежавання ўвагідаследчыкаў перш за ўсё пытаннямі гісторыімовы 13-17 стст.Павышаная цікавасць да літаратурных помнікаў і актава-канцылярскіх матэрыялаў дзяржаўнага ўзроўнюдадзенага перыяду тлумачыцца статусам старабеларускай мовы як дзяржаўнай. Гпа гэтай прычыне асноўнаякрыніцазнаўчая база шматлікіх прац не выходзіла па-за рамкіапублікаваных літаратурных твораў, рэлігійна-палемічнай літаратуры, статутаў ці метрыкі ВКЛ. Сказанае тычыцца таксама*Гістарычнага слоўніка беларускай мовы*, у якім матэрыялы 18 ст. улічаны ў невялікай ступені, а архіўныя крыніцы вогуле адсутнічаюць.

Міф аб забароне беларускай мовы ў канцы 17 ст.

Апісаны стан часткова вынікае з міфу аб забароне беларускай мовы ў канцы 17 ст.[25]Згодна з соймавай канстытуцыяй 1696 г. „*CoaequatioiuriumstanówW.X. LitzKoroną Polską*”: „*усе дэкрэты на польскай мове адгэтуль павінны выдавацца; ранейшыя акты і запісы, дэкрэты і трыбунальскія, земскія і гродскія паказанні павінны захоўваюцца з рэмісіяй да Трыбунала*”[26].

---

[24]У. Анічэнка, *Некаторыя пытанні развіцця беларускай мовы ў XVIII стагоддзі*, „Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук”, № 4, 1961, с. 120-122; А. Мальдзіс, *Таямніцы...*, с. 7.

[25] Анатоль Грыцкевіч, З*аняпад беларускай мовы ў Беларуска-Літоўскім гаспадарстве ў XVIII стагоддзі // Аняменне. З кронікі знішчэння беларускай мовы* (http://txt.knihi.com/mova/aniamiennie/index.html).

[26]*Voluminalegum*, Petersburg, t. V, 1860, s.418.

Як відаць, беларуская мова не была аб'ектам праваvой рэгламентацыі. Дакумент рэгуляваў функцыянальна-моўнае *statusquo*ў галіне справаводства, якое вынікала з працэсу паланізацыі кіруючых эліт у 16-17 стст. Інакш кажучы, улады не кіраваліся ідэалагічнымі меркаваннямі. Варта падмацаваць думку і тым, што свядомая моўная палітыка ў цэнтральна-усходнееўрапейскім рэгіёне з'яўляеццаўласцівасцю эпохі станаўлення і функцыянавання нацыяналізмаў.Таму цалкам лагічным падаецца вывад аб тым, што канчатковае замацаванне польскай мовы ў характары сродку афіцыйнага ўжытку ў ВКЛ не азначала аўтаматычнай забароны карыстання беларускай мовы.

У ценю дзяржаўных моў ці пытанне дыглосіі

Прыклад моўных адносін у Рэчы Паспалітай – не адасоблены. Яго трэба разглядаць у рэчышчы соцыялінгвістычных працэсаў перыяду Новага часу.Як вядома, нямецкая мова дамінавала ў публічным жыцці Чэхіі, Славеніі ці Інфлянт, італьянская – у Далмацыі. Шведская мова выконвала функцыі сродку афіцыйна-дзелавых зносін у Фінляндыі, а дацкая – у Нарвегіі. Польская мова займала аналагічнае становішча ў шматэтнічнай Рэчы Паспалітай.

Разам з тым, на чэшскіх, славацкай, харвацкіх, сербскіх ці славенскіх землях у 18 ст. назіраецца тэндэнцыя пашырэння сфер ужытку народна-гутарковых плыняў у літаратурнай, тэатральнай, адукацыйна-выдавецкай галіне, урэшце робяцца крокі ў накірунку іх навуковай кадыфікацыі[27].

Дадамо, што стан суіснавання дзвюх моў (у нашым выпадку польскай і беларускай ці царкоўнаславянскай і беларускай) ці дзвюх форм той самоймовы (кніжна-літаратурнай і народна-размоўнай), якія ўжываюцца ў розных функцыянальных сферах, акрэсліваецца **дыглосіяй**[28]. Канечне, і гэту схему можна палічыць спрошчанай.

Сферы ўжывання беларускай мовы 18 ст.

У сувязі са сказаным узнікае пытанне аб высвятленні сацыяльнай прыналежнасці носьбітаў і карыстальнікаў беларускай мовы ў 18 ст. і сфер яе ўжывання. У свой час Адам Мальдзісадзначыў факт пэўныхцяжкасцей, якія ўзнікалі ў працэсе атрыбуцыі помнікаў беларускай літаратуры, што было абумоўлена іх ананімнасцю, набліжанасцю да фальклорных форм[29]. Разам з тым выяўленыя іму польскіх, літоўскіх і ўкраінскіх зборах**барочныялітаратурныя помнікі**пераходнага

---

[27] Л. Титова, *Чешская культура* // *Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы*, с. 84, 88-89, 91-94, 97, 101; И. Богданова, *Словацкая культура* // Тамжа, с. 117, 118; А. Данилова, *Хорвацкая культура* // Тамжа, с. 148, 149, 150, 157, 164-167; И. Чуркина, *Словенская культура* // Тамжа, с. 202, 204, 206; И. Лещиловская, *Сербская культура* // Тамжа, с. 176, 187, 189, 190, 191, 193; M. Waldenberg, *NarodyzależneimniejszościnarodowewEuropie Środkowo-Wschodniej*, Warszawa, 2000, s. 58, 67.

[28]Н. Мечковская, *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*, Москва, 2001, с. 171.

[29] А. Мальдзіс, *На скрыжаванні славянскіх традыцый*, Мінск, 1980, с. 11.

перыяду[30]сведчаць аб тым, што аўтарамітагачасныхпаэтычных твораўбылі: уніяцкае і праваслаўнае духавенства, езуіты (Дамінік Рудніцкі) ціпрадстаўнікі шляхецкага саслоўя (Яахім Храбтовіч)[31].

Шматмоўе характарызавала таксама пастаноўкі **школьныхтэатраў**. Польска-беларускія, беларуска-рускія ці беларуска-украінскія інтэрмедыі ставіліся на памостках езуіцкіх калегіумаў, у Смаленскай праваслаўнай семінарыі. Беларускія інтэрмедыйныя ўстаўкі фіксаваліся ў сцэнічных творах базыльянскагатэатраў Жыровічах[32]. Урэшце трэба ўзгадаць дзейнасць Забельскагакляштарадамініканцаў, дзе ў канцы 18 ст. былі напісаныпольска-беларуская *Камедыя* ксяндза Каетана Марашэўскага (1787) і *Доктар па прымусу*ксяндза Міхала Цяцерскага (мадыфікацыя камедыі Мальера)[33].

Пазастаецца знайсці адказ на пытанне, якімі меркаваннямі кіраваліся манахі, ужываючы беларускую мову, на якой у *Камедыі* размаўляе селянінДзёмкаіяўрэй-карчмар? Па-першае, у мэтах стварэння камічнага эфекту, што прадугледжвалася эстэтыкай класіцызму[34]. Аднак калі ўлічыць, што ў французскай літаратуры адным з галоўных персанажаў з’яўляўся мешчанін, чалавек з нізоў, то можна зрабіць выснову аб свядомым увядзенні вобразугероя-нешляхціча ў мальераўскай пераробцы. Нельга выключыць і таго, штодамініканцы мэтанакіравана ўводзілі беларускі кантэкст у асветніцкіх мэтах, адрасуючы творбеларускамоўнаму сялянска-мяшчанскаму асяроддзю[35].

Мова ў прасторы адукацыі

Яшчэ адной грамадскай сферай, дзе гучала мова, з’яўлялася **ўніяцкаяшкола**,якая пачала развівацца ў другой палове 18 ст.[36]Водгукі заангажаванасці ўніятаў у галіне адукацыі сустракаюцца ў інструкцыі шляхты Ваўкавыскага павета 1791 г. У памянёным дакуменце адзначалася, што ордэн базыльянаў, „[...] *які ёсць карысным народу нашаму, бо навучае ў школах па розных месцах, не беручы за гэта заробку Адукацыйнай камісіі і які руплівым навучаннем сваё паспольства* […] *імкнецца ўтрымліваць* […]”[37].У інструкцыі, што праўда, нічога не гаворыцца на якой мове вялося навучанне.

---

[30] А. Мальдзіс, *Таямніцы старажытных сховішчаў*, Мінск, 1974, с. 7-22, 50-58; 107-119, 129-140; *Гісторыя беларускай літаратуры. Старажытны перыяд*, Мінск, 1997, с. 330, 342; T. Poźniak, *Literaturabiałoruska* // *Dziejeliteratureuropejskich*, t. 3, Warszawa, 1989, s. 643.

[31]А. Мальдзіс, *На скрыжаванні* …с. 74-78, 280-282; *Гісторыя беларускай літаратуры. Старажытны перыяд*, Мінск, 1997, с. 321-332.

[32] У. Анічэнка, *Некаторыя пытанні развіцця беларускай мовы ў XVIII стагоддзі*, „Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук”, № 4, 1961, с. 120-122; А. Мальдзіс, Таямніцы..., с. 7-22; А. Мальдзіс, *На скрыжаванні* …с. 313-335; Г. Ціванова, *Да праблемы высвятлення дыялектнай асновы твораў беларускага пісьменства XVIII стагоддзя // Беларускае слова: дыялектнае і запазычанае* Мінск 2011, с. 94; *Гісторыя беларускай літаратуры. Старажытны перыяд*, Мінск, 1997, с. 335, 345.

[33]А. Мальдзіс, *Таямніцы...*, с. 152-175.

[34]А. Мальдзіс, *На скрыжаванні* …с.313-314; У. Анічэнка, *Некаторыя…*, с. 120; *Гісторыя беларускай літаратуры. Старажытны перыяд,* Мінск, 1997, с. 340.

[35] А. Мальдзіс, *На скрыжаванні* …с.333.

[36]D. Beauvois, *Szkolnictwopolskienaziemiachlitewsko-ruskich 1803–1832*, t. II, Rzym–Lublin, 1991, s. 177.

[37]Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей НГАБ), Ф. 1710 воп. 1 спр. 32 арк. 1125адв.

Да высвятлення пытанне нас набліжаюць таксама іншыя факты. Вядома, напрыклад, што ў парафіяльнай школе ў Шчорсах – валоданнях Храбтовічаў - вывучалася „славянаруская” мова. У канцы 18 ст. улады горада Бярэсця падпісалі ўмову з базыльянамі, кабнавучанне ў мясцовай школе вялося па-польску, „па-руску” і на лаціне[38].У адпаведнасці з рашэннем праваслаўнага сабора, што адбыўся ў Пінску ў 1791 г., у школах кожнага прыхода мелі выкладацца польская і „руская” мовы для дзяцей ўсіх саслоўяў[39]. Нагадаем, што „вучні мінскіх школ” на пачатку 19 ст. ахвотна размаўлялі па-беларуску[40].

Як вынікае з пратакола генеральнай візітацыі ўніяцкай школы ў Беразвеччы 1790г. вучні, якіх налічвалася 140, здавалі іспыт па „славенскай мове” („*języksłowieński*”), чытанню і, што з'яўляецца найбольш цікавым, з „перакладаў кніг рускіх і скорапісаў”(„*tłumaczeniaxiągruskichiskoropisów*”)[41]. Не выклікае сумнення, што ў першым выпадку гаворка ідзе аб царкоўнаславянскай мове, у другім – зыходзячы з фармулёўкі - хутчэй за ўсё актавыя кнігі, складзеныя скорапісам, г.зн. формай пісьма, якая выкарыстоўвалася пачынаючы з канца 14 па 17 стст.[42]

Візітатар, які наведаў школу ў Жыровіцах у 1791 г., падкрэсліваў заняпад ў„правінцыяльных школах” лацінскай мовы. Утой час час адзначыў, што ў яго прысутнасці чыталіся даўнія „скорапісы”, напісаныя „на славянскай мове”(„*językiemsłowiańskim*”)[43].

Такім чынам, у памянёных ўніяцкіх школах вывучалася царкоўнаславянская мова як мова богаслужэння і кананічнай хрысціянскай літаратуры, а таксама старабеларускія тэксты, напісаныя скорапісам. Зыходзячы з прававога рангу беларускай мовы у 18 ст., якая не з’яўлялася мовай афіцыйных зносін, згадкі – вельмі цікавыя. Тым больш што яны праліваюць святло на новую сферы афіцыйнага ўжытку старабеларускіх помнікаў.

Аналіз захаванага матэрыялу насоўвае яшчэ адну заўвагу. Ролю навучальных дапаможнікаў у школах выконвалі помнікі афіцыйна-дзелавой пісьменнасці, складзеныя ў папярэдніх стагоддзях і якія – як сведчаць крыніцы - вучні мелі перакладаць. Гэту згадку можна патрактаваць таксама крыху інакш. Факт выкладання прадмета на базе актавых кніг ці, напрыклад, матэрыялаў Метрыкі ВКЛ, з’яўляецца ўскосным доказам таго, што ў акрэслены час падручнікі па старабеларускай мове не існавалі.

У зборах Расійскага дзяржаўгага гістарычнага архіва, у фондзе Канцылярыя мітрапалітаў грэка-уніяцкіх цэркваў, захаваліся рапарты базыльянскіх кляштараў полацкаму архіескапу Іраклію Лісоўскаму з пачатку 19 ст. Згодна з іх зместам у канвікцы Сырыцкага кляштара (Бабінавецкі павет Магілёўскай губерні) вывучаліся лацінская, польская і „руская”мовы („językruski”). Не менш

---

[38]I. Szybiak, *Szkoły parafialne w Wielkim Księstwie Litewskim w czasach Komisji Edukacji Narodowej*, „Rozprawy z dziejów Oświaty”, t. 11, Wrocław 1968, s. 119.
[39]O. Łatyszonek, *Białoruskie Oświecenie*, „Białoruskie Zeszyty Historyczne”, nr 2, 1994 (http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/bzh/02/02art_latyszonaарк.htm).
[40] S. Stankiewicz, *Pierwiastki białoruskie w polskiej poezji romantycznej*, Wilno, 1936, s. 16.
[41]Навукова-даследчыархіўСанкт-ПецярбургскайбібліятэкіІнстытутагісторыіРАН, Ф. 52 1-238арк. 2.
[42]А. Булыка, *Скорапіс* // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, т. 6. Мінск, 2001, с. 324.
[43]Навукова-даследчы архіў Санкт-Пецярбургскай бібліятэкі Інстытута гісторыі РАН, Ф. 52 1-238 арк. 3-4.

цікавым падаецца сацыяльны зрэз вучняў, якія паходзілі з шляхецкіх і святарскіх сем'яў[44]. У парафіяльнай школе Ануфрыеўскага кляштара (Чэрыкаўскі павет Магілёўскай губерні) у 1803 г. 10 дзяцей вывучалі „рускую і польскую граматыку" („gramatykaruskaipolska")[45].

Дадамо, што паводле рапартаў 1802 г. у 4 парафіяльных школах наступных базільянскіх кляштараў - Дабрыгорскам (Лепельскі павет Віцебскай губерні), Серацінскім (Гарадзецкі павет Віцебскай губерні)Б Малашкоўскам (Клімавіцкі павет) і Барыса-Глебскім ў Полацку вучні шляхецкага паходжання вучыліся пісаць і чытаць „па-польску і па-руску"[46]. Праўда, у дадзеным выпадку даволі складана сцвярджаць, якую мову мелі на ўвазе аўтары рапартаў – беларускую ці царкоўнаславянскую?

Горад і беларуская мова[47]

Не менш цікавым падаецца пытанне аб сферах ужытку беларускай мовы ў гарадах[48].Аналізуючы дзейнасць вялікакняскай канцылярыі ВКЛу 14-17 стст., Ганна Ціванова трапна заўважала, што „*помнікі справавога пісьменства ўспрымаюць народнагутарковыя рысы хутчэй за помнікі іншых жанраў*"[49].Аднак ці прасочваюцца ўплывы жывой беларускай гаворкі ў гарадскойактава-канцылярскайдакументацыі ў 18 ст., калі польская мова мела статус афіцыйнай сродку зносін?

У 18 ст. польская мова дамінавала ў канцылярыях **Гародні**, горада размяшчанага на захадзе ВКЛ[50]. Шукаць беларускіх тэкстаў у актавых кнігах – дарэмна. Разам з тым у кнігахмагістрата, шляхецкіх судоў ці кляштарных архіваўсустракаюцца прыкладыпольска-беларускіхмоўных інтэрферэнцый. У першую чаргу гаворка ідзе аб беларускім фанетычным уплыве на польскую мову.

---

[44]Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў, Ф. 823 воп. 2 спр.. 3030 арк. 2-2адв.

[45] Тамсама, арк. 7-7адв.

[46] Тамсама, арк. 10, 26-31.

[47] Ю. Гардзееў, *Да пытання аб мове актавых кніг гродзенскага магістрата*, "Беларускі Гістарычны Агляд", т. 10, сш. 1-2, 2003, с. 121-142; той жа, *Materiały źródłowedodziejówUwagiobiałorusko-polskichkontaktachjęzykowychwmiastachWielkiegoKsięstwaLitewskiego* // "StudiaSlavicaAcademiaeScientiarumHungaricae", t. 49, nr 3-4, Budapest 2004, s. 281-294; той жа, *Wkwestiijęzykaosiemnastowiecznychksiągmiejskichgrodzieńskich*// *KulturaijęzykiWielkiegoKsięstwaLitewskiego*, Kraków, 2005, s. 125-131; той жа, *Materiały źródłowedodziejówWielkiegoKsięstwaLitewskiego. Cz. 1. Inwentarze miasta Pińska z lat 1764 i 1778*, „Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie", 2003, s. 131-209;Бібліятэка ПАУ і ПАН у Кракаве, № 5924 арк. 53 - 60адв, 68-78.

[48]Адзначым, што адсотак гарадскіх жыхароў у Рэчы Паспалітай у другой палове 18 ст. вагаўся ў межах 11,5%-14% (E. Rostworowski, *Miasto i mieszczaństwo w ustroju Trzeciego Maja* // *Sejm Czteroletni i jego tradycje*, red. J. Kowecki, Warszawa, 1991, s. 141–142).

[49]Г. Ціванова, „*Чаговамхочацца, панове…*": *знагодыпублікацыікнігіУладзіміраМякішава „Языклитовскогостатута 1588 года*", „ВеснікБДУ", сер. 4, 2010. № 1, с. 50.

[50] Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Ф. 1761, 1800; Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў, СА 3862, 11649; Ф. 11 воп. 1 спр. 18584); матэрыялы архіва гарадзенскага францішканскага кляштара; архіва Радзівілаў (Галоўны архіў старажытных актаў у Варшаве, аддзел XVIII), рукапісы Навуковай Бібліятэкі ПАУ і ПАН у Кракаве, № 568*; InstruktarzmiastaJ. K. MciGrodna, ObiasnieniaInteressumiastaSeymowegoJ. K. MciGrodna*, 1789.

Як вядома, сучасныя беларуская арфаграфія грунтуецца на **фанетычным прынцыпе**. Адной з фанетычных асаблівасцей беларускай мовы з’яўляецца аканне, якое ўзнікае ў выніку змены націску і рэдукцыі ненаціскных галосных. Адсюль вынікаўуплыў беларускай мовы як мовы-субстрату на польскую мову:*Sapocki*(1789),*Harasimowa*(1791).

У гарадзенскіх тэкстах натуюцца прыклады:

-мяккага вымаўленне беларускага *χ*: *Eustachi* (1717),*dachi*(1753)*, monarchi*, *Sapiechi*(1775), *chiba* (1791),

- пратэтычнагаh: *hanyż* (1786), *harmata* (1781),

- з’яўленне *и*кароткага замест *w* пасля галосных: *Hauryło* (1741)[51],

-беларускага чаргаванне*г/з:Sapiezie*(*Сапезе*)

- назоўнікаў мужчынскага роду з канчаткам -*a*ў назоўным склоне: *Karpuszka* (1772, 1790).

У гарадзенскіх крыніцах сустракаюцца інавацыйныя словаўтваральныяформы:*hanczarz*= *ганчар* + *garncarz*.

Беларускімі ўстаўкамі з’яўляюцца розныя тэрміны: *pieńka*(1786), *czerha* (1612), *biełuha*(1786)*, subota* (1790),*nazad*(1691, 1752); *kruhlak* (1791), *proboj*(1752),*stol*(1717), *odryna* (1752, 1790), *powieć* (1744), *swiren*(1741), *kołodzież* (1560-1561),*płoszcza* (1713, 1752, 1772),*parasonik* (1785).У польскамоўных дакументах трэба таксама адзначыць багаты беларускі **антрапанімічны матэрыял**: *Ławryn*(1795), *Panas*(1661, 1741),*Hauryło*(1741), *Symon*(1663, 1790),*Wasil*(1754, 1790), *Zmitruk*(1790), *Taciana*(1664), *Hardziej / Hardziejewski*(1790),*Hanczaruk* (1740), *Harasimowicz*(1754), *Hapanowicz* (1712).

Больш таго ў гарадзенскіх тэкстах назіраюцца**беларускіядыялектныя асаблівасці**. Сказанае тычыцца слоў, якія належаць да групы паўночна-заходніх беларускіх гаворак і ў якіх фрыкатыўны γ перад націскной галоснай выступае на месцы *в*: *zahułek* (*загулак*). Нагадаем, што назва каляднай песні*УБэтлегэме, домеўбогім*, што фіксуецца ва ўніяцкім*Служэбніку* (Супрасль 1726), з’яўляецца яшчэ адным сведчаннем развіцця беларускіх гаворак[52].

Цікавыя прыклады назіраюццаў інвентарах палескага **Пінска**1764 і 1778 гг.:

- поўнагалоссе:натуецца падвойная версія напісання прозвішча: *Kłodny–Kołodny*,
- *ў* кароткае: *Laudański*, *Lauryn, Jouzelowicz*, *Audotka*,
- беларускія антрапонімы:*Ustym, Sciepan, Martyn, Semen, Wasil, Chwiedor*,
- антрапонімы з беларускай дэрывацыяй -*icha (-ycha)*: *KaśkaParchwienicha, Semenicha, Krawczycha, Litmanichawdowa, AhapkaHoryłczycha*,*ParaszaKalutycha, PesiaKabałczycha, Naumicha, Olejniczycha*.

Прыкладам польска-беларускіх моўных ўзаемадзеяннняў з’яўляецца інавацыйнае словатварэнне, якое натуецца ў **мінскіх дакументах**:

- *dłużyni* = даўж**ыня** + **dłu**gość,

[51]Форма ўжываецца ў творах канца 18 ст. *Камедыя* Каетана Марашэўскага і *Доктар па прымусу*Міхала Цяцерскага (А. Булыка, А. Жураўскі, І. Крамко, *Гістарычная марфалогія беларускай мовы*, Мінск, 1979, с. 238).

[52]А. Мальдзіс, *На скрыжаванні* …, с.70.

- *szerzyni* = шыр**ыня** + **szer**okość[53].

Крыху інакш выглядала становішча беларускай мовы на ўсходзе краіны, у **Магілёве**, дзе яшчэ на пачатку 18 ст. на беларускай мове складаліся магістрацкія кнігі[54]. Беларускі матэрыял можна прасачыць і ў пазнейшых дакументах, напрыклад утэкстах інвентара горада 1746 г. ды падымнага падатку 1765 г.[55]Асаблівасцю тэкстаў з'яўляецца іх мова, якая праяўляецца ва ўплыве беларускай народна-гутарковай мовы на польскую мову як мову афіцыйных зносін.Акрамя таго згаданыя тэксты – гэта каштоўнае сведчанне пранікнення жывой беларускай мовы ў актавую дакументацыю 18 ст. Шматлікія імёны і прозвішчы ўладальнікаў нерухомай маёмасці горадабылі напісаны па-беларуску, лацінкай. Аналіз антрапанімічнага матэрыялу дазваляе прасачыць фанетычныя рысы беларускай мовы:

1) акання: *IwanAleynik, Iwankanawal, AsipDoilid, Sidar, WaskaBahamaz, WaskaAskolak, MaximMastok, Prakop,*

2) якання: *Maleszka*, *Jan Miacielica, ArchipMiatła, SZawialicha, Ciareszka, Dzianis, PiatrokSialicki, Siamoinicha, Fiados, Alaxey, JarmołaCiareszka, Jakim, AtroszkaBiaźmien,*

3) цекання і дзекання: *Cimko, Cimoszka, Ciaruk, CikszkaMacwiey, Czadzicha*,

5) фрыкатыўнага*г*: *Hudkohanczar, Hauryła, MarcinHarbuz, Hałwarczyk, ŁohwinHarasim, IwanKaczarcha,*

6) ў нескладовага:*Ułas*, *Audakim, Auchim, Ausiey, Dauhulicha, Autuszka, Sauka, Łauryn, Pauluk*,

7) цвёрдага зычнага *ч* і *р*: *Szczarbak, Aryna, Maryna, Czyczyrko, Czarnysz*,Baturycha,

8) падвоеных зычных: *Awhinnia, Uscinnia,*

9) прыстаўных: *Atrochim, Lawon, Jezowitow*,

10) розных імён: *Mikita, Makar, Astap, Jurka, Zmitrok, Achrem, Marya, Wasil, Apanas*,

11) назваў рамёстваў: *Maximbondar, szklar, Piliphanczar, katlar, Mialeszkastolar*.

Азнаямленне са згаданымі матэрыяламі насоўвае пытанне, ці ў 18 ст. беларуская мова перажывала заняпад?[56] Ці надалей абслугоўвала розныя сферы грамадскага жыцця?

Кароткія падсумаванні

Згодна з заўвагай Ірына Гапоненкі, якая абапірае свае высновы на працах Ганны Цівановай,„*убеларускімжамовазнаўствепрацяглычаспанаваўпунктпогляду, прыякімзаняпадстароймовыкваліфікаваўсяяклітаральныісуцэльныабрыўмоўныхтрадыцый, перыяд XVIII стагоддзя – яксвоеасаблiваялінгвістычнаядзірка, пасляякогапачынаеццановывiтокразвiццяфактычнааднулявойадзнакі*"[57].Прадстаўленыяназіранні, нягледзячы на свой фрагментарычны характар, з'яўляюцца дадатковым эмпірычным пацверджаннем вышэйшага меркавання.

[53] НГАБ, Ф. 1889 воп. 1 спр. 13 арк. 42.
[54] У дакладзе выкарыстаны матэрыялы магістрата Магілёва з ласкавай згоды Зміцера Яцкевіча.
[55]Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Ф. 1817 воп. 1 спр. 186, 187.
[56] Ф. Янкоўскі, *Гістарычная граматыка беларускай мовы*, ч. 1, Мінск, 1974, с. 44.
[57]І. Гапоненка, *Пытанніmоўнайпераемнасціўпрацахбеларускіхіўкраінскіхлінгвістаў* // *Беларускае слова: гісторыя і сучаснасць*, Мінск, 2010, с. 57.

Польская, беларуская, царкоўнаславянская ці іншыя мовы можна патрактаваць у характары элементаў камунікатыўнай сістэмы гарадскога соцыуму, якія выкарыстоўваліся ў залежнасці ад іх прававога ці канфесійнага статусу.Захаваныя архіўныя крыніцы, нават нягледзячы на іх пэўных ускоснасць,сведчаць аб розных пласкасцях ужытку беларускай мовы, якая не абмяжоўвалася неафіцыйнай паўсядзённасцю, а пранікала ў сферы афіцыйных, пісьмовых зносін горада.

Трэба, канечне, зрабіць агаворку, што ўжыванню беларускай мовы ў гарадскім соцыуме нельга прыпісываць нейкае аксіялагічнае вымярэнне. Хутчэй за ўсё можна казаць аб мове як фактары этнічнай ідэнтыфікацыі гараджан.

Моўная сітуацыя на Беларусі ў 18 ст. чымсьці нагадвае несбалансаваны білінгвізм. Польская мова належала да „высокай”, прэстыжнай у масавай свядомасці (сфера дзелавой пісьменнасці, навукі ці адукацыі), беларуская -„нізкай” якразмоўнай мовы большыні насельніцтва, якая выкарыстоўвалася пераважна ў бытавой камунікацыі і некаторых сферах зносін. Да таго ж у выпадку беларускіх гарадоў гаворка можа ісці як аб этнічным дзвюхмоўі (калі жыхары гарадоў будучы прадстаўнікамі двух этнасаў (беларускага і польскага)зносяцца ў сваіх этнічных групах на роднай мове, а ў выпадку міжэтнічных кантактаў пераходзяць на другую мову), так і культурным дзвюхмоўі, якое азначалашырокае выкарыстанне польскай мовы беларускімі мяшчанамі і шляхтай[58].

Захаваныя помнікі пісьменнасці выразна сведчаць аб сутыкненнітрадыцыйных, літаратурна-пісьмовай арфаграфічных норм знародна-гутарковай стыхіяй, якая паступова пачынае ўплываць на беларускіяпісьмовыя нормы. Заўважым, што яшчэ Аляксандр Булыка падкрэсліваў: „*арфаграфічныя факты ўсякай пісьменнасці нават пры самай нізкай ступені іх нармалізацыі ўжо самі па сабеўяўляюць вялікую цікавасць*”[59].

Такім чынам, менавіта некадыфікаванасць беларускай мовы ў 18 ст. магла абумовіць **развіццё фанетычнага прынцыпу правапісу**. Інакш кажучы, фанетызацыя арфаграфічнай сістэмы*dejure*не рэгламентавалася аніякімі нормамі, але *defacto*гісторыка-этымалагічныпрынцып пачынае паступова саступаць месца фіксацыі фанетычных асаблівасцей беларускага маўлення на пісьме[60].

На праблему можна паглядзець зіншага боку. Аналізуемыя арфаграфічныя факты адлюстроўваюць гукавыя працэсы, што працякалі ў жывой народна-размоўнай плыні. Пісары не пазбягалі фіксацыі такіх фанетычных рыс як аканне, яканне, дзеканне, цеканне, але нават у пэўнай ступені пад уплывам вымаўлення адлюстроўвалі іх паслядоўна.

---

[58] Н. Мечковская, *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*, Москва, 2001, с. 168, 171.

[59] А. Булыка, *Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы*, Мінск, 1970, с. 3.

[60] Аб уплыве народна-гутарковай асновы на развіццё арфаграфічнай сістэмы беларускай мовы гл.: Г. Ціванова, *Фарміраваннеарфаграфічнайтрадыцыіўранніхпомнікахновайбеларускай мовы // Беларускаяарфаграфія: здабыткі і перспектывы: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 90-годдзю БДУ (Мінск, 20 – 21 кастр. 2011 г.)*, с.87-92.

Яшчэ адной уласцівасцю эвалюцыі арфаграфіі беларускай мовы ў 18 тст. былі яе правапісныя асаблівасці. Беларускі лексічны матэрыял абапіраўся на**лацінскім алфавіце**[61].Для абазначэння беларускіх гукаў выкарыстоўваліся польскія арфаграфічныя нормы, што, зрэшты, з'яўляецца адной з пласкасцей польска-беларускіх моўных інтэрферэнцый.

Падсумоўваючы, можна таксама выказаць рызыкоўную здагадку аб тым, што **змена юрыдычная статусу старабеларускай мовы ў канцы 17 ст. магла паштрухнуць працэс паступовага пераходу ад этымалагічных арфаграфічных норм кніжна-літаратурнай мовы 15-17 стст. да народна-гутарковай фанетызацыі правапісу**.

Моўныя кантакты ў гарадах адбываліся на розных узроўнях (паміж кадыфікаванай польскай і некадыфікаванай беларускай мовамі) ці ў розных формах (вуснай ці пісьмовай). Да зоны пісьмовага кантактанання адносілася прастора магістратаў і судоў, у якіх даходзілася да камунікацыі носьбітаў дзвюх моў[62].

Да таго ж трэба ўлічыць асаблівасці індывідуальнага білінгвізму, якія праяўляюцца ўвалоданні роднай мовы на куды больш грунтоўным узроўні, чым другой – польскай мовы, якую просьбіт канцыялярыі ці суда разумеў, аднак валодаў ёй вусна ў абмежаванай форме[63]. Мабыць,пасіўны білінгвізм спрычыніўся да таго, штона старонкі польскамоўных актавых кніг трапляла беларуская лексіка. Але акрамя відавочных уставак-запазычанняў, вынікам сутыкнення польскай і беларускай моўных плыняў былі інавацыйныя формы.

Нельга не пагадзіцца з думкай Уладзіміра Свяжынскага, на думку якога беларуская і ўкраінская літаратурныя мовы ўзніклі на народнай аснове ў XVIII ст.[64] У святле прадстаўленых матэрыялаў, выклікае цікавасць пытанне **аб гарадскім асяроддзі як адным з магчымых беларускіхнародна-размоўных кайнэ**, якое ў соцыялінгвістыцы характарызуеццаяк асяроддзе вусных моўных зносін, у якім забяспечваецца камунікатыўная злучанасць рэгіёна.

Такім чынам, выяўленне і сістэматызацыя матэрыялаў актавых кнігмагістратаў,і, што не выключана,земскіх ды гродскіх судоў, маглі б стварыць новыя магчымасці больш грунтоўнага асвятлення стану беларускай мовы ў 18 ст.

---

[61]А. Мальдзіс, *На скрыжаванні ...*, с. 10.
[62]*Словарь социолингвистическихтерминов*, Москва, 2006, с. 278.
[63]*Словарь ...*, с. 151, 162.
[64] У. Свяжынскі, *Аб статусе беларускай і ўкраінскай моў у часы Вялікага Княства Літоўскага // Metriciana: даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т. II (Athenaeum: Commentarii Historiae et Culturae*. VIII, 2003), с. 147.

Ольга Валерьевна Гусева. Об особенностях текста «ПРЕДИСЛОВИЯ» Николая Радзивилла Черного к Брестской Библии 1563 Г.

Перевод Библии представляет собой одно из наиболее значительных явлений в развитии культуры каждой страны. В польской церковной и общественной жизни, где с момента принятия христианства по римско-католическому обряду безраздельно господствовал латинский язык, единственным каноническим текстом Библии долгое время оставалась латинская Вульгата. Несмотря на то, что уже с конца XIII столетия выполняются переводы отдельных книг Ветхого и Нового завета на польский, первые полные переводы Священного писания на польский язык появляются относительно поздно, в XVI в., в эпоху польского национального Возрождения и начавшейся Реформации. В XVI столетии активно начала развиваться литература на польском языке, польский язык начал вытеснять латинский, на нем заговорили на сейме и в церкви. Эпоха Реформации также открыла новый период в истории переводов Священного Писания. Старый латинский перевод V века, выполненный св. Иеронимом (Вульгата), содержал множество неясных мест и переводческих ошибок и уже не соответствовал требованиям нового времени, хотя и был признан единственным каноническим текстом Библии на Тридентском соборе 1546 г.

В эту эпоху в разных странах разгорелись дискуссии относительно переводов Библии на национальные языки. Для переводчиков было характерно двойственное отношение к переводу текстов Священного Писания. Переводчики-католики испытывали пиетет перед Книгой Книг, а переводчики-протестанты стремились сделать Библию понятной каждому, а не только представителям интеллектуальной элиты. Одним из наиболее интересных переводов эпохи Реформации и образцом для многих стал перевод немецкого гуманиста и одного из “отцов” Реформации Мартина Лютера (1483–1546). Новый завет в его переводе вышел в 1522 г., в 1534 г. вышел полный перевод Библии на немецкий язык.

В XVI в. появляются несколько переводов Библии и на польский язык. Характерной чертой Польши этого времени стало сосуществование разных религиозных течений, поэтому переводы выполняются для нужд разных конфессий. Степень веротерпимости в Польше XVI в. была такова, что Польшу называли *“paradisus haereticorum”* (“рай еретиков”) – ничего подобного не было больше нигде в Европе.

С католицизмом соперничали кальвинизм (к нему склонялись представители шляхетского сословия), лютеранство (горожане, на западе и севере страны) и самое радикальное из протестантских течений – арианство (привлекавшее крестьян и городскую бедноту). Шляхта видела в реформации средство борьбы за сокращение привилегий и богатств церкви, отмены церковных поборов. Примкнувшие к реформации представители шляхетского сословия закрывали католические костелы в своих владениях, оставляя себе их земли и доходы с земельных угодий. Для каждой из религиозных партий перевод Священного Писания на польский язык был оружием для привлечения на свою сторону новых адептов.

В 1552 г. в Кенигсберге (Królewiec) выходит польский перевод Нового Завета Яна Секлюциана, который впоследствии дважды переиздавался (1553, 1554) и которым долгое время пользовались польские лютеране. Католики использовали неполный перевод Библии, выполненный минoритом Иеронимом Леополитой. Библия Леополиты, называемая также Краковской или Шарффенберговской была издана в 1561 г., она опиралась на латинский текст Вульгаты. Заказчики перевода, Марк Шарффенберг и его сын Станислав, посвятили перевод королю Зыгмунту (Сигизмунду) II Августу. И, наконец, в 1563 г. выходит первый полный перевод Священного писания с древнееврейского и греческого на польский язык, называемый «Брестской Библией» – по месту издания, «Радзивилловской Библией» – по имени мецената или «Пинчевской Библией» – по месту выполнения перевода.

Нас, прежде всего, интересует фигура инициатора перевода Радзивилловской Библии – Миколая Радзивилла Черного, поскольку в издании отразились его религиозные и политические убеждения. Миколай Радзивилл Черный (1515–1565), великий литовский маршал, великий литовский канцлер и виленский воевода, был ярким представителем своего времени, когда меньше чем за сто лет в Польше произошла смена всех течений Реформации, и страна вернулась в лоно католической церкви. Он родился в 1515 г. в католической семье, ему было два года, когда Мартин Лютер выступил со своими тезисами. Его молодость, период, когда активно формируется мировоззрение, пришлась на то время, когда идеи Лютера стремительно распространились по католической Польше, заинтересовался ими и Радзивилл. В 1536 г. швейцарский реформатор Жан Кальвин издает свое «Наставление в христианской вере», его идеи быстро проникают в Польшу, и Миколай Радзивилл становится не только адептом новой веры, но и активно ее распространяет. С 1552 г. при его дворе проходили кальвинистские богослужения, а в 1553 г.он официально порвал с католической церковью. Миколай Радзивилл Черный стоит у истоков создания Евангелической церкви в Великом княжестве Литовском. В 1560 г. он передал католические костелы на своих землях кальвинистам. В это время кальвинизм в Польше становится религией власти – его поддерживало большинство представителей сейма. В последние годы жизни Радзивилл обратился к более радикальному течению реформации, к арианству, сторонников которого называли также Польскими братьями. Но поскольку окончательное разделение польской протестантской церкви на кальвинистов и ариан при жизни Радзивилла Черного еще не произошло, обе церкви считают его своим покровителем, а изданная в Бересте Библия служила как кальвинистам, так и Польским братьям.

Согласно традиции, издание посвящено могущественному покровителю. Как и Библия Леополиты, Радзивилловская библия посвящена королю Сигизмунду II Августу (1520–1572), который официально не покидал лона католической церкви. Этот факт, с одной стороны, характеризует степень веротерпимости польского государства, а с другой – могущество и уверенность в себе некоронованного короля Великого княжества Литовского, как часто называли Радзивилла. Одной из целей Радзивилла было укрепление позиций Великого княжества Литовского, его большая самостоятельность от Польского королевства. Создание церкви, независимой от Ватикана, было важным шагом на пути к этой цели. В полной мере свои политические и религиозные убеждения Радзивилл выразил в адресованном королю предисловии к изданию Брестской Библии 1563 г.

В довольно кратком тексте предисловия Радзивилл вспоминает несколько библейских легенд и сравнивает себя с библейскими мудрецами и царями, которых Господь надоумил перевести книги Священного Писания. Он вспоминает легенду о появлении Септуагинты – первого в истории перевода с древнего языка на новый европейский язык – греческий: *«во времена Птолемея, царя египетского, Деметрий Фалерский, добродетельный мудрец, хотя и не знал истинного бога, посоветовал ему перевести на греческий язык закон Божий на средства и по повелению царя».* Этот пример вдохновил Радзивилла, он пишет: *«И я пошел по этому пути из набожной зависти своей».* В роли нового царя Птолемея Радзивилл видит Сигизмунда Августа, себе же он отводит роль «добродетельного мудреца».

В предисловии Радзивилл кратко упоминает об истории работы над переводом его Библии. Он пишет о том, что *«не считал это предприятие своей личной задачей. Но по общему решению всех церквей и соборов христианских, в государствах Вашего королевского величества, как в Короне Польской, так и в Княжестве по истинному слову Божию разросшихся, они из своей среды согласно избрали таких людей, которые лучше и тщательнее за это дело взяться могут, ибо они обучены, разумны и знающи».* Действительно, на евангелическом синоде в Пинчеве – одном из центров польской Реформации, в 1559 г. была создана группа переводчиков для перевода Библии. Радзивилл не называет имен переводчиков, но из истории известно, что в состав группы вошли известные гуманисты, религиозные деятели и литераторы: ректор школы в Пинчеве Гжегож Оршак, писатель Ян Ласки, пастор и поэт Якуб Любельчик, писатель и поэт Анджей Тшеческий, а также Ежи Шоман, Марчин Кровицкий и другие. Состав переводчиков за годы работы менялся. В своей работе они использовали как уже существующие латинские переводы, так и оригинальные древнееврейские, арамейские и греческие тексты.

Обращаясь к королю, Радзивилл пишет: *«И в этом нелегком деле эти добрые и добродетельные люди проявили все свое умение, веру и прилежание, но их набожный труд я не буду описывать в долгих словах, значительно лучше их рекомендует их старание в глазах каждого христианина».* Согласно центральной доктрине кальвинизма, верховная власть во всем принадлежит Богу, эту мысль Радзивилл неоднократно подчеркивает в своем предисловии: *«промыслом Господним много веков назад началось и до сих пор продолжается, … что столь долгие годы Ваше королевское величество правит славно нашими народами»,* всю власть *«Господь Бог отдал в руки Вашего королевского величества».* А Священное Писание – это единственное руководство для государя, *«как Речью Посполитой должно править»,* а для подданных – *«каких обычаев и поступков надлежит им блюсти перед лицом Бога и своих господ».* Радзивилл призывает короля *«не склонять своего королевского уха к таким людям которые об одних лишь своих бренных благах радеют».* Словами Даниила-пророка Радзивилл обращается к «набожным королям-братьям»: «*А ныне, цари, образумьтесь! Внимайте назиданию, судьи земли!».*

Миколай Радзивилл Черный еще очень хорошо помнил о том огромном влиянии, которое он когда-то оказывал на короля. В 1547 г. вместе со своим братом Миколаем Радзивиллом Рыжим Радзивилл Черный заставил Сигизмунда, тогда еще великого князя литовского, тайно жениться на своей кузине Барбаре Радзивилл. Годы этого влияния миновали, но Радзивилл все еще позволяет себе то, чего не мог позволить ни один другой государственный муж в Польше XVI в. В заключительной части своего посвящения, обращаясь к королю-католику, Радзивилл призывает его отказаться от «заблуждений этого мира» и не идти за «слепым поводырем», «идолом римских капищ», который извращает и уничтожает истинную веру. Говоря о папе римском, Радзивилл не жалеет эпитетов, называя его «невоздержанным пастырем», «новоявленным разрушителем христианского мира», «сеятелем плевел», «слепым поводырем из рода ехидн». Он рисует страшную картину вечного позора, поругания и проклятия божия, которое грозит стране, если Его величество пойдет сам и поведет страну за этим «подлинным антихристом». С другой стороны, если Его величество проявит мудрость, *«тогда Господь и доброе здоровье Вашему величеству пошлет, и победу над неприятелями принесет, и потомство с королевой – супругой Вашего величества, дочерью столь славного в христианстве народа, и не оставит нас сиротами, ибо все в его руках».*

Несмотря на подобную уверенность мецената перевода Брестской библии в своих силах, 60-е годы XVI в. – это период заката политической власти Миколая Радзивилла. Король стремился ограничить его политическое влияние из-за несогласия Радзивилла на подписание унии между Польским королевством и Великим княжеством Литовским.

Миколай Радзивилл Черный ушел из жизни спустя год после издания своего детища – Брестской Библии. Если бы он прожил еще пять лет, он стал бы свидетелем подписания Люблинской унии 1569 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским, противником которой он был. Проживи он дольше на 15 или 20 лет, он увидел бы отчетливые признаки угасания реформационного движения и победы контрреформации. Его сын, Миколай Кшиштоф Радзивилл (Сиротка) после изменения политической конъюнктуры вернулся в лоно католической церкви и в качестве покаяния «за грехи отца» решил выкупить и уничтожить все 500 экземпляров Брестской Библии. Найденные экземпляры он торжественно сжег на главной площади в Вильно. Хотя он потратил на это 5000 дукатов (издание обошлось его отцу в 3000 дукатов), найти удалось не все, уцелело около 40 экземпляров.

Не сбылись и добрые пожелания Радзивилла королю. Сигизмунт II Август умер бездетным, став последним королем из династии Ягеллонов на польском троне. Последней каплей стал выход в свет в 1599 г. нового польского перевода Библии Якуба Вуека (1540–97), который был не только признан каноническим в польской католической церкви, но и отодвинул Брестскую Библию Миколая Радзивилла Черного на второй план.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод предисловия к Брестской Библи Миколая Радзивилла Черного.

Светлейшему повелителю, государю Сигизмунду Августу, Божьей милостью королю Польскому, великому князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Жмудскому, Мазовецкому, Инфлантскому и прочая, и прочая.

Государю и наследнику и прочая, и прочая. Государю и милостивому моему повелителю и прочая, и прочая.

Светлейший и милостивейший государь и прочая, и прочая.
Господь Бог сам все верно судит, творит и воздает всем людям на свете. Ибо он есть совершенное начало всяческого блага, во что каждый человек христианского звания и веры должен верить, а тем паче Ваше королевское величество как король христианский, также в то верит и понимать изволит, что промыслом Господним много веков назад началось и до сих пор продолжается, что Ваше королевское величество по Его воле после предков своих достохвальных над этими славными государствами королем, помазанником и великим могущественным государем и вождем народа Божьего поставлен; и по Его святой воле столь долгие годы Ваше королевское величество правит славно нашими народами. Меж которыми я, один из граждан этих стран, чувствую, что за свое положение я прежде всего должен благодарить Господа Бога. Ибо Он издавна, в правление благочестивых предков Вашего королевского величества и Великих литовских князей, дом и родителей моих добродетельным званием шляхетского сословия наградил и промыслом своим милостивое сердце Вашего королевского величества и благодеяния Вашего королевского величества изволил ко мне обратить.

За эту святую милость Божью я, недостойный, воздаю ему почести и славу. А Вашему королевскому величеству, как ему помазаннику на земле, храня благодарную память за добродетели Вашего королевского величества, я всегда по искренней своей воле воздаю благодарность. И желая представить очам людским скромное свидетельство этой моей благодарности Вашему королевскому величеству как господину моему на этом свете, замыслил я то, что почитаю величайшей своей святыней, принести в дар Вашему королевскому величеству, поступая таким образом по воле Бога, который велел быть послушным Ему и платить Богу то, что Ему надлежит, а также повелел слушаться вышестоящих, которых Он на этом свете соизволил поставить по своему вечному разумению. И вот я, в исторических трудах, хотя я и мало их читал как человек светского звания, нашел упоминание о том, что во времена Птолемея, царя египетского, Деметрий Фалерский, добродетельный мудрец, хотя и не знал истинного Бога, посоветовал ему перевести на греческий язык закон Божий на средства и по повелению царя. И я пошел по этому пути из набожной зависти своей, и из своего состояния, которым я пользуюсь по воле Божьей, благодаря честным приобретениям своих предков и по милости Вашего королевского величества, из этого своего добра и на свои средства совершил я деяние, которое, тешу себя надеждой, достойно похвалы всех христиан, и между народами, говорящими на языке славянском, под титулом и именем Вашего королевского величества велел издать. То есть святое учение, книги Библии, Первый завет Божьей заповеди, а также и Новый завет, Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, я на польскую речь дал перевести, в коем деле Господь Бог мне помочь и надоумить соизволил, и делал я то с готовностью, но не считал это предприятие своей личной задачей. Но по общему решению всех церквей и соборов христианских, в государствах Вашего королевского величества, как в Короне Польской, так и в Княжестве по истинному слову Божию разросшихся, они из своей среды согласно избрали таких людей, которые лучше и тщательнее за это дело взяться могут, ибо они обучены, разумны и знающи. Так, по моему желанию, им поручили то, что я, и Бог тому свидетель, издавна с превеликим тщанием хотел совершить. И в этом нелегком деле эти добрые и добродетельные люди проявили все свое умение, веру и прилежание, но их набожный труд я не буду описывать в долгих словах, значительно лучше их рекомендует их старание в глазах каждого христианина, а тем паче Вашего королевского величества, которого Господь Бог умом и великой рассудительностью наградить соизволил. И, как я уже упоминал выше, этот труд, который я велел опубликовать под достохвальным именем Вашего королевского величества, я приношу в дар в библиотеку Вашего королевского величества,

которая, как мне известно, велика. Однакож я не для того дарую сию книгу, чтобы увеличить совокупность и число книг в библиотеке Вашего королевского величества, и чтобы после она в ней хранилась. Но чтобы Ваше королевское величество и весь люд народов христианских, которых Господь Бог отдал в руки Вашего королевского величества постоянно и часто читали ее как деяние Господне, стоящее превыше всего на свете. Ибо в ней прежде каждый узрит тот предел, к которому мы через наше вечное спасение себя и жизни свои должны вести. А затем также в этом Священном писании каждое сословие найдет, и узрит, и научится, начиная от государя, как Речью Посполитой должно править; найдут также и подданные, каких обычаев и поступков надлежит им блюсти перед лицом Бога и своих господ. И тут я особо прошу Ваше королевское величество, в своей усердной вере, не склонять своего королевского уха к таким людям которые об одних лишь своих бренных благах радеют, и из зависти отказывают другим в достижении этого величайшего счастья. Чтобы и Ваше королевское величество, и прочие читали и повторяли то, что всем необходимо для достижения царствия небесного. Ибо если мы хотим верить обещаниям Господа, поскольку мы воистину должны им доверять, тогда дóлжно позволить всем сословиям, чтобы им никто не препятствовал уяснять то, что утром и вечером каждый повторять должен. Ибо один путь ведет всех к деснице Господней, и упаси нас Бог отклониться от него в лево. Потому со всем моим верноподданническим смирением прошу и умоляю Ваше королевское величество во имя Господа, не пренебрегать этими моими словами и величайшим тщанием, памятуя о том, что написано мудрецом: *Угодны царям уста праведные, а тем, кто говорит по чести – царская любовь.* Ведомо то, что быть может и теперь Господь Бог поступает так, как во время оно, когда, наказывая народ свой за злобу и неблагодарность, отнял у него свой завет и вернул его только во времена доброго царя Иосии, отдав его в руки первосвященника Хелкии и его помощника Сафана. Так и ныне, сам Господь Бог, побудив мое к тому старание, изволил передать свой завет в руки Вашего королевского величества. И я от всего своего сердца желаю Вашему величеству пойти по примеру этого святого царя и вести, наставлять и поучать нас, своих подданных, чтобы мы непрестанно следовали этому славному завету Бога, что столь долгое время был средь нас в пренебрежении, чтобы теперь, имея его перед глазами, мы руководствовались им, находили в нем утешение и утверждались в нем. Это принесет счастье не только Вашему величеству, но и нам всем под его началом, когда глядя на Ваше величество, от заблуждений, проникших в нашу церковь, к Богу и Отцу нашему Иисусу Христу всей душой нашей обратимся, лелея святое Евангелие его Сына, как и должно нам поступать. И согласно Евангелию, дарованному нам Спасителем, мы будем внимать учению апостольскому и следовать церемониям, коим нас учит Писание. На это всем надлежит обратить пристальное внимание, а тем паче Вашему величеству, ибо к вам, набожным королям-братьям своим обращается благословенный король Давид, пророк и поэт, и говорит такие слова: *А ныне, цари, образумьтесь! Внимайте назиданию, судьи земли!*

Но если, от чего храни нас Господь, в погоне за мирским, невзирая на заблуждения этого мира, опасаясь обмана и тени, мы будем упорствовать в наших заблуждениях, которые по пророчеству Даниила, этот невоздержанный пастырь, идол римских капищ, новоявленный разрушитель христианского, сеятель плевел, который в своем заросшем винограднике щедро расплодил это зерно как подлинный антихрист, и если бы за этим слепым поводырем из рода ехидн Ваше величество последовал бы и нас, верный божий люд за собой пожелал повести, чтобы Господь Бог за отказ от истинной веры, которую некоторые хотят извратить и уничтожить, как и святую славу Божью, нас за это вместе с Вашим величеством предаст позору, поруганию и гнусности и вечному проклятию, которое уже отчасти, увы, заметно меж нас, в глазах других народов, как ранее Он уже поступил с Грецией из-за ее идолопоклонства, не принимал участия в наших делах будничных, а потом в вечной и бессмертной радости, которую обещал нам дать устами Сына своего единственного не отказал бы нам и не закрыл бы врата к вечным утехам своим, как перед теми глупыми девками закрыл твердыню, не желая больше нас знать, как к возлюбленным, пресытившимся лакомствами и напитками из кубка той блудницы вавилонской, и вынесет нам свой справедливый, но страшный приговор, от которого не будет никакого спасения. Ибо пред ним дрожит всяк земной чин и любой величайший и могущественный на этом свете правитель. И да избавит Ваше величество и нас всех от этого да убережет, сохранит и щитом своей милости укроет Господь Бог, и да сохранит нас во спасение величием своим, к которому Ваше величество, подражая молитвам и покорности царя Манассии, денно и нощно, преклонив колени, всем

сердцем своим королевским возносишь горячие просьбы, моля у Него всяческого земного и вечного блага.

А Господь Бог, милосердие которого невозможно описать человеческим языком, посадил на престоле в столице нашей Ваше величество, такого короля, какими были славные еврейские и христианские цари: он даст мудрость и запишет завет свой и справедливость свою в сердце Вашего величества – сына королевского. И чтобы Ваше величество долгие годы и неуклонно оправдывал возложенные на него ожидания, тогда Господь и доброе здоровье Вашему величеству пошлет, и победу над неприятелями принесет, и потомство с королевой – супругой Вашего величества, дочерью столь славного в христианстве народа, и не оставит нас сиротами, ибо все в его руках. Ибо он сам есть Бог и Господь вечной мудрости, силы и доброты, вместе с Сыном своим и с Духом Святым, и все, что ведет к вящей славе королевской он всегда воздавал возлюбившим его, так и Вашему величеству щедро воздаст. Чего я Вашему величеству, господину своему милостивому, всегда преданно желал, ибо то, что в моем сердце ведомо ему, и об этом у Высочайшего престола, я, недостойный, ибо грешный человек и жалкий червь, прошу, чтобы он все это исполнил и долгие годы покровительствовал Вашему величеству, помазаннику своему и прочая, и прочая.

Писано в Вильне, месяца сентября, девятнадцатого дня. Лета Господня тысяча пятьсот шестьдесят третьего.

Вашего королевского величества участливый слуга, послушный, преданный и верный советник.

Миколай Радзивилл и прочая, и прочая.

Перевод с польского Ольги Гусевой

O roli monasteru w Supraślu i jego związkach z innymi narodami słowiańskimi, tak mówi A.I. Rogov:

W historii kultury białoruskiej XVI-XVII ww. Supraski Błagowieszczeński monastyr zajmuje szczególne miejsce. Trudno wskazać jakiekolwiek inne centrum, funkcjonujące w tym okresie, w którym w takim stopniu skoncentrowały się najlepsze osiągnięcia, tak różnorodnych dziedzin kultury, i w którym tak intensywnie przejawiałyby się jego kontakty z kulturą innych narodów słowiańskich, w którym najgłębsze i stare tradycje weszłyby organicznie w życie następnych wieków.[65]

Tereny Podlasia opustoszałe po wyniszczających wojnach, w wiekach od XIV do XVI, ponownie były zasiedlane, głównie przez wyznających prawosławie osadników z ziem obecnej Białorusi i Wołynia. Dużą część tych ziem otrzymał w dziedziczenie ród Chodkiewiczów, sprawujący najwyższe godności w Wielkim Księstwie Litewskim. Na tych terenach, w 1498 roku został założony monaster supraski. Jego fundatorem był wojewoda nowogródzki i marszałek Wielkiego Księstwa Litewskiego Aleksander Iwanowicz Chodkiewicz i biskup smoleński Józef Sołtan, późniejszy metropolita kijowski.[66] Początkowo mnisi osiedli w miejscowości Gródek, położonej w bliskim sąsiedztwie zamku Chodkiewicza. Nie byli oni jednak zadowoleni z tej lokalizacji. Około 1500 roku mnisi, za zgodą swego fundatora, przenieśli się w samo serce Puszczy Błudowskiej, na uroczysko Suchy Hrud, położone nad rzeką Supraśl.[67] Początkowo w monasterze osiedlili się mnisi wywodzący się z Ławry Kijowsko-Pieczerskiej.[68] Pierwszym przełożonym został Pafnucy Siegień. Po kilku latach w monasterze zamieszkiwało 40 mnichów. W 1501 roku na terenie monasteru wybudowano pierwszą drewnianą cerkiew p.w. św. Jana Teologa.[69] Była ona poświęcona patronowi ojca Aleksandra Chodkiewicza – Iwana, który zmarł w tureckiej niewoli.[70] Szczególnie ważny dla klasztoru był rok 1505, wtedy to fundację monasteru w Supraślu specjalnym tomosem potwierdził patriarcha Konstantynopola, Joachim. W latach 1503-1511 wybudowano kamienną cerkiew Błagowieszczeńską (Zwiastowania Najświętsze Marii Panny).[71] Ta potężna, obronna budowla łączyła w sobie wpływy stylu bizantyjskiego i gotyckiego.

Bardzo szybko Monaster Supraski stał się jednym z bardziej znaczących w Wielkim Księstwie Litewskim. Za czasów Sergiusza Kimbara (1532-1565) „zaczął nosić miano ławry, a jego archimandryci

---

[65] A. Rogow, *Suprasl kak odin iz centrow kulturnych swjaziej Belorusi s drugimi sławjanskimi stranami* [w:] Sławjanie w epochu feudalisma: k stoletiju akademika W.I. Piczety, Moskwa 1978, s 321.
[66] na podst. „Kroniki Lawry Supraslskiey" rok założenia określa się tak: „Naywprzod roku 1498 w Grodku tę lawre albo monastyr fundować zaczął p.m. Alexander Chodkiewicz" - *Archeograficzeskij sbornik dokumentow otnosiaszczychsia k istorii Siewiero-Zapadnoj Rusi* (dalej ASD), t.9, cz.1, Wilno 1870.
[67] ASD, t.9, s.2, 42.
[68] Nikolaj (Dolmatov), archim. *Suprasl'skij Blagovescenskij monastyr: istoriko-statisticeskoe opisanie*. Spb. 1892, s.5-6.
[69] Nikolaj (Dolmatov), archim. *Suprasl'skij Blagovescenskij monastyr: istoriko-statisticeskoe opisanie*. Spb. 1892, s.38.
[70] J. Jasnowski, *Chodkiewicz Iwan vel Chodkowicz Iwaszko* [w:] Polski Słownik Bibliograficzny, t.3, s. 361.
[71] ASD, t.9, s.5-6, 16-22.

na soborach podpisywali się bezpośrednio za archimandrytami Ławry Kijowsko-Pieczerskiej”[72] Ukończono wtedy budowę cerkwi cmentarnej pw. Zmartwychwstania Chrystusa (1533 r.).[73] W tym czasie monaster był znany w prawosławnej Europie, a także w państwie moskiewskim. Łączyły go ścisłe związki z monasterami bałkańskimi, a w szczególności z serbskimi. Owocem tych powiązań była wizyta malarza Nektariusza,[74] który wykonał freski w monasterskim soborze. Obserwuje się też kontakty ze Świętą Górą Athos, które dotyczą między innymi wymiany literatury i ksiąg. Ławra Supraska dzięki bliskim kontaktom z różnymi ośrodkami życia religijnego Kościoła prawosławnego (Kijów, Słuck, Moskwa, Grecja, Serbia, Bułgaria) stała się ośrodkiem, w którym koncentrował się dorobek kulturalny wielu narodów. Stanowiła też ośrodek myśli teologicznej.

O randze Ławry Supraskiej mogą świadczyć wizyty dostojników prawosławnych. W 1582 roku monaster odwiedził prawosławny patriarcha Serbii i Bułgarii – Gabriel i nadał archimandrycie mitrę. W 1589 roku wizytę w Supraślu złożył patriarcha Konstantynopola, Jeremiasz II.[75]

Od chwili powstania, Monaster Supraski był jednym ze znamienitszych centrów kulturalnych, nie tylko ziem zachodnich Wielkiego Księstwa Litwskiego, ale także całego wschodu Europy.

Monaster Supraski był miejscem, gdzie przechowywano zabytki kultury w postaci ksiąg, które w większości świadczyły o cyrylo-metodiańskiej tradycji zachowywanej na terenach Podlasia. Prawosławni mnisi, którzy przybyli na tereny, na których powstał monaster, przynieśli ze sobą pierwsze księgi. Przez cały okres istnienia monasteru jego biblioteka cieszyła się wielką sławą Trafiały tu bardzo rzadkie rękopisy, pergaminowe kodeksy. Mnisi większą cześć środków i czasu poświęcali nabywaniu i przepisywaniu tych ksiąg. Ówczesne zbiory obejmowały zarówno księgi religijne (księgi liturgiczne, żywoty świętych), jak też materiały historyczne i kronikarskie. Oryginały rękopisów mnisi otrzymywali z innych ośrodków lub od prawosławnych dygnitarzy. Dzięki temu, że mnisi zajmowali się powielaniem rękopisów, mogli dokonywać ich kompilacji i upowszechniać nowe wersje rękopisów.

Takie poczynania były zgodnie z koncepcją i oczekiwaniami fundatorów monasteru. Założyli oni bowiem, że jednym z ważniejszych zajęć mnichów będzie indywidualna praca w celach, nad kopiowaniem, zdobieniem i oprawianiem ksiąg. Wytyczne odnośnie tych działań zawarli w regule nadanej w 1510 roku: *„A ihumienu i wsiej brati nikakowa stiażanija w kieljach w siebie nie mieti, razwie odieżdy tielesnyja, a knig, a rabotu kielejnuju.”*[76]

Sumienność i podporządkowanie panującym zasadom doprowadziły do zorganizowania, w połowie XVI wieku, dobrze zorganizowanego skryptorium.

W 1557 roku, gdy funkcję namiestnika pełnił archimandryta Sergiusz Kimbar, dokonano spisu majątku, w którym zamieszczono spis ksiąg i rękopisów.[77] Na jego podstawie dowiadujemy się, że już w

---

[72]Nikolaj (Dolmatov), archim. *Suprasl'skij Blagovescenskij monastyr: istoriko-statisticeskoe opisanie,* Spb. 1892, s.51.
[73] Archiwum Główne Akt Dawnych, Archiwum Radziwiłowskie, dz.VIII, nr 18793, s.8-14
[74] ASD, t.9, s.42.
[75] D. Wysocka, M. Bołtryk, *500 lat Monasteru w Supraślu*, Supraśl 1998, s.7-8.
[76] ASD, t.9, s. 18.
[77] ASD, t.9, s.53-54.

połowie XVI wieku biblioteka zawierała ponad 200 ksiąg.[78] Ten stan posiadana stawiał bibliotekę Ławry Supraskiej, w rzędzie największych ówczesnych polskich bibliotek klasztornych.

Część ksiąg jakie znalazły się w monasterze była podarowana przez ktitorów monasteru. Aleksander Chodkiewicz ofiarował księgi, wśród których było *naprestol'noe evangele,* które otrzymał od *„jego mości obecnego metropolity”.*[79] *„Mitropolita Sołtana nadania”* było *Evangele pergamennoe staroe.*[80] Wśród darczyńców była również księżna Helena Iwanowna, która przekazała *Księgę Asafa z żywotem świętego Sergiusza Cudotwórcy ruskiego* i *Księgę Asafa z chożdeniem Daniła.*[81] Darem od rodu Sapiehów była *księga Fiodora Studyty,*[82] a od Katarzyny Wiśniowieckiej, wdowy po Grzegorzu Chodkiewiczu, *Ewangelia, Apostoł i Psałterz z czasosłowem* druku zabłudowskiego.[83]

Dzieje monasteru supraskiego były związane z monasterami w Kijowie, na Bałkanach i na Świętej Górze Athos, co miało również odzwierciedlenie w księgozbiorze biblioteki.

Wśród gromadzonych zbiorów były księgi dotyczące historii i kultury staroruskiej, np. kopia *Kroniki Kijowskiej i Nowogrodzkiej*, *Carstvennik z letopiscem*,[84] *Wremennik z letopiscem*.[85] W zbiorach biblioteki przechowywany był żywot świętego Sergiusza z Radoneża, a także żywot męczenników wileńskich Antoniego, Jana i Eustachego.[86]

Do monasteru w Supraślu trafił z Pińska *Irmologion supraski.* Był on napisany częściowo przez śpiewaka Bogdana Onisimowicza, a częściowo przez innych skrybów.[87]

O związkach monasteru z ośrodkami serbskimi i bułgarskimi świadczą pisma metropolity Grzegorza Camblaka i jego kazania świąteczne, które znajdowały się w bibliotece monasteru już w pierwszej połowie XVI w.[88]

Monaster utrzymywał również kontakt ze Świętą Górą Athos, czego materialnym dowodem były utwory literackie i pisma polemiczne przechowywane wśród zbiorów bibliotecznych. Mnisi z Supraśla

---

[78] N. Dolmatov, *Suprasl'skij blagovescenskij monastyr*, Sanktpetersburg 1892, s. 58-61.
[79] ASD, t.9, s.51 ; J. Łabyncew, Ł. Szczawinska, *W mieście zwanym Zabłudowem*, Białystok 1995, ISBN 83-85368-18-3, s.19.
[80] ASD, t.9, s.52 ; L.L. Scavinskaja, Ju.A. Labyncev, *Literatura belorusov Pol'si (XV-XIX vv.)*, Minsk 2003, s.135-137.
[81] N. Morozova, S. Temcin, *Drevnejsie rukopisi Supraskogo Blagovescenskogo monastyra (1500-1532 gg.)* [w:] Z dziejów monasteru supraskiego, Supraśl-Białystok 2005, s.117-140.
[82] ASD, t.9, s.54.
[83] L.L. Scavinskaja, Ju.A. Labyncev, *Literatura belorusov Pol'si (XV-XIX vv.)*, Minsk 2003, s.68-69 ; M.B. Topolska *Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku.* Wrocław 1984, s.258-259.
[84] L.L. Scavinskaja, Ju.A. Labyncev, *Literatura belorusov Pol'si (XV-XIX vv.)*, Minsk 2003, s.60-61.
[85] L.L. Scavinskaja, Ju.A. Labyncev, *Literatura belorusov Pol'si (XV-XIX vv.)*, Minsk 2003, s.32 ; N. Morozova, S. Temcin, *Drevnejsie rukopisi Supraskogo Blagovescenskogo monastyra (1500-1532 gg.)* [w:] Z dziejów monasteru supraskiego, Supraśl-Białystok 2005, s.130
[86] A. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa z monasterem supraskim w XVI w.*, "Slavia Orientalis" 1989, t.38, nr 3-4, s.537-542.
[87] M. Abijski, *Bogdan Onisimowicz - śpiewak rodem z Pińska*, "Latopisy Akademii Supraskiej", vol.1, Białystok 2010, ISBN 978-83-922907-1-1, s.49-59.
[88] A. Mironowicz, *Biblioteka monasteru supraskiego w XVI w.*, "Białoruskie Zeszyty Historyczne" 2011, z.36, s.13-14.

wykorzystywali posiadane utwory pochodzące ze Świętej Góry Athos do redagowania nowych dzieł i rozpowszechniania ich w innych ośrodkach.[89]

Bezspornie najcenniejszą księgą, jaka znajdowała się w bibliotece Ławy supraskiej był zabytek piśmiennictwa starobułgarskiego, napisany w języku staro-cerkiewno-słowiańskim, tzw. *Kodeks supraski*, czyli *Mineja Czetia (Mineja Czytana)* na marzec.

Do naszych czasów zachowało się wiele ksiąg rękopiśmiennych ze zbiorów dawnej biblioteki monasterskiej. Wśród nich są zarówno te, które trafiły do monasteru wraz z osiadłymi tu mnichami, te które były ofiarowane przez darczyńców, jak też te, które zostały tu przepisane. Obecnie manuskrypty, w znacznej większości, są przechowywane w Wilnie, w Bibliotece Litewskiej Akademii Nauk im. Wróblewskich. Kilka ksiąg znajduje się w Petersburgu. Najcenniejsza księga, Kodeks supraski, podzielona niedługo po jej odnalezieniu, na trzy części, przez Michała Bobrowskiego, jest przechowywana w Warszawie (151 kart), Lublianie (118 kart) i Petersburgu (16 kart.).

Znawca dziejów książki cyrylickiej J. Łabyncew w tych słowach docenił wyjątkowość zbiorów i miejsca, w którym powstały: *„…ocalałe do naszych czasów materiały archiwalne oraz powstałe tu rękopisy pozwalają uważać Monaster Supraski za centrum wytwarzania ksiąg rękopiśmiennych, jedno z największych we wschodniej i południowej Europie, a nawet za jedno z pierwszych wśród chrześcijańskich klasztorów w ogóle”.*

Dzięki zaangażowaniu fundatorów i pracy mnichów nad przepisywaniem, powielaniem i kompilowaniem ksiąg, w Ławrze supraskiej, w XVI wieku, został zgromadzony dorobek kulturowy wielu narodów świadczący o bogatej tradycji prawosławnej, która była kultywowana na zachodnich ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego.

Na lata 2012-2013 został zaplanowany projekt pt. "Rękopisy supraskie w zbiorach krajowych i obcych" (NPH-048). Jest on realizowany we współpracy międzyśrodowiskowej i interdyscyplinarnej przez zespół polsko-litewsko-rosyjski.

Głównym założeniem i celem projektu jest stworzenie i publikacja katalogu rękopisów słowiańskich przechowywanych w bibliotece monasteru supraskiego w XVI wieku, które są obecnie rozproszone i przechowywane w różnych instytucjach, na terenie kilku państw.

Pierwszym etapem realizacji projektu jest wytypowanie rękopisów, znajdujących się w zbiorach różnych instytucji polskich i zagranicznych, które będą stanowiły zawartość przygotowywanego katalogu.

Ze wstępnych ustaleń wynika, że katalog obejmie 64 jednostki inwentarzowe. Wśród nich kodeksy z XVI-wiecznej biblioteki monasterskiej, zgromadzone zarówno za czasów ihumena Iony - 37 jednostek, a także jego następcy archimandryty Sergiusza Kimbara - 27 jednostek.

Jednym z opisywanych egzemplarzy jest Kodeks supraski (Codex Suprasliensis).[90] W związku z tym, że rękopis ten jest obecnie podzielony, znajduje się w trzech różnych państwach, a co za tym idzie w

[89] L.L. Scavinskaja, Ju.A. Labyncev, *Literatura belorusov Pol'si (XV-XIX vv.)*, Minsk 2003, s.61-62, 111 ; N. Morozova, S. Temcin, *Drevnejsie rukopisi Supraskogo Blagovescenskogo monastyra (1500-1532 gg.)* [w:] Z dziejów monasteru supraskiego, Supraśl-Białystok 2005, s.133.
[90] W. Charkiewicz, *Bez steru i busoli : sylwetka ks. prof. Michała Bobrowskiego*, Wilno 1929, s. 14-15, 18, 24.

różnych instytucjach, każda część otrzyma odrębny opis. To spowoduje, że tworzony katalog będzie obejmował dodatkowe opisy.

Do stworzenia katalogu zostanie zastosowany system obsługi relacyjnych baz danych Microsoft Access. Użycie tego narzędzia będzie pomocne przy stworzeniu zestawień i indeksów, które są niezbędnym elementem tego typu katalogu.

Wstępnie zatwierdzono strukturę opisu i zawartości poszczególnych pól opisujących manuskrypty. Mają się tam znaleźć m.in. takie pola: identyfikator, rodzaj i nazwa księgi, państwo, miasto, biblioteka i aktualna sygnatura, ihumen, sygnatura rejestru, datacja, objętość, wymiary, oprawa (materiał, zapięcia, grzbiet), typ pisma, materiał pisarski, pisarz, iluminacje, filigran (znak wodny), stan zachowania, treść, pochodzenie, historia, bibliografia.
Powyższa struktura jest wersją roboczą. Jeśli w trakcie nanoszenia danych zaistnieje potrzeba zamieszczenia istotnych informacji, to bazę uzupełnią dodatkowe pola.

W planach zespołu redagującego katalog, jest wzbogacenie publikacji ilustracjami. Ten dodatkowy element, zobrazuje charakterystyczne i warte przybliżenia elementy pisma i zdobnictwa występującego w opisywanych manuskryptach.

Autorzy mają nadzieję, że dzięki powstającej publikacji, wszyscy zainteresowani opisywaną tematyką, zdobędą dodatkowe źródło usystematyzowanej wiedzy o zachowanych rękopiśmiennych zbiorach z niegdysiejszej biblioteki monasterskiej w Supraślu.

В.В. Кнорринг. Еврейские педагоги первой четверти XX в. и Белоруссия

В 1899 г. шведская писательница и педагог Эллен Кей выпустила книгу, ставшую своеобразным манифестом гуманистически ориентированной педагогики. Ее название – «Век ребенка» – оказалось провидческим. С самого начала XX в во всем цивилизованном мире шел поиск новых путей, форм и методов преподавания. В решение проблем просвещения втянулась широкая общественность. Шли оживленные дискуссии, возникали смелые теории, создавалась новая учебная литература.

Все сказанное относится и к Российской Империи, где начало XX в. также ознаменовалось взлетом педагогической мысли. Не остались в стороне от этого и русские евреи. Однако еврейское просвещение имело немало специфических черт. Суть их коренилась как в культурных традициях еврейского народа, так и в той роли, которая отводилась еврейской школе в борьбе за национальное самоопределение. Споры о путях ее развития имели явную политическую подоплеку и отражали противостояние «гебраистов» и «идишистов», блестяще описанное Шолом-Алейхемом. Одни видели школу ориентированной на традицию и с преподаванием исключительно на иврите. Другие хотели, чтобы обучение носило светский характер, а преподавание велось на родном языке учащихся – идише.

В силу ряда причин еврейская школа в Российской Империи всегда была несколько больше открыта для инноваций и экспериментов, нежели какая-либо иная. А поскольку вплоть до начала Первой мировой войны евреи компактно проживали в черте оседлости, большинство педагогических опытов осуществлялось именно в ее границах. Не стала исключением и Белоруссия.

Чтобы дальнейший рассказ был понятней, необходимо кратко перечислить типы еврейских учебных заведений, сложившихся в Российской империи к началу XX века.

Самой массовой из них была начальная конфессиональная – хедер (буквально – «комната», «помещение» – иврит). Все мальчики старше 3-4 лет были обязаны посещать хедер; существовали и специальные хедеры для девочек – сравнительно немногочисленные. Однако в таких школах зачастую учили лишь еврейским языкам, да читали Святое писание. Еврейская интеллигенция, знакомая с хедером не понаслышке, ратовала за его немедленное реформирование. Меламеды (буквально «учащие» – преподаватели хедеров) упорно сопротивлялись любым переменам. Впрочем, часть детей обучалась в талмуд-торах и казенных еврейских училищах. Помимо «еврейских предметов» (древнееврейский язык и история, молитвенное правило и т.п.) там преподавали и русский язык. В начале XX в. были предприняты попытки внедрить подобную систему обучения и в хедеры. В результате возникли не весьма жизнеспособные заведения под названием «хедер метукан» (образцовый хедер). В их программу включали ряд общеобразовательных дисциплин, а помещения, в которых они располагались, подбирали и оборудовали в соответствии с требованиями гигиены. Но немногочисленные «образцовые» хедеры только подчеркивали убожество остальных. И в 1900-х гг. в еврейской печати развернулась горячая дискуссия по поводу хедерной реформы. Диапазон мнений, высказанных тогда, был огромным.

К концу XIX в. уже набрали силу частные еврейские школы и гимназии. Своими училищами располагала и ведущая общественная организация русских евреев – Общество для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ). По сути, Общество Просвещения к началу XX в. стало настоящим дублером Министерства народного просвещения во всем, что касалось просвещения еврейского. В частности, ОПЕ по мере возможностей заботилось и о подготовке учителей для еврейских школ и выпускало собственный печатный орган – журнал «Вестник еврейского просвещения». В нем находили отражение самые животрепещущие проблемы современной еврейской педагогики, прежде всего – реформа хедеров и строительство новой еврейской школы.

Многие из тех, о ком далее пойдет речь, так или иначе сотрудничали с Обществом Просвещения. Первым из них хотелось бы назвать Феликса Львовича Шапиро – автора прославленного иврит-русского словаря.

Он родился в 1879 г. в местечке Холуй, что в 19 км. от Бобруйска. Получил традиционное еврейское образование: посещал хедер и иешиву, по окончании которой получил смиху – своего рода диплом, дающий право исполнять обязанности раввина. Однако восемнадцатилетний юноша выбирает иной путь, начинает учить русский язык, читать русских классиков и мечтать об учебе в Петербурге. Права жительства в столице у него не было. Дабы устранить это препятствие, Феликс Львович оканчивает зубоврачебную школу в Харькове, после чего получает право поселиться в столице и поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Как и многие студенты, он начинает давать частные уроки. Преподает «лошн койдеш» – «святой язык», иврит. Делает это настолько хорошо, что через некоторое время получает приглашение на престижную работу в столичные училища Общества для распространения просвещения между евреями в России. Одновременно Феликс Львович становится постоянным сотрудником журнала «Вестник еврейского просвещения» и ведет в нем раздел рецензий на учебные пособия по еврейским языкам и на книги для детей.

В 1913 г. Шапиро приглашают в Баку для заведования местной талмуд-торой – общественной еврейской школой. В ней учились как дети ашкеназов (восточноевропейских евреев), так и дети горских евреев – представителей иной этнической группы. Это обстоятельство сильно осложняло работу школы, однако под руководством Феликса Львовича она вскоре стала образцовой. Преподавание в ней велось на иврите, т. к. лишь этот язык был понятен всем учащимся. Вскоре Шапиро становится неофициальным руководителем еврейского образования на Кавказе, выезжает для инспекций и консультаций в города и селения. Он печатается в местной еврейской прессе на идише и русском языке, изучает историю и этнографию горских евреев. В 1918–1919 гг., когда Азербайджан был независимым государством, Шапиро активно сотрудничает с Национальным еврейским советом Азербайджана и поступает на историко-филологический факультет Бакинского университета.

С установлением советской власти талмуд-тора была закрыта, однако Феликс Львович принял участие в становлении системы советского еврейского образования. Когда же и эта система была ликвидирована, то он (задолго до Макаренко) создал и возглавил детский дом с политехническим образованием под названием «Дом коммуны». Для работы в нем Шапиро разработал особую методику изготовления наглядных учебных пособий, в числе которых был и знаменитый «складной метр». Через некоторое время его деятельностью заинтересовались в столице. По личному распоряжению Н.К. Крупской Феликса Львовича вызывают на педагогическую работу в Москву.

Впоследствии крутые повороты отечественной истории заставили Шапиро перебиваться на случайных работах. Он вышел на пенсию больным и надломленным человеком. И вдруг все переменилось – после установления дипломатических отношений между СССР и Израилем понадобились кадры со знанием иврита. Вскоре после смерти Сталина Феликса Шапиро приглашают преподавать этот язык одновременно в МГУ, в Институт международных отношений и в Высшую дипломатическую школу. Вскоре он понял, что без хорошего иврит-русского словаря никакое преподавание невозможно. Такого словаря тогда не было. Шапиро решил составить его сам.

Сегодня этот словарь считается одним из лучших в мире. Феликсу Львовичу не дано было подержать его в руках – книга вышла через два года после смерти автора, а именно, в 1963 г. Но «словарь Шапиро» стал не просто хорошим лексиконом – ему было суждено сыграть особую роль в судьбах тысяч людей. Об этом сегодня много написано, однако едва ли не лучше всех это сделала израильская журналистка Шуламит Шалит в статье «Шапиро – человек и словарь»[i], опубликованной в витебском журнале «Мишпоха».

Эпизод, о котором я хочу рассказать, связан с последними годами работы Феликса Львовича в Обществе Просвещения. В 1912 г. руководство ОПЕ решило провести фронтальное обследование хедеров черты оседлости, дабы иметь полную картину их современного состояния. Уполномоченные Общества обследовали хедеры четырех регионов: Волыни, Екатеринославской губернии, признанной типичной для южного края, Плоцкой и Люблинской губерний как типичных для Польши и, наконец, Минской губернии – типичной для Литвы. Заметим, что этим словом евреи издавна называли не только собственно Литву, но и северо-

западную Белоруссию. Все четыре отчета, составленные по итогам обследования, были опубликованы в специальном выпуске журнала «Вестник еврейского просвещения»[ii].

Первые три из них оказались весьма пессимистичными. В них ставилась под сомнение сама возможность изменить положение к лучшему. Последний, четвертый, резко контрастировал с ними по содержанию, выводам и даже по стилю. Его автором был Феликс Львович Шапиро.

По заданию ОПЕ он обследовал 105 хедеров в Минске, Бобруйске, Глуске, Новогрудке, Мире и Кореличах. «Различные по количеству населения, экономическому состоянию и культурному уровню, эти шесть пунктов вместе взятые являют собою верное отражение состояния хедера в Минской губернии, а в значительной степени и Литвы вообще», – писал Шапиро. Общество Просвещения поставило перед своими уполномоченными непростую задачу не только проанализировать современное состояние хедера, но и проследить динамику его развития. Основное внимание при этом следовало уделить меламедам, поскольку именно от них зависел успех будущей реформы. Не будет преувеличением утверждать, что с этой задачей справился лишь Шапиро, что для него было, в общем, нетрудно. Ведь он сам родился в семье меламеда, и внутренний быт хедеров знал лучше, чем кто-либо другой. Кроме того, сам характер Феликса Львовича, его деликатность и стремление понять собеседника всегда располагали к нему. «Существует мнение, что хедер – это замкнутый мир, в который постороннему лицу нет доступа. Меламед скрытен, недоверчив, подозрителен, и добиться от него правды невозможно. Я очень рад, что имею возможность не только рассеять этот укоренившийся взгляд, но и совершенно его опровергнуть», – утверждал Феликс Львович.

Его публикация в «Вестнике ОПЕ» – находка для любого исследователя, занимающегося этнографией или историей отечественного просвещения. Шапиро самым подробным образом изложил свои наблюдения, вскрыл причины тех или иных явлений, обобщил и сопоставил факты, а также привел обширные статистические выкладки вместе с их интерпретацией. При этом литературный стиль его изложения был безупречным. Читать его статьи интересно и сегодня. Что уж говорить о начале XX в., когда вокруг хедера кипели такие страсти!

По материалам поездки в Белоруссию Шапиро опубликовал в «Вестнике ОПЕ» еще три статьи, не столь официального характера, как отчет, предназначенный для руководства Общества Просвещения, и оттого еще более ценные для современных ученых. Они изобилуют подробностями, которых не отыскать ни в каком ином источнике. Первой в этом ряду следует назвать «Старый и новый хедер: Из истории хедерного дела в Бобруйске»[iii]. Думается, что во время разъездов по Минской губернии Феликс Львович вряд ли упустил возможность посетить родной дом в бобруйском предместье. По-видимому, от своего отца-меламеда Шапиро и услышал многое из того, что впоследствии блестяще изложил в журнальной статье. Процитирую слова журналистки Шуламит Шалит, о которой упоминала выше: «Чтение некоторых работ Шапиро навело меня на мысль, что в Феликсе Львовиче остался нереализованным талант писателя, может быть, драматурга. Его исторический очерк о старом и новом хедере в Бобруйске можно ставить на сцене, например, в жанре хасидского мюзикла»[iv]. И это истинная правда. Рассказ пронизан тонким юмором, написан очень красивым языком и, несмотря на свою историко-педагогическую направленность, отличается занимательным сюжетом. Остается только пожалеть о том, что он известен крайне мало.

Еще одна статья носит весьма специальный характер и называется «Среди «муссерников»: Новогрудский kibutz»[v]. Сущность этического движения «мусар», основанного р. Исроэлом Салантером (1786–1866), сам Шапиро определял так: «Вопросы морали, регламентация отношений между телом и душой, применение норм отвлеченной морали в практике жизни […] входят составным элементом в понятие «муссера». Р. Салантером наряду с идеями о беспрерывном самоанализе и самоусовершенствовании, которым человек обязан посвятить всего себя, провозглашается идея отречения от мира и глубокого пессимизма». Надо заметить, что сегодня в специальной литературе движение «мусар» в некоторой степени идеализируется. Шапиро же, непосредственно знакомый с мусарнической общиной – «кибуцем», далек от какой-либо ее идеализации, и картина, нарисованная им «с натуры», мало привлекательна.

Последняя статья в этом ряду называется «Из путевых впечатлений. Malke di rebetsn»[vi]. Ее героиня – учительница («ребецн») женского хедера в местечке Мир по имени Малка. «Дочь кореличского меламеда. Ее никогда ничему не учили – она только «наслушалась». Десяти лет

она стала помогать отцу. Семнадцати лет она осиротела и осталась единственной кормилицей больной матери и целой семьи детей и взялась за обучение девочек. Вышла замуж за столяра. Но Малка сказала, что ее муж «не должен быть ремесленником» и подняла его до себя, сделав своим помощником. Позже она переехала в Мир», – писал о ней Шапиро. Он не скрывал своего изумления от знакомства с этой женщиной, наделенной редким педагогическим талантом. Шапиро подробно пишет об учебных программах ее хедера и об особой методике преподавания, разработанной ею самой. Но всего важнее – дар поэтической импровизации, которым не только была наделена сама Малка, но который она умудрялась пробудить и раскрыть в своих ученицах. В статье приведены образцы поэтического творчества Малки. Нельзя не отметить, что так написать об учительнице-поэтессе мог лишь поэт. Феликс Львович Шапиро начал писать собственные стихи лишь под конец жизни, однако свой поэтический талант отнюдь не зарывал в землю и в молодости. Его рассказ о Малке ди ребецн написан великолепной, почти ритмической прозой. Правда, фрагменты беседы автора и героини рассказа, а также импровизации в стихах записаны на идише. Но статья хороша и заслуживает внимания современного читателя, пусть даже он и не владеет еврейским языком.

Хотелось бы надеяться, что публикация в «Белорусском сборнике» привлечет внимание к личности и творчеству Феликса Львовича Шапиро. При рождении его нарекли иначе – Натан-Файвл, что дало ему возможность подписывать свои стихи криптонимом НеФеШ. На иврите это слово означает «душа». Когда же его имя превратилось в «Феликса», это тоже оказалось верным: Шапиро был счастливым человеком. Точнее – человеком со счастливой душой.

Далее речь пойдет о Хаиме Фиалкове, который не просто был хорошим педагогом, но и талантливым организатором еврейской школы, а также вдумчивым теоретиком – автором нескольких книг на темы воспитания.

Фиалков родился в 1873 г. в Мотоле, что под Пинском. Рано осиротел, но, будучи племянником Хаима Вейцмана, будущего первого Президента государства Израиль, воспитывался в его доме. Получил традиционное еврейское образование, затем окончил виленский еврейский учительский институт. Первым местом его работы стала русско-еврейская школа на Юге Российской Империи. Вскоре он был замечен руководством ОПЕ как педагог, подающий большие надежды, и приглашен в столицу. Вскоре Общество Просвещения командировало Фиалкова для знакомства с новейшими педагогическими течениями за границу – в Германию и в Швейцарию. Свое образование Фиалков завершил уже в Санкт-Петербургском Университете. С 1905 г. Хаим Фиалков начал работать уполномоченным ОПЕ. С этого времени практически ни одно начинание Общества не обходилось без его участия. В годы Первой Мировой войны Фиалков сначала отправился в Варшаву, где в короткие сроки сумел наладить беженские школы, а затем на Украину. Фактически он участвовал в руководстве Обществом Просвещения, хотя формально ни разу не был членом Комитета. После Февральской революции вошел в состав Временного правительства и курировал в Министерстве Народного Просвещения еврейские школы. После Октябрьской революции целиком сосредоточился на работе в ОПЕ. В 1918 г. вышла в свет объемистая монография Х. Фиалкова «Народное образование»[vii], которая намного опередила свое время, предвосхитив наиболее интересные опыты советской педагогики. Особенно интересна глава, посвященная использованию кинематографа в воспитании еврейских детей. В то время даже детская литература на идише находилась в стадии становления, а уж о кинофильмах вообще никто не помышлял! В голодном, охваченном разрухой Петрограде размышления о дидактических возможностях кинематографа выглядели просто научной фантастикой.

Вскоре после этого Фиалков отправился на Украину, где помогал организовать автономное Общество Просвещения и даже вошел в его Комитет, но в 1920 г. умер в Киеве от сыпного тифа.

Следующий герой повествования – Фалк Гальперин (1876–1945). Он родился в Несвиже, где, по утверждению биографического словаря[viii], его отец был садовником у богатого сапожника. Под его покровительством и воспитывался юный Фалк, поэтому смог получить не только

основательное еврейское, но и неплохое общее образование. Как и многие, начал педагогическую карьеру в качестве «учителя на кондициях». Затем, выдержав в Минске экзамен на учительское звание, проработал год в мужской начальной школе под руководством Григория Гершуни. Следующим местом службы Гальперина стала минская талмуд-тора, где он преподавал иврит, однако в революционном 1905 году добился введения идиша в учебную программу (факт в те времена достаточно редкий и значимый). Через пару лет Гальперин покинул Минск, год проработал в престижной виленской гимназии «Иегудия», а затем перебрался в Петербург и был принят на место учителя в школах Общества Просвещения, уже упоминавшихся выше. Небезынтересно, что Гальперин сразу же объединил своих учеников в кружок по изучению еврейской литературы, где всячески пропагандировал беллетристику на идише. Впоследствии, в годы Первой мировой войны Гальперин возглавил московское отделение Общества Просвещения и способствовал открытию образцовых школ для детей беженцев. Потом судьба занесла Гальперина в Киев, где в 1917 г. он стал первым секретарем «Школьной лиги» (годом позже переименованной в «Культур-Лигу»), одновременно выполняя обязанности консультанта по еврейскому образованию при правительстве независимой Украины. В начале 1920-х вернулся в Вильно и, наконец, в 1938 г. переехал в Палестину, где до самой смерти активно трудился как литератор и педагог.

Литературная деятельность Фалка Гальперина началась на иврите в годы его работы в Минске. Затем он отдал дань русско-еврейской прессе, и лишь потом занялся главным делом жизни. Гальперин сумел сделать очень много для развития детской литературы на идише: сочинял сказки и пьесы, переводил братьев Гримм и Андерсена, занимался популяризацией истории (лично мне запомнилась его книжка о декабристах), составлял учебники и хрестоматии. Был первым редактором первого в мире журнала для детей на идише «Зелененькие деревца». Сотрудничал с его издателем, пламенным идишистом и бундовцем Борисом Клецкиным. В литературном багаже Гальперна были и произведения для взрослых читателей – не случайно его избрали президентом еврейского ПЕН-клуба. Однако в историю еврейской культуры Фалк Гальперн вошел именно как детский писатель и педагог.

В 1905 г. учителем петербургских школ Общества Просвещения стал человек, настолько же преданный еврейскому музыкальному фольклору, как Гальперин – литературе. Зусман (Зиновий Аронович) Кисельгоф (1876–1939) родился в Велиже и окончил виленскую учительскую семинарию. Первым местом его работы была русско-еврейская школа в Витебске. Затем руководство ОПЕ пригласило молодого педагога в столицу. Здесь Кисельгоф выступил одним из основателей Общества еврейской народной музыки, а также создал народный хор, который принимал участие в концертах Общества. Кроме того, Кисельгоф входил в состав этнографических экспедиций, организованных С. А. Ан-ским. В архиве Ан-ского имеется немало свидетельств о том, что Кисельгоф умел не только записывать, но и прекрасно регистрировать собранные материалы, точно указывая даты, места записи и исполнителей той или иной песни, а впоследствии – сделать расшифровки нот и слов. В 1912 г., уже в Петербурге, Кисельгоф опубликовал «Тексты к сборнику песен для еврейской школы и семьи». Другая работа Кисельгофа, реферат на идише «О еврейской народной музыке», осталась неопубликованной и хранится в архиве Санкт-Петербургской театральной библиотеки.

В советские времена Зиновий Аронович Кисельгоф продолжал педагогическую деятельность и даже был директором 2-й еврейской национальной школы, но при этом успел окончить в 1925 г. естественно-математический факультет ЛГУ. По воспоминаниям современников, ученики очень любили Кисельгофа. Однако в 1937 г. тот был арестован. В тюрьме при допросах пожилому учителю отбили легкие, и, хотя по многочисленным ходатайствам бывших учеников он был освобожден, прожил после этого недолго.

Вернемся к дореволюционным страницам истории ОПЕ. В 1907 г., после долгих мытарств, Общество Просвещения получило разрешение основать стационарные еврейские педагогические курсы, ставшие первым учебным заведением такого рода в мире. Они открылись в Гродно, а их руководителем был назначен Арон Моисеевич Конштам (1860–1920). Это – единственный герой моего рассказа, который родился не в Белоруссии, а в Польше. Там же получил образование и начал работать. Но уже в конце XIX в. он переехал из Лодзи в Петербург, где прекрасно себя зарекомендовал в качестве заведующего школами ОПЕ. А Гродненские курсы стали главным делом его жизни.

В учебную программу двухгодичного цикла курсов входили «еврейские предметы», практические занятия и общетеоретические дисциплины: математика, физика, география, всеобщая история, педагогика, русский язык, музыка, пение, рисование, гимнастика и гигиена. Больше всего лекционных часов приходилось на долю заведующего. В свободное время Конштам организовывал диспуты и семинары, праздники и спортивные развлечения, экскурсии и прогулки по живописным окрестностям Гродно, – и все это на иврите. Отличительной чертой Гродненских курсов был подлинный культ этого языка. Из-за этого у Конштама даже случались конфликты с правлением Общества Просвещения: Конштам упорно не хотел признавать право идиша на существование, а руководство ОПЕ придерживались иного мнения.

Думается, однако, что Гродненские курсы и сегодня во многих отношениях могли бы служить образцом для подражания. Безусловно, главная заслуга в этом принадлежит доктору Конштаму, но у него были помощники и сотрудники. Одним из них был Нойех Басс, родившийся в 1874 г. под Лидой и погибший в июне 1941 при бомбардировке Барановичей. Всю свою жизнь он работал учителем в еврейских школах Белоруссии, организовывал «образцовые хедеры», помогал Конштаму устраивать Гродненские курсы, и даже женат был на учительнице. Однако судьба Нойеха Басса однажды пересеклась и с Петербургом: в столичном издательстве Иосифа Лурье, сочувствовавшего сионистам, вышла его брошюра на идише «Шекель», посвященная национальной валюте будущего еврейского государства.

Далее речь пойдет о братьях Гординых, которые в 1908 г. открыли в Сморгони необычную школу с преподаванием на иврите. Начало литературной и, шире, общественной деятельности основателей оказалось связано именно с этой школой.

Старший из братьев – Аба Гордин (1887–1964), был значимой фигурой международного анархистского движения, писателем и публицистом, мыслителем и философом. Ему посвящены мемуары и обстоятельные исследования. Биографические же сведения о младшем брате – Зееве-Вульфе (Владимире), также анархисте, крайне скудны. Но вплоть до начала 1920-х гг. братья Гордины писали и публиковали свои сочинения только в соавторстве. В молодости они вместе основали издательство «Новая педагогика», начали разрабатывать оригинальную теорию «свободного преподавания» и, наконец, попытались воплотить ее в жизнь, открыв школу в своей родной Сморгони.

Израильский писатель Аба Ахимеир, который знал братьев Гординых с юности, вспоминал, что их педагогические взгляды находились под прямым влиянием учения «Мусар»[ix]. Напомним, что отличительной чертой этого учения является обостренное нравственное чувство, а в центре внимания находится человеческая личность. Приверженцем этого учения был и отец семейства Гординых – Иегуда-Лейб, известный раввин. Ортодокс, но отнюдь не фанатик, а скорее – интеллектуал, состоявший в переписке с самим Львом Толстым. Рискнем предположить, что именно личность отца, а не этическое учение, сказалось на мировоззрении, теориях и стиле работ братьев Гординых (на русском, иврите и на идише). Все они написаны ярко и эмоционально, текст перенасыщен ссылками на различных писателей, латинскими цитатами, псевдоматематическими формулами и философскими рассуждениями. Таковы «Подражательно-понимательный метод для обучения грамоте» и «Педагогика молодежи, или репродуктина», изданные на русском языке. Тематика книг на иврите разнообразна: это и театр для детского сада, и детская литература, и проблемы национального воспитания. И только в трех книгах на идише более или менее последовательно излагается суть гординской педагогической теории.

Нельзя не отметить, что выводы из столь увлекательно изложенного материала несколько слабоваты. Стиль публикаций выдает как творческий потенциал, так и неопытность авторов, однако очевидно, что они подают большие надежды. Так и случилось: братья Гордины стали яркими теоретиками анархизма, и следующие их произведения в основном оказались посвящены «борьбе с Государством, Капиталом, Колониализмом, Школой и Семьей». Но это уже совсем другая история.

Что же касается сморгонской школы братьев Гординых, то ее окружают загадки: в источниках есть сведения, что братья Гордины открыли «хедер метукан», т.е., всего-навсего образцовый хедер. Напротив, есть и утверждения, что это была гимназия под названием «Иврия». Но статус гимназии в дореволюционной России был достаточно высоким, и открыть ее частным лицам

было непросто. Как бы то ни было, меньше чем за год школа братьев Гординых обрела нескольких сторонников и куда более многочисленных противников (саркастически именовавших ее «хедер месукан», т.е., опасный). И уже в 1909 г. она была закрыта властями.

Последний, о ком хотелось бы рассказать, одновременно был самым обычным и совершенно незаурядным человеком.

Залмен-Вигдер Храпковский родился в 1883 г. в Копыле. Учился там в хедере, народной школе, потом окончил среднюю школу в Городке и выдержал экзамен на звание народного учителя. После этого первое время преподавал в казенных еврейских школах в Лиозно и Орше, затем перебрался в Витебск. Здесь начал активно участвовать в еврейском рабочем движении. После победы революции продолжал работать учителем. Умер довольно молодым – в 1924 г. Казалось бы, судьба вполне рядовая.

Но делом жизни Храпковского стало изучение еврейского фольклора. По собственным словам, он увлекся им уже с пятнадцати лет. В 1904 г. Храпковский дебютировал в петербургской газете «Фрайнд», издававшейся на идише. Годы спустя другие его материалы опубликовал авторитетный журнал Белорусской Академии наук. И, наконец, в 1922 г. Храпковский выпустил в Витебске небольшую книжку «Военная шутка». Как гласит подзаголовок, она объединяет «Легенды, анекдоты, пословицы и поговорки, головоломки, каламбуры и тому подобное, созданные вокруг войн вообще и особенно – Великой войны 1914–1917 годов, а также фольклор о призыве». В предисловии к книге Храпковский сообщал, что все это он лично собрал во время экспедиций по Витебскому краю, отчего подборке свойственен некоторый «провинциальный колорит». К сожалению, книга была исключительно плохо отпечатана на скверной дешевой бумаге. Ее тяжело читать: часть букв не пропечаталась, а текст набран то вразбивку, то с отступами, то разным по величине шрифтом. Книга изобилует опечатками – в конце издания помещен их список на четырех страницах. В довершение всего, в экземпляре РНБ часть текста оказалась срезанной при переплете. Что же касается содержательной стороны, то, при всем уважении к труду Храпковского, нельзя не заметить, что ему свойственен и некоторый дилетантизм. Это проявляется как в систематизации, так и в подаче материала. Автор хотел сделать изложение максимально доступным, но добился прямо противоположного результата.

И все же эта книжка – находка для любого серьезного ученого. Она появилась в ту эпоху, когда уже было осознано значение фольклора и стало ясно, как быстро он может исчезнуть в меняющихся условиях жизни. Храпковский успел зафиксировать то, от чего десятилетие спустя не осталось и следа. Будучи отпечатанной тиражом 2860 экземпляров, она сохранилась в Российской национальной библиотеке. И даже читатель, не владеющий идишем, оценит русские выражения, в изобилии встречающиеся в ней. Ну, а если кто-то сможет прочитать еврейский текст, удивится актуальности иных «шуток». Правда, большинство из них носит весьма соленый характер, но это – подлинные образцы солдатского остроумия. Вот пара цитат из книги Храпковского:

Разговор в лазарете: «Хаим, выписывайся! Надо наступать на Львов!» – «Наступайте хоть на тигров, а меня оставьте в покое!»

Солдат решил узнать правду и спрашивает у фельдфебеля: «А где тут война?» – «Да вот она самая и есть!» – «Да это же не война, а чистый разбой…»

Что называется, занавес…

В кратком сообщении, посвященном еврейским педагогам – выходцам из Белоруссии, удалось рассказать далеко не о всех, кто внес свой вклад в отечественную и даже мировую культуру. Эта тема поистине неисчерпаема. Здесь же хотелось рассказать о тех, кто так или иначе был связан с Петербургом. Большинство упомянутых персонажей оставили по себе достаточно интересное литературное наследие. Фонд литературы на идише Российской национальной библиотеки, на материалах которого, главным образом, было подготовлено сообщение, таит в себе еще немало открытий и ждет всех заинтересованных исследователей.

Мартин Вячеслав Валентинович. Древний дворянский род Почебут (Одляницких-Почобут) и его судьбы в течении четырёх столетий.

В РГИА (Российском Государственном Историческом Архиве), как известно, хранится Фонд Департамента Герольдии Правительствующего Сената Российской Империи (Ф. 1343). В нем собраны дела о признании и сопричислении к уже признанным в потомственном дворянстве родам. В том числе и дворян Гродненской губернии. К сожалению, в НАРБ (Г) (Национальном Архиве Республики Беларусь в г. Гродно) Ф. 332 (Гродненское Дворянское Депутатское Собрание, где до Великой Отечественной Войны хранились дела о признании и сопричислении к признанным Правительствующим Сенатом в потомственном дворянстве родам), во время войны « Этот фонд почти полностью утрачен. Сохранились 45 дел, включая всего 2 родословные книги за 1875 г. (на литеры Б, В, Г). Протоколы выводных комиссий и дела о дворянстве отсутствуют.»[91] Таким образом дела Ф. 1343 РГИА по Гродненским дворянским родам имеют особую историческую ценность. Целью данной статьи является освещение малоизученных аспектов истории гродненского дворянства (шляхты) на основе как архивных (РГИА), так и открытых источников информации.

Среди родов гродненской шляхты Великого Княжества Литовского род Poczebut (польск, лат.), рус. - Одляницких-Почобут (либо Одляницких-Почобутт, иногда сокращённо: Почобут, русифицированная форма: Почебут), бел. - Пачобуты-Адляніцкія[92] выделяется тем, что к нему принадлежит знаменитый учёный и выходец из ордена иезуитов преподобный **Мартин Одляницкий-Почобут** - астроном, математик, также доктор философии и теологии, член-корреспондент Парижской академии наук и Французского народного института, член Лондонского Королевского и Варшавского и других научных обществ и Ректор Главной виленской школы (1780—1803)[93].

Также замечательна и древность этого рода – согласно выписи из книг Гродненского Земско-Поветового Суда от 6 Ноября 1767 года: «В заседание сего Суда явился лично поверенный, стародубовский чешник Андрей Киляновский, он представил к явке в актовых книгах сего Суда подлинную Грамоту Его Величества Короля Сигизмунда I:

«Божьей Милостью Мы, Сигизмунд, Король Польский, Великий Полководец *(т.е. Великий Князь)* Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Самогитский и прочая, Властелин Края - объявляю вообще и каждому порознь следующее:Благородное поведение и прекрасная нравственность дворянина **Николая Одляницкого-Почобута** и сына его, **Севастьяна**, который любезнейшему сыну нашему, князю Сигизмунду Второму, приемнику Польской Короны, пивником и подчашием в Свите его служил….

И так, этому Николаю Одляницкому-Почобуту, сыну его, Севастьяну и детям их и всем потомством их, рожденным от благородной крови их самих и детей их, жалуем дворянское достоинство на вечные времена. Решительную и неприкосновенную Силой настоящей Грамоты Нашей даруем им, Одляницким-Почобутам, и всему будущему поколению их потомственное дворянство и Герб с таким изображением:

В середине золотого щита вооруженная рука, держащая пламенный меч, орошенный кровию и будто вещающий о войне; на д щитом шишак, вверху которого также протянутая рука со сверкающим мечом. Среди этой Грамоты – Мы повелели изобразить вышеописанный Герб, который зовётся Божездарж, означенным выше, Николаю и Севастьяну Одляницким-Почобутам и будущему потомству их во всех веках и эпохах, даруется неотъемлимое право именоваться дворянами как изустно, так и письменно в публичных Актах пользоваться этим достоинством на поприще присвоенном ему, службу в которую принимать и повышать за заслуги по усмотрению.

Если бы кто осмелиться обиду дворянскую чинить Николаю и Севастьяну Одляницким-Почобутам и происходящему из лона их потомству, тот */ Л. 26 об. /* должен быть судим по всей строгости закона, за оскорбление дворянства в Литовском Статуте помещенном. Жалуя

---

91 Сайт «Архивы Беларуси». Раздел «Дворянская генеалогия». http://archives.gov.by/index.php?id=854614

92 Пачобуты-Адляніцкія (Pačobuty-Adlanickija). Википедия Беларуская (тарашкевіца). https://be-x-old.wikipedia.org/wiki/Пачобуты-Адляніцкія

93 База данных "История белорусской науки в лицах" Центральной научной библиотеки им. Я.Коласа НАН Беларуси. http://csl.bas-net.by//Web/Pages/Science-history/history02.asp

Одляницким-Почобутам вечное и потомственное дворянство, повелеваем признавать их коренными жителями Литовского Княжества. Сия Грамота подписана Нами собственноручно и Мы повелели привесить к ней печать на шелку.

Дана в Вильне, Февраля 20-го дня 1536 года, при Высочайшем Рукоприкладстве к сей Грамоте находились: отец Павел, Виленский Епископ, Ольшанский Князь; Луцкий Епископ Хвильчевский, Канцлер Великого Княжества Литовского Гаштольд и многие другие.

Подписано: Сигизмунд. Король.

Скрепил Виленский Воевода: Альберт Гаштольд.

В 25-ый день Августа 1749 года в актовых книгах Главного Трибунала Великого Княжества Литовского записана подлинная Грамота Короля Сигизмунда, по случаю спорного дела, заведенного господином Казимиром Почобутом с Домиником и Степаном Почобутами.

Подписал: Маршал Главного Трибунала Великого Княжества Литовского, капеллан Инфлянтского воеводства – Гильзен. Член Трибунала – Андрей Абрамович. Регент Виленского Воеводства – Веленовский". [94]

Однако, как следует из двух больших родословий середины 19-го столетия, на котором показано 110 представителей рода Одляницких – Почобутов, у Николая Одляницкого-Почобута (родоначальника), кроме бездетного сына Севастьяна были ещё: сын Иван, внук Кондрат и правнук Степан Кондратьевич, от которого происходят последующие представители фамилии Одляницких-Почобут[95], вплоть до настоящего времени.

В решении Гродненского земско-поветового суда от 31 августа 1747 года говорится: «вникая в предмет, докладываемый Суду… Суд рассматривал писанные в другие времена по русски и в новейшие времена по польски, и оказывается следующие:

В 20 день февраля 1536 г. Его Величество Король Сигизмунд, выданной Грамотой во внимание заслуг Николая Одляницкого-Почобута и сына его, Севастьяна пожаловать изволил дворянское достоинство и герб «Божездарж, а также имение Почобуты, находящиеся в Гродненском Уезде на реке Одлянке». [96] Данный населенный пункт, в 19 столетии именовавшийся «околица Почобуты», ныне находиться в республике Беларусь, Макаровецкого сельского Совета Берестовицкого района Гродненской области. [97]

Итак, известный польский, литовско-белорусский просветитель и учёный Мартин Почобут по происхождению принадлежат к древнему роду Одляницких-Почобут. Как следует из его духовного завещания, после смерти отца, пана Казимира, который был обозным (или возным) Гродненского уезда (повета), Мартин вместе с братьями Яном-Непомуценом и Иосифом (Юзефом) унаследовал недвижимые имения – Почобуты, Глебовичи и Зубржицу. В завещании, датированном 26 ноября 1796 г. он завещал принадлежавшую ему 1/3 этого имения племянникам: Игнатию, Антону и Павлу Почобутам, да сестре их Иозефе Почобут. [98]

Имя Мартина Почобута упоминается и в связи с малоизвестным родовым конфликтом в роде Почобутов – в 1767 году Гродненский земско-поветовый суд рассматривает соединенные в одно дело пять судебных исков, в центре конфликта стоит фигура Степана Почобута, который энергично добивался признания той ветви, к которой принадлежал Мартин Почобут и отец его,

---

[94] Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3211. Дело о дворянстве рода Одляницких-Почобутов (Гродненской губернии). Л. *25 об. -27.*

[95] Там же. Л. 11 об., 65б и 181.

[96] Там же. Л. 31 об.

[97] Сайт «Архивы Беларуси». Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь. http://fk.archives.gov.by/fond/38189/ Карта Берестовицкого района - Города Беларуси. http://belaruscity.net/bolshaya_berestovitsa/map_raion.html

[98] РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3211. Дело о дворянстве рода Одляницких-Почобутов (Гродненской губернии). Л. 53-54.

возный Казимир Почобут, не имеющей право именоваться Почобутами и что якобы настоящая их фамилия – Кундзичи.[99]

Суд детально и с особой тщательностью проверил все доказательства (крепостные сделки на имения Зубржиковщизна, Лясковщизны и многое другое), рассмотрел множество документов, подтверждающих степень родства десятков представителей рода Одляницких-Почобут и решением от 16 февраля 1767 года признал, что происхождение ветви рода Почобут, одно время называвшейся Кундзичами, от Николая Одляницкого-Почобута «не подвергается никакому сомнению», что Степан Почобут (которого суд постановил арестовать в зале суда) «по внутренней злобе возвёл на Кундзичей поклёп и ябедничество», а принадлежность Станислава Почобута, Яна-Непомуцена и Осипа (Иосифа), родных дяди и племянников Мартина Почобута, к роду Кундзичей-Одляницких-Почобутов признаётся в постановлении суда, которое «решительно-окончательное».[100]

Данное постановление в 19 столетии послужило в качестве главного доказательства прав рода Почобут на потомственное дворянство, т.к. для принятия решения об общем происхождении как Степана Почобута, так и ветви Кундзичей, были собраны в одном документе все сведения о родственных связях проживавших в Гродненском воеводстве потомков Николая Одляницкого-Почобута.

Три Указа Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии посвящены утверждению разных ветвей рода Одляницких-Почобут в потомственном дворянском достоинстве с внесением в 1-ую и 6-ю части дворянских родословных книг: « 2577 от 30 мая 1849 г, № 3079 от 5 мая 1851 г. и № 4109 от 6 мая 1859 г.[101]

Таким образом, род Почобут прошёл трудную процедуру признания в принадлежности «древнему дворянству» и был утверждён в нем Правительствующим Сенатом; как следствие этого в Ф. 1343 РГИА (в первую очередь Д. 3211) были собраны все, какие было возможно, доказательные документы, могущие служить летописью истории рода Одляницких-Почобут за 16, 17, 18, 19 и начало 20 столетий.

Те же представители рода, которые по разным причинам не сумели доказать своё дворянское происхождение (главным образом из-за отсутствия документом доказывающих прямую родственную связь с дворянскими предками «неоспоримо»), начиная с 60-ых гг. 19 ст. причислялись к мещанскому сословию[102].

Из дел Департамента Герольдии РГИА о признании во дворянстве представителей рода Одляницких-Почобут видно, что к началу 20 ст. существовали следующие ветви рода: гродненская (основная), виленская и витебская.

Виленская ветвь происходит от Крыштофа Андреевича, в Духовном завещании которого в 1699 году упоминаются имения Юрисовщизна и Посольч(е), находящиеся в виленском воеводстве.[103]

Повидимому потомки внука Крыштофа - Франца Почобута после продажи в 1772 году прав на имение Юрисовщизна Ф. Круповичу за 4,5 тыс. злотых в дальнейшем переселились в гродненский уезд, по крайней мере правнук Франца – Иосиф Доминикович родился в 1850 году в родовом гнезде своих предков – в околице Почобуты.[104]

Замечается, что в 19 столетии многие представители рода являлись служащими российского почтового ведомства: например брат упомянутого выше Иосифа Доминиковича –

---

99 Там же. Л. 30.

100 Там же. С. 36-39 об.

101 РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3214. Дело о дворянстве рода Одляницких-Почобутов (Гродненской губернии). 1892 год. Л. 15 и 22. Черновик Указа Правительствующего Сената от 19 мая 1892 года.

102 РГИА, Ф, 1343. Оп. 36. Д. 17819. О дворянстве Одляницких-Почобут (Игнатия и Иосифа Михайловичей). 1903 г. Л. 14.

103 РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3207. «Дело о дворянстве Одляницких-Почобут. 1873 год». Л. 2. Родословие с комментариями.

104 Там же. Л. 15.

Август Доминикович Почобут, род. в 1846 году, около 1864 г. служил старшим сортировшиком Виленской губернской почтовой конторы.[105]

Как следует из предложения министра юстиции Правительствующему Сенату 19 апреля 1872 года Император Александр Второй Высочайше соизволил исключить из мещанского сословия трёх братьев Почобут: Доминика, Иосифа и Людвига Доминиковичей и сына первого - Доминика и подтвердить «в первобытном предков их дворянском достоинстве».[106]

Витебская ветвь Почобутов происходит от Андрея Почобута, который в 1640 г. был ошмянским земским писарем. В 1668 г. по завещанию его сын Иван получил от отца имение Фалеевщизна. [107] Правнук Ивана – Николай Почобут, галицкий подчаший и стольник Привилегией короля Станислава Августа Понятовского от 1791 г. получил уряд шамбеляна (или же в русском переводе: «действительного камергера польского двора»[108]

Представители основной ветви рода Почобутов-Одляницких на протяжении несольких столетий проживали на территории Гродненского повета Речи Посполитой (и затем в гродненском уезде Российской империи), совместно владея землёй в родовом гнезде – околице Почобуты. Помимо занятия земледелием Почобуты также занимали разные должности на государственной службе, как в Речи Посполитой, так и в Российской империи: так выше упомянутый отец учёного Мартина Почобута – Казимир, сын Осипа из ветви Кундзичей был ввозным Гродненского уезда[109], Лаврентий в 1676 году судьёй Вилькомирского земско-поветового суда[110], Иван-Владислав, сын Марка был в 1698 году Маршалом Литовского гродского трибунала, а на 1691 год стольником Ошмянского уезда[111], другой Иван, сын Степана – уездным писарем, а затем подсудком Ошмянского уезда и упомянут в сделках на участки земли от 1626, 1637 и 1653 гг.[112] Последний король польский Станислав-Август в 1794 году возвёл «благородного Осипа Почобута за заслуги оказанные Нам и Республике в сан Обозного Сокольской провинции»[113], в феврале того же 1794 г. Станислав Почобут был возведён в сан Ключника Гродненской провинции[114]

Уже в Российской империи Фома Михайлович Одляницкий-Почобут с 1819 г. служил досмоторщиком на Таможне в городе Ковно и во время польского восстания 16 июня 1831 года был убит мятежниками в возрасте 50 лет.[115] Игнатий Аврелианович Почобут (14.01.1855 – 11.02.1909) был лютеранином, окончив гродненскую гимназию начал службу на гродненской телеграфной станции, также служил в разные годы в Варшаве, Вильно, Тифлисе, по итогам специальной командировки в Персию был награждён персидским орденом Льва и Солнца в 1882 году, служил в Баку, Брест-Литовске, Соколе, Касимове, Рязани, вновь в Вильно и в Варшаве, в 1905 году назначается Чиновником, знающим иностранные языки Одесской цензуры иностранных газет и журналов, перед смертью получил чин статского советника.[116]

Повидимому представитель именно гродненской ветви – Александр Игнатьевич Почебут (1890-1961) в послереволюционные годы приехал в Петроград и дал начало ленинградской ветви древнего рода, всю жизнь он, как и некоторые его предки, служил по почтовому ведомству и был заведующим отделом посылок на Ленинградском Почтамте, его сын Георгий Александрович

---

105 Там же. Л. 20.

106 Там же. Л. 65.

107 РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3208. О дворянстве Одляницких-Почобут. Л. 2 об. Родословие с комментариями.

108 Там же. Л. 18. Копия королевской превилегии от 1791 г.

109 РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 3211. Дело о дворянстве рода Одляницких-Почобутов (Гродненской губернии). Л. 37 об. Выпись из решения Гродненского земско-поветового суда от 16 февр. 1767 г.

110 Там же. Л. 33.

111 Там же. Л. 33 об. - 34.

112 Там же. Л. 35.

113 Там же. Л. 51. Королевская грамота от марта 1794 г. об Осипе Почобуте.

114 Там же. Л. 57 об.

115 РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 6309а. «О дворянстве Почобутов». 1841-44 гг. Л. 37-38. Комментарии к родословию.

116 Ф. 1289. Оп. 4. Д. 3904. Фонд Главного Управления почт и телеграфов. Личное дело И. А. Почобута. Формулярный список. Л. 1-7.

(1921-1984) в Великую Отечественную воевал, был тяжело ранен и потерял ногу в боях на Синявинских высотах под Ленинградом[117], после войны окончил исторический факультет ЛГУ и стал учёным-историком, доктором исторических наук, сотрудником Института истории партии в Ленинграде, а затем профессором и заведующим кафедрой истории в Ленинградском сельскохозяйственном институте (ныне: Са́нкт-Петербу́ргский госуда́рственный агра́рный университе́т) в городе Пушкин. Его дочь: Людмила Георгиевна Почебут (р. В 1949 г. в Ленинграде): доктор психологических наук, в настоящее время: профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского Университета.[118]

[117] Хранитель памяти / Царскосельская газета. Музею истории Санкт-Петербургского государственного аграрного университета – 40 лет. http://gorod-pushkin.info/muzei-istorii-spbgau

[118] Википедия: Почебут Л.Г. http://ru.wikipedia.org/wiki/Почебут,_Людмила_Георгиевна

Гісторыя цудадзейнай іконы Васькаўскай Божай Маці шмат разоў згадвалася ў розных навуковых распрацоўках[119]. Аднак ніколі не была апублікавана асноўная для яе крыніца, якім з'яўляецца – *Księga Cudów do zapisywania Najświętszej Maryi Panny Matki Boskiej płynących z obrazu Ostrowa Cerkwi Waśkowskiej, uroczyszczem zwanej (Кніга Цудаў для запісвання Найсвяцейшай Марыі Дзевы Маці Божай, якія выцякаюць з вобраза Вострава Царквы Васькаўскай, урочышчам званай).*

Ікона з'явілася ва ўрочышчы Васькава[120] каля 1760 г. Урочышча належала прыходу Меляшкевічы[121] каля Скрыгалава Мазырскага павета. Першапачаткова гэтыя землі знаходзіліся ва ўладанні Казіміра Мацея Стэцкага, сына Яна – мечніка кіеўскага. Казімір Стэцкі – харунжы кіеўскі (1715-1722), а затым кашталян кіеўскі (1722-1748) быў заснавальнікам вядомага кляштара бернардзінаў у Кустыне на Валыні, у якім быў пахаваны. З сужонства з Антанінай Касакоўскай нарадзілася дачка Караліна, якая ў 1730 г. выйшла замуж за Казіміра Аскерку. Такім чынам маёнтак Меляшкевічы, які калісь нележаў Стэцкім, перайшоў ва ўладанне Аскеркаў[122]. Паводле некаторых даследчыкаў цудоўнае з'яўленне іконы адбыллося ў 1757 годзе, аднак аўтары не падаюць крыніцы гэтай інфармацыі[123].

Першая царква на тэрыторыі ўрочышча Васькава мусіла быць узведзена да 1760 года, таму што год пазней адбылася яе візітацыя. Чарговыя візітацыі праводзіліся ў 1770, 1777 і 1787 гадах[124]. Васькаўская царква была філіялам прыхадской царквы ў Меляшкевічах. Прыход Нараджэння ПДМ у Меляшкевічах, заснаваны яшчэ ў XVI стагоддзі, у XVIII стагоддзі знаходзіўся ў калятарстве Казіміра Мацея Стэцкага і яго дачкі Караліны. Царква была таксама візітавана ў 1761, 1770, 1777 і 1783 гадах[125].

З'яўленне цудадзейнай іконы Божай Маці знаходзіць свае шматлікія аналогіі з іншымі такога тыпу з'яўленнямі. Паводле падання, селянін Іван Дзідко, жыхар вёскі Меляшкевічы, познім вечарам шукаў непадалёк урочышча Васькава сваіх валоў. У ходзе пошукаў на ўзгорку, каля

119 А. Мірановіч, *Культ іконы Багамаці ў Беларусі*, „Voice of Time", nr 5 (32), London 1994, s. 6-10; Tenże, *Kult ikon Matki Bożej na Białorusi,* s.137-141; P. Chomik, *Kult ikon Matki Bożej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI-XVIII wieku,* s. 147-148.

120 Урочышча Васькава (Waśkowo), пазнейшая вёска Васькаў (Waśków). Гл.: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich* (далей: *SGKP*), t. XIII, Warszawa 1893, s. 133.

121 Меляшкевічы (Mieleszkiewicze), вёска і маёнтак над ракой Лошай, распаложаны на гандлёвым шляху з Мазыра ў Пінск. Гл.: *SGKP*, t. VI, Warszawa 1885, s. 339-340.

122 T. Żychliński, *Złota księga szlachty polskiej,* R. X, Poznań 1888, s. 16-17.

123 Николай, архимандрит [Н. Трусковский], *Историко-статистическое описание Минской епархии*, Санкт-Петербург 1864, с. 73; Г. Э. Щеглов, *Сказание о Ельской (Васьковской) чудотворной иконе Божией Матери*, Минск 2008, с. 5.

124 Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (далей: НГАБ у Мінску), ф. 136, воп. 1, спр. 41240, арк. 53адв.-54адв.; 203адв.

125 НГАБ у Мінску, ф. 136, воп. 1, спр. 41240, арк. 52-53адв.

студні, пабачыў на дзікай грушы ікону Божай Маці, якая незвычайна свяцілася. Меляшкевіцкі дзедзіч Казімір Аскерка[126], даведаўшыся аб гэтым здарэнні, узвёў на месцы з'яўлення спачатку капліцу, а затым Крыжаўзвіжанскую царкву[127]. Ад гэтага здарэння Васькоўская царква разам з цудадзейнай іконай Божай Маці сталі аб'ектам шматлікіх паломніцтваў. Узнікае пытанне: калі адбылася гэтая падзея? Напэўна была яна пасля 1730 г., пасля шлюбу Караліны Стэцкай з Казімірам Аскеркам. Такім чынам, з'яўленне іконы адбылося каля 1760 г., таму што ў тым часе Аскеркам была пабудавана першая капліца. Чатыры гады пазней (1764) той жа Казімір Аскерка заснаваў Крыжаўзвіжанскую царкву.

Культ Васькаўскай іконы Божай Маці не набыў усеагульнага характару. З крыніц вынікае, што меў ён хутчэй за ўсё лакальны характар і ахопліваў землі Петрыкаўскага, Мазырскага і Тураўскага благачынняў Турава-Пінскай епархіі. Адкрытым застаецца пытанне да якога прыхода належала Васькаўская царква – да Меляшкевіцкага ці Скрыгалаўскага. У адпаведнасці з візітацыямі сямідзесятых гадоў XVIII стагоддзя Васькаўская царква належала Скрыгалаўскаму прыходу. Толькі пасля 1795 г. крыніцы паказваюць, што была яна філіяльнай царквой Меляшкевіцкага прыхода.

Прыход у Скрыгалаве існаваў ужо ў XVI стагоддзі[128]. У Скрыгалаўскай царкве ў XVIII стагоддзі шмат разоў праводзіліся візітацыі[129]. У Скрыгалаве знаходзілася царква св. Мікалая[130], якая ў 1795 г. была закрыта ўладальнікам маёнтка, маршалкам мазырскім Казімірам Аскеркам[131]. У такой сітуацыі Васькаўская царква разам з цудадзейнай іконай Божай Маці стала філіяльнай царквой Меляшкевіцкага прыхода[132]. Такія меркаванні ўскосна пацвярджаюць запісы, змешчаныя ў *Кнізе Цудаў для запісвання Найсвяцейшай Марыі Дзевы Маці Божай, якія выцякаюць з вобраза Вострава Царквы Васькаўскай, урочышчам званай*. Кнігу ў 1773-1787 гадах вёў настаяцель Скрыгалаўскай царквы, а з 1797 да 1817 г. – настаяцель Меляшкевіцкага прыхода. Прыналежнасць Скрыгалаўскай царквы да Меляшкевіцкага прыхода не трывала доўга. У 1816 г. мястэчка Ельск і вёску Васькава набыў мінскі губернатар (1816-1817) Казімір Сулістроўскі, сын Алёйза, рымска-каталіцкага веравызнання[133]. Каб паскорыць эканамічнае развіццё, губернатар наладзіў у Ельску

---

126 Казімір Мацей Аскерка, наймалодшы сын кашталяна навагрудскага, першы і апошні кашталян мазырскі. Разам з братам Марцінам Тэадорам, кашталянам ашмянскім, Казімір Аскерка быў кавалерам ордэна св. Станіслава. Памёр каля 1796 г. T. Żychliński, *Złota księga szlachty polskiej,* R. XIX, Poznań 1897, s. 96.

127 Л. Гарошка, *Цудатворныя іконы Божае Маці на Беларусі*, „Божым Шляхам", № 58-60, Лёндан 1954, с. 9; A. Mironowicz, *Kult ikon Matki Bożej na Białorusi*, s. 140; P. Chomik, *Kult ikon Matki Bożej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI-XVIII wieku*, s. 147.

128 A. Mironowicz, *Biskupstwo turowsko-pińskie w XI – XVI wieku,* Białystok 2011, s. 259.

129 НГАБ у Мінску, ф. 136, воп. 1, спр. 41240, арк. 35адв.-38, 233-237.

130 Николай, *Историко-статистическое описание Минской епархии*, с. 262, 265-266, 271, 273; W. Kołbuk, *Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 r.*, Lublin 1998, s. 326-328.

131 НГАБ у Мінску, ф. 136, воп. 1, спр. 538, арк. 11.

132 *Архив Юго-Западной России*, ч. 4, т. I, Киев 1871, с. 165.

133 Казімір Сулістроўскі, правадыр віленскай шляхты, віленскі (1809-1815) і мінскі (1816-1817) губернатар. Памёр у 1818 г.

базары і кірмашы ды звярнуўся да мінскага архіепіскапа Анатолія з просьбай даць згоду на перанос цудадзейнай іконы з цакрвы ў Васькаве ў Ельск. Прапанова абгрунтоўвалася тым, што ў Васькаве набажэнствы не служацца рэгулярна, а Ельская царква была прыхадскім храмам і абслугоўвалася пастаянным саставам духавенства. Ельская Свята-Троіцкая царква была ўзведзена ў 1769-1780 гадах[134]. Яе заснавальнікам быў вышэйзгаданы Казімір Аскерка[135]. Ельск – Каралін належаў да сям'і Ельскіх, якія выводзіліся ад роду Спадаў, а затым да сям'і Аскеркаў. З 1816 г. Ельск стаў уласнасцю мінскага губернатара Казіміра Сулістроўскага. Ельск у сапраўднасці быў малым мястэчкам, у якім 50% насельніцтва складалі яўрэі. Мястэчка знаходзілася пры дарозе з Мазыра ў Оўруч пры малой рэчцы Каралінцы. Ельск часта называлі Каралінам, паколькі ўладальнік мястэчка Казімір Аскерка назваў яго імем сваёй жонкі Караліны.

Іншай прычынай пераносу іконы было атрыманне ласкі з боку цудадзейнага абраза Божай Маці самім Казімірам Сулістроўскім. Пасля атрымання заключэння Духоўнай кансісторыі ў Мінску архіепіскап Анатолій 14 красавіка 1817 г. даў згоду на перанос іконы[136]. Ікону перанеслі 2 верасня 1817 г. у прысутнасці губернатара Казіміра Сулістроўскага, шматлікага духавенства на чале з мазырскім благачынным Іаанам Міткевічам і тысяч вернікаў[137].

У Васькаўскай царкве засталіся копіі цудадзейнай іконы. Копія цудадзейнай іконы па памерах была большая чым арыгінал. У рапарце аб пераносе іконы мазырскі благачынны Іаан Міткевіч напісаў: „На абразе рыза (кашулька) сярэбраная, пазалочаная, там жа прывесак розных штучак дзевяць узята з абразом, а дванаццаць такіх жа штучак астаўлена ў Васькаўскай царкве"[138]. Аўтар рапарта пісаў тут аб сярэбраных ахвяраваннях, змешчаных пры цудадзейнай іконе, з выявамі рук, ног, сэрцаў, вачэй і іншых вылечаных частак людскога цела.

Цудадзейная ікона Васькаўскай БожайМаці ў Ельскай царкве была змешчана над царскімі варотамі і апушчалі яе толькі для цалавання вернікамі. Сама ікона была пакрытая сярэбранай рызай і ўстаўленая ў драўляную раму. На раме іконы былі выразаны галовы херувімаў.

Да абодвух храмаў у Ельску і Васькаве прыбывала мноства паломнікаў, асабліва ў Фаміну нядзелю і ў першую нядзелю пасля пасхальнага маладзіка. Дадаткова ў Ельску адзначаўся ўрачысты перанос іковы з Васькава. Гэты дзень назначана на 1 кастрычніка, у свята Пакрова Божай Маці. Паломнікі прыбывалі шматлюдна таксама на дзень Святога Духа, паколькі царква

---

134 А. М. Кулагін, *Праваслаўныя храмы Беларусі*, Мінск 2007, с. 158.

135 Николай, *Историко-статистическое описание Минской епархии*, с. 265; *Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям*, ч. 5: *Мозырский уезд*, Минск 1879, с. 70.

136 НГАБ у Мінску, ф. 136, воп. 1, спр. 4285, арк. 1-3адв.; Г. Э. Щеглов, *Сказание о Ельской (Васьковской) чудотворной иконе Божией Матери*, с. 9-11.

137 Российский государственный исторический архив (далей: РГИА), ф. 796, воп. 170, III, отд. II, спр. 1507, арк. 5адв.

138 НГАБ у Мінску, ф. 136, воп. 1, спр. 4285, арк. 7; Г. Э. Щеглов, *Сказание о Ельской (Васьковской) чудотворной иконе Божией Матери*, с. 13.

была асвечана ў гонар Святой Тройцы[139]. Культ іконы Божай Маці, якая знаходзілася ў царкве, ахапіў Палессе і быў вядомы ва ўсёй Мінскай епархіі. Зразумела, што цэнтрамі культу былі цэрквы ў Васькаве і Ельску. У Скрыгалаве, пасля закрыцця царквы ў 1795 г., толькі ў 1886 г. быў узведзены новы храм, асвечаны ў гонар св. мучаніка Макарыя Кіеўскага. Нягледзячы на тое, што ў Скрыгалава ікона Васькаўскай Божай Маці перанесена не была, то культ цудадзейнай іконы быў таксама папулярны і ў гэтым прыходзе.

Да месца з'яўлення іконы ў Васькаве прыбывала мноства паломнікаў. Да аб'ектаў культу, асабліва ў „маладзіковую нядзелю" ехалі вазы з сялянамі, брычкі са шляхтай, карэты з магнатамі. Натоўп вернікаў са свечкамі ў час хрэсных ходаў аб'ядноўваў людзей розных саслоўяў. Паломнікі стаялі на каленях перад іконай, углядаючыся ў выяву Божай Маці. Жанчыны, часта на каленях, накіроўваліся ў час хрэснага ходу за іконай, якую тройчы абносілі вакол храма. На канец урачыстасці, пасля літургіі і хрэснага ходу, супольна спяваўся гімн „Пад пакроў Твой, Багародзіца, прыбягаем"[140]. Падобныя ўрачыстасці пасля пераносу іконы Васькаўскай Божай Маці адбываліся ў Ельску. Іх маштаб стаў прычынай таго, што прыхаджане Васькаўскай царквы сталі патрабаваць вярнуць ікону. У пісьме, накіраваным Святому Сіноду ў ліпені 1889 г., сваю просьбу абгрунтоўвалі тым, што перанос іконы, здзейснены мінскім губернатарам, католікам, быў незаконны[141]. Аднак Сінод, пасля кансультацыі з мінскім уладыкам Сімяонам Лінковым, указам ад 12 студзеня 1890 г. вырашыў, што цудадзейная ікона мае застацца ў Свята-Троіцкай царкве ў Ельску „на векі вечныя". Пры нагодзе мінскі ўладыка звяртаў увагу на станоўчыя наступствы знаходжання іконы ў Ельску: рост набожнасці вернікаў, развіццё прыхадскіх школ і ўзмацненне ролі Царквы сярод мясцовага насельніцтва[142].

Перад іконай Васькаўскай Божай Маці здзяйсняліся шматлікія аздараўленні і іншыя цудоўныя здарэнні. Гэтыя факты апісаў настаяцель Ельскай царквы Андрэй Перапечын (1842-1913). Яго рукапіс быў перададзены ў Свята-Троіцкую лаўру ў Загорску ў 1897 г. з мэтай выдаць яго друкам да васьмідзесяцігоддзя пераносу іконы. На аснове гэтага рукапісу Гардзей Шчаглоў апісаў цудоўныя здарэнні, здзейсненыя перад іконай Васькаўскай Божай Маці ў 1866-1897 гадах. Былі гэта здарэнні рознага характару. У 1866 і 1878 гадах цудадзейная ікона Васькаўскай Божай Маці выпраменьвала незвычайнае святло, а ў 1868 г. з вачэй Багародзіцы цяклі слёзы[143].

Найбольш было выпадкаў аздараўлення: ад выкідышу (1869, 1883, 1890), шаленства (1870-1888), страты мовы (1872), паралічу (1873), праблем з дыханнем (1886), атручвання (1889),

---

[139] Николай, *Историко-статистическое описание Минской епархии*, с. 73; Г. Э. Щеглов, *Сказание о Ельской (Васьковской) чудотворной иконе Божией Матери*, с. 16.

[140] П. Шпилевский, *Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических сказках*, «Пантеон», 1853, т. X, кн. 7, с. 44; Г. Э. Щеглов, *Сказание о Ельской (Васьковской) чудотворной иконе Божией Матери*, с. 17-18.

[141] РГИА, ф. 796, воп. 170, III, отд. II, спр. 1507, арк. 1-1адв.

[142] РГИА, ф. 796, воп. 170, III, отд. II, спр. 1507, арк. 5адв.-6адв., 9-10.

[143] Г. Э. Щеглов, *Сказание о Ельской (Васьковской) чудотворной иконе Божией Матери*, с. 28-30.

неўрозу (1893), дызентэрыі (1892)[144]. А вось адзін з зарэгістраваных а. Андрэем Перапечыным выпадкаў аздараўлення. „У 1890 г. у Фаміну нядзелю ў царкву прыйшла жыхарка вёскі Праўцюшкі Еўдакія Міхайлаўна Амельянчук, якая ўвесь год пакутавала па прычыне нерваў і бяссонніцы. Увесь час нахлыналі на яе думкі забіць сваіх дзяцей. Калі малілася, хтосьці шаптаў ёй у вуха не рабіць гэтага. Толькі тады, калі а. Андрэй памаліўся над ёю перад іконай Васькаўскай Божай Маці, памазаў яе алеем з лампады, якая вісіла перад цудадзейнай іконай, пасля прычашчэння жанчына пачала прыходзіць у сябе. Аб сваім аздараўленні яна сама паведаміла святару і вернікам у дзень Узнясення Гасподняга і ў дзень Святой Тройцы, калі прыйшла падзякаваць Божай Маці"[145]. Запісаныя здарэнні складалі толькі частку аздараўленняў, якія здзейсніліся перад іконай Васькаўскай Божай Маці.

З 1897 г. паходзіць адзінае поўнае апісанне цудадзейнай іконы, зробленае а. Андрэем Перапечыным. Ікона была напісана на палатне, у грэчаскім стылі. Памеры іконы – 33 см даўжыні і 22 см шырыні. Ікона прадстаўляла Божую Маці на прастоле, якая трымае мадзенькага Хрыста. Хрыстос сядзіць на левай руцэ Божай Маці з выпрастанай правай далонню ў жэсце блаславенства, а левай падтрымлівае евангелле. Убранне Багародзіцы было выгравіраванае серабром з сінімі лістамі. Арэол вакол галавы Божай Маці выкладзены серабром, а на сінім фоне знаходзіліся белыя зорачкі. У падобны спосаб выкананы арэол вакол галавы Хрыста. Кароны над галовамі абодвух постацей былі зроблены ў жоўтым колеры. На твары Божай Маці былі два шрамы, быццам ад шаблі. Гэты тып кампазіцыі і прадстаўлення дазваляе сцвярджаць, што ікона Васькаўскай Божай Маці была копіяй іконы Чанстахоўскай Божай Маці. Подобныя гэтаму тыпу іконы знаходзіліся ў суседніх і далейшых мясцовасцях: у вёсцы Пісараўкі на Валыні, у Вазнясенску на Украіне, у вёсцы Смаляна ў Валынскай епархіі і г.д.[146] Беручы пад увагу час напісання іконы і яе з'яўлення можна лічыць, што іконы, падобныя да Васькаўскай, былі папулярнымі на Палессі і на Валыні.

Ікона знаходзілася ў царкве ў Ельску да 1914 г. Не вядома ці цудадзейная ікона была ахоплена планам эвакуацыі ў глыб Расіі разам з вернікамі. З гэтага года далейшы лёс цудадзейнай іконы Васькаўскай Божай Маці не вядомы. Мазыршчына першапачаткова была акупавана нямецкай арміяй, а пасля саюзным ёй войскам гетмана Івана Скарападскага і Сямёна Пятлюры. Чарговымі акупантамі былі войскі Юзэфа Пілсудскага і змагаючыеся на яго баку атрады Станіслава Булак-Балаховіча. Канчаткова пасля вайны 1919-1921 гг. Мазыршчына апынулася ў руках бальшавікоў. Паводле Гардзея Шчаглова, адступаючае польскае войска забрала цудадзейную Васькаўскую ікону. Беларускі даследчык мяркуе, што для палякаў Васькаўская Божая Маці была перш за ўсё копіяй іконы Чанстахоўскай Божай Маці[147]. Гэты погляд мала верагодны, паколькі аб іконе няма ніякіх звестак з часу выбуху Першай сусветнай вайны. Праўдападобна цудадзейная выява Божай Маці была вывезена, так як шмат іншых каштоўных аб'ектаў культу, у глыб Расіі ў 1915 г.

144 Там жа, с. 31-46.
145 Там жа, с. 42.
146 Там жа, с. 49.
147 Там жа, с. 51.

Дадатковай праблемай у высвятленні яе лёсу стала закрыццё бальшавікамі Свята-Троіцкай царквы ў Ельску і знішчэнне Васькаўскага храма ў канцы 1939 г.[148] Камуністычныя актывісты спалілі таксама забраныя з царквы і адабраныя ў вернікаў іконы. Невядома таксама, што сталася з копіяй цудадзейнай іконы, якая захоўвалася ў Кражаўзвіжанскай царкве ў Васькаве. Нянавісць бальшавікоў да Васькаўскай царквы была асабліва вялікая таму, што ў перыядзе змагання з рэлігіяй і закрыцця большасці праваслаўных прыходаў у Беларусі, храм з копіяй цудадзейнай іконы надалей прыцягваў тысячы паломнікаў, а многія з іх атрымалі цудоўныя вылячэнні. Паводле Гардзея Шчаглова, копія цудадзейнай іконы была схавана вернікамі, а ў перыядзе нямецкай акупацыі была перададзена адноўленаму прыходу ў Ельску[149]. У 1941-1944 гг. паступова адраджаўся культ цудадзейнай іконы Васькаўскай Божай Маці.

Цікавыя падзеі адбываліся ў Васькаве падчас Другой сусветнай вайны. Нямецкае войска пацыфікавала навакольныя вёскі за дапамогу партызанскім атрадам. У Васькаве спецатрады СС падпалілі толькі пяць з агульнага ліку 80 дамоў і ўстрымаліся ад далейшых дзеянняў. На наступны дзень машына з нямецкімі салдатамі, якая вярталася ў вёску, узарвалася. За гэта немцы абстралялі вёску, але не пашкодзілі ніводнага будынка. Канчаткова акупацыйнае войска прызнала, што нейкая звышчалавечая сіла ахоўвае вёску і ўстрымалася ад далейных рэпрэсіўных акцый. На месцы разбуранай царквы нямецкія салдаты паставілі крыж. Трэба адзначаць, што ў складзе акупацыйных атрадаў, якія дыслацыраваліся паблізу Васькаўкі, апрача немцаў былі ячшэ сілезцы, славакі, румыны і венгры. Божая Маці ўзяла пад сваю апеку Васькаўку, аб чым сама паведаміла ў час з’яўляення жыхару вёскі Дзям’яну Зільскаму[150].

Як успамінае жыхарка вёскі Наталля Паўлаўна Мішота, ніводзін мужчына з Васькаўкі, які пайшоў на фронт, не загінуў. Пасля вайны камуністы з царкоўнага дрэва пабудавалі клуб у Меляшкевічах. Гэтае становішча доўжылася да сацыяльна-палітычных пераўтварэнняў у Беларусі. Паводле слоў гэтай жа жыхаркі, у 1986 г., калі яна прыехала на бацькаўшчыну апрацоўваць агароды, ноччу з’явілася ёй Божая Маці, якая пажадала мець у вёсцы сваю царкву. Наталля Мішота паведаміла аб гэтым мазырскаму духавенству, а сама двойчы хадайнічала перад мясцовымі ўладамі аб адкрыцці царквы. Толькі ў 1996 г. са згоды епіскапа а. Васіль Тур згадзіўся быць настаяцелем у Васькаве, а дырэктар Меляшкевіцкага калгаса аддаў царкоўнаю драўніну[151]. Беручы пад увагу факт, што драўніна некалькі разоў выкарыстоўвалася ў рознх мэтах і на будматэрыял для храма ўжо не падыходзіла, у 1995 годзе была ўзведзена мураваная царква. Мураваная царква ў гонар іконы Божай Маці „Уміленне” ў Васькаве звяртаецца непасрэдна да сваёй папярэдніцы, заснаванай у 1760 г.[152] Паступова ў Васькаўскай царкве адраджаецца культ

---

148 В. Бутьковец, *Историко-статистическое описание церквей и приходов Мозырского благочиния Туровско-Мозырской епархии*, Жировичи 2000, с. 34.

149 Г. Э. Щеглов, *Сказание о Ельской (Васьковской) чудотворной иконе Божией Матери*, с. 53.

150 Там жа, с. 54-55.

151 Там жа, с. 57-60.

152 А. М. Кулагін, *Праваслаўныя храмы Беларусі*, с. 72.

іконы Божай Маці, так блізка звязанай з мінулым Мазыршчыны. Копію цудадзейнай іконы, на аснове апісання а. Андрэя Перапечына, зрабіў іканапісец з Мінска Аляксей Дзімітрыеў. Гэтая копія Гардзеем Шчагловым была перададзена царкве ў Васькаве. Пры адбудове рэлігійнай тоеснасці і традыцыі патрэбныя гістарычныя веды. Аўтар гэтай публікацыі выказвае надзею, што выданне *Кнігі Цудаў* XVIII ст. паспрыяе вяртанню памяці аб цудадзейнай іконе Васькаўскай Божай Маці і дапаможа ў адраджэнні яе культу.

Падзеі, звязаныя з культам іконы Васькаўскай Божай Маці, у сямідзесятых і васьмідзесятых гадах XVIII ст. былі апісаны а. Нікіфарам Навасялецкім – настаяцелем Скрыгалаўскага прыхода Пертыкаўскага благачыння. У кнізе азагалоўленай *Księga Cudów do zapisywania Najświętszej Maryi Panny Matki Boskiej płynących z obrazu Ostrowa Cerkwi Waśkowskiej, uroczyszczem zwanej* апісаны шматлікія вылячэнні ў 1773-1787 гадах[153]. Здаецца, што кнігу аздараўленняў працягвалі весці чарговыя настаяцелі, але па прычыне адстунасці чарговых рукапісных запісаў нельга гэты факт адназначна пацвердзіць. Архімандрыт Мікалай у сваёй працы амаль паўтаравечнай даўнасці успамінаў аб рукапіснай кнізе цудаў, разглядаючы яе як страчаную[154]. Тым часам настаяцель Меляшкевіцкага прыхода а. Іаан Маскалевіч паведамляў у 1852 г. аб передачы рукапіснай кнігі цудаў у прыхадскі архіў. Невядома што сталася з архівам Меляшкевіцкага прыхода, у якім захоўваўся рукапіс.

Ікона Васькаўскай Божай Маці змяшчае выяву Багародзіцы, якая ў апякунскі спосаб трымае маладога Хрыста. Гэтага тыпу іконы непасрэдна звяртаюцца да вылячэння хворых падчас XVII-XVIII-вечных эпідэмій. Мяркуецца, што першыя іконы гэтага тыпу паходзяць з XIV ст. Асобы, якія з’яўляюцца перад аблічам такой іконы, сваім пакаяннем і постам просяць Божую Маці абараніць іх ад хвароб і іншага няшчасця. Праз малітву сэрца чалавек нясе духоўнае і цялеснае пакаянне. Такім чынам, молячыся перад іконай, чалавек атрымлівае пачуццё міласэрнасці[155].

Кніга Цудаў іконы Васькаўскай Божай Маці ўтрымлівае інфармацыю аб дваццаці выпадках аздараўлення. Сярод тых, хто атрымаў ласку ад цудадзейнай іконы, знаходзім прадстаўнікоў розных саслоўяў: шляхты, мяшчан і сялян. Ва ўсіх сацыяльных праслойках можна заўважыць збалансаваныя суадносіны паміж вылечанымі абодвух полаў: мужчынскім і жаночым. Ласка, якая выцякае з іконы, дасягае ўсіх, нягледзячы на сацыяльнае і этнічнае паходжанне, грамадзянскі стан і пол. Усіх аздароўленых аб’ядноўвае толькі незвычайная вера і адданасць Божай Маці, даручэнне ёй сваіх праблем і хвароб. Такая з’ява характэрная не толькі ў выпадку гэтай іконы. Падобныя заключэнні можна зрабіць падчас аналізу запісаў аздараўленняў, здзейсненых перад іншымі цудадзейнымі іконамі на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага[156]. Харктэрнай рысай марыйнага

---

153 Lietuvos Valstybes Istorijas Archyvas, Vilno, Виленская Публичная Библиотека в Вильне; Литовская Греко-Униатская Консистория, ф. 634, оп. 3, д. 397, к. 1-8.

154 Николай, *Историко-статистическое описание Минской епархии*, с. 73.

155 А. Яскевіч, *Падзвіжнікі і іх святыні*, Мінск 2001, с. 284.

156 M. Niendorf, *Wielkie Księstwo Litewskie. Studia nad kształtowaniem się narodu u progu epoki nowożytnej (1569-1795)*, Poznań 2011, s. 219.

культу, якія праяўляецца ў кульце цудадзейных ікон, з’яўляецца таксама яго ўніверсалізм. Так форма, як і змест гэтага культу спрычыніліся да таго, што аб’ядноўваў ён вернікаў розных рэлігій[157]. Да іконы Васькаўскай Божай Маці паломнічалі праваслаўныя, рымскія католікі і ўніяты. Культ згаданай іконы – вялікая гістарычна-рэлігійная спадчына беларусаў.

[157] *The cult of the Virgin Mary and its images in Lithuania from the Middle Ages until the seventeenth century*, [w:] *Paveikslas ir knyga. LDK dailès tyrimai ir šaltiniai*, red. T. Raĉiūnaitĕ, Vilnius 2002, s. 157-193.

Лысенко О.В. Научно-прикладные перспективы российско-белорусского проекта «Комплексное исследование этномузеологического наследия А.К. Сержпутовского в собрании Российского этнографического музея (1906-1930 гг.)»[x]

Сержпутовский А.К. (1864–1940) - один из основателей белорусской этнографической школы, фольклорист, этнограф и музеевед. С 1906 по 1930 гг. - сотрудник Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. Его этномузеологическое наследие включает более 1500 этнографических предметов и около 500 фотографий по этнографии белорусов, собранных в 1906 – 1914 гг. и 1923 – 1929 гг., а также уникальный архив рукописных материалов (неопубликованные исследования, статьи, полевые дневники, фольклорные тексты).

Комплексное исследование предполагает описание, атрибуцию и систематизацию музейных коллекций предметов и фотографий, исследование текстов коллекционных описей и их синхронизацию с материалами рукописей. Объединение усилий российских и белорусских исследователей продиктовано задачами создания максимально полной, научно обоснованной картины полиэтнического пространства Восточной Европы накануне Первой мировой войны и визуального образа белорусской этнокультурной традиции.

Актуальность исследования заключается не только во введении в научный оборот ценного этнографического материала. Представляется не менее важным при изучении наследия наших предшественников, учитывая современные концепции, понять природу формирования музейных собраний – важнейшего компонента сохраняющегося культурного наследия, их научного описания и позиционирования в актуальных культурных текстах как естественного, эпистемологического процесса.

Музейные коллекции А.К Сержпутовскогодо настоящего времени системно не рассматривались, их используют обычно как научную источниковедческую базу для решения конкретных локальных задач науки (реконструкции в области палеоархеологии, этнографического костюма, жилища, традиционных форм архитектуры, для иллюстрации обрядовых комплексов и др.).

Впервые, в российско-белорусском проекте, музейное собрание на примере коллекций одного собирателя и одной этнокультурной традиции становится самодостаточным объектом исследования. Впервые прикладные музеологические задачи и этнографические цели объединяются для исследования опыта изучения этнокультурных традиций в целом и культурного наследия белорусов в частности. Особенность исследования заключается во введении в научный оборот комплекса материалов, включающего различные виды источников (этнографических предметов, фотографий, архивных материалов). Вариативность источников предполагает различные подходы в их исследовании, методы их обработки и аналитические стратегии интерпретации. В результате использования системного метода, многофакторного анализа, комплексного рассмотрения этих материалов в одном проекте возникает новое качество, расширяются возможности междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук: этнографии, культурной антропологии, искусствоведения, музееведения и др. С позиции эпистемологического процесса, выбранный комплексный подход оказывается продуктивным не только в изучении локальных этнокультурных традиций белорусов. Но также для исследования современных этнических процессов в постсоветском пространстве, проблем идентичности и исторической памяти народов Восточной Европы.

Среди методологических проблем, на решение которых направлено наше внимание, в рамках проекта, мы выделяем прежде всего, вызванные изменениями этнографической реальности, ее переосмыслением в научной парадигме 20 века, своеобразным переформатированием этнических традиций в современном социокультурном пространстве. Это формирует область исследовательских задач, связанных отчасти с уточнениями методологии современных этнографических исследований. Для этого необходимо провести ряд конкретных исследований аналитического характера, находящейся в плоскости истории науки. Это, прежде всего, разработка методики комплексного научного описания этнографического музейного собрания, проведение атрибуции предметов и систематизация коллекций А.К. Сержпутовского на основе разработанных типологий. Интерпретация предметов с учетом структурно-функционального анализа, включающего описание конструкции, функции и семантики. Изучение архивных материалов А.К. Сержпутовского, его публикаций для сравнительного анализа и подготовки научных комментариев. Обобщение всего комплекса источников: рукописных материалов (программ сбора экспонатов, полевых дневников, отчетов о поездках), музейных описей, вещевых и

фотоколлекций. Определить значение и роль А.К. Сержпутовского как этнографа-музееведа в кругу этнографических исследователей конца XIX - начала XX вв. Дать оценку его коллекций с точки зрения этномузеологического наследия: их репрезентативность среди коллекций РЭМ и других музеев; информативность и полноту отражения этнографической действительности.

Необходима интерпретация и оценка научного наследия А.К. Сержпутовского в исследованиях его современников и актуализация его этномузеологического наследия как важного ресурса исторической памяти белорусов. А также изучение целого ряда общих концептуальных аспектов, к которым следует отнести такие как, влияние социально-политических процессов на изменения идентичности белорусов и их этнического самосознания (конец XIX – начало XX в.). Место и роль музея как объекта культурного наследия, его значение для изучения, сохранения и позиционирования исторической памяти.

Как показали доклады и их обсуждение во время работы «Круглого стола» на секции «Этнографическое музееведение» на VI Конгресс этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня - 2 июля 2005 г.) на современном этапе доминируют взгляды на музей как социальный институт, включенный в информационные и коммуникационные стратегии постиндустриального общества потребления. Эта социальная доминанта определения феномена музея в кругу культурных антропологов, кажется не совсем естественной, даже парадоксальной, учитывая их стремление к максимально полным, целостным, интегрированным описаниям пространства этнической культуры.

В этом отношении весьма показательна история формирования коллекций Этнографического Отдела, Русского музея Императора Александра III. Их историко-культурная ценность в конце XX начале XXI века, когда этнографическая реальность кажется практически исчезнувшей, возрастает и приобретает иное значение, чем в то время когда эти коллекции формировались. Музейные собрания оказываются полноценным источником, дополняющим, и отчасти позволяющим переосмыслить этнографическую реальность, описанную на уровне ее существования в конце XIX - начале XX веков. Спустя сто лет, мы понимаем, что определение «традиционной культуры» как базовой категории этнографической науки есть результат осмысления реальности XIX-XX веков. В это время культура оказалась с одной стороны наиболее полно описана, зафиксирована, с другой - этнографические реалии стали своеобразным эталоном, исходя из которого, этнографы строили свои интерпретации, типологические схемы и методикиисследования народного быта - «идеального образа жизни крестьян». В настоящее время эта система представлений претерпела существенные изменения, уровеньэмпирических описаний и сравнительно-исторических интерпретаций этнографических фактов малопродуктивен, современное осмысление этнокультурных традиций требует новых комплексных методов и подходов. В этой ситуации этнографические работыXIX- начала XX вековпереосмысляются, приобретают не только источниковедческийаспект, а переходят в область истории науки на уровне анализа фактов, обладающих вечной ценностью, как информационного источника, но требующих новых интерпретаций.

Музейные коллекции, их информационная ценность, наоборот, кажутся незыблемыми, константными. Однако в реальном процессе изучения и познания обнаруживается диалектика их бытия в недрах музея, как целостного самодостаточного информационного пространства. Сейчас мы в полной мере осознаем, что в основном эти коллекции были собраны исследователями, которые имели собственные представления об этнографии, свои определенные методики и собранные ими материалы, отражаяобщие тенденции, пронизанны духом субъективности или, точнее - индивидуальности.При наличииобщей Программы[xi] каждый собиратель интерпретировал и ее использовал в меру своих научных задач и исследовательских пристрастий. Эти пристрастия объективны и отражали научную интуицию исследователя, которая соответствовала общей научной картине. В этом смысле Программаявляетсяинвариантной моделью, отражавшей объективный уровень развития науки, который никогда не может быть реализованным до конца на практике, апредставлен совокупностью вариантов конкретных исследований.

Погруженность в среду обитания, этнокультурное пространство белорусских локальных традиций А.К. Сержпутовского сказалась на всей его музейно- собирательской деятельности, сформировала его взгляд на культуру белорусов в целом и особенно, Полесье как на историко-

культурную область с четко выраженными архаичными чертами. Он писал: « Жители ведут замкнутый образ жизни, и некоторые проводят всю жизнь, не выезжая из родных мест ... Такой характер местности вместе с другими историческими условиями наложили отпечаток на всестороны быта и культуры народа и задержали его развитие в течение многих веков»[xii]. Можно отметить, что природа существования архаичных форм у А.К. Сержпутовскогоопределяется географическими и социальными факторами. Для него архаика - это консервация форм культур в статике, а не глубинные механизмы культуры, обеспечивающие устойчивые связи: сохранение и передача информации посредством объективированных форм, где архаическое проявляет себя как универсальное в изменяющемся мире вещей. Он писал: «Полешуки в течении вековвели замкнутый образ жизни и в следствии этого в большей чистоте чем другие славянские племена сохранили свои старинные бытовые черты. Как самая местность так и сложившиеся исторические условия способствовали тому. Что среди полешуков до последнего времени уцелели многие языческие обрядности и поверья, а также сохранился старинный уклад домашней жизни»[xiii].

Разделяя взгляды, выраженные в Программе изданной Этнографическим отделом для собирания экспонатов, он сформулировал собственныеподходы, считая, что этнографические предметы могут… «служитьдокументом, характеризующим с той или иной стороны данный народ, его быт и творчество, крайне желательно прилагать подробное описание той местностии жизни того народа, где собрана коллекция. Только при подробном описаниикак материальной так и духовной стороны пред нашими глазами откроетсяцельная и живая картина жизни данного народа»[xiv].

Весьма показательно, что полесские материалы изначально ориентировали Сержпутовского на поиск синтеза материального и духовного описания культуры и сбора материала способного передать эту целостность. Его коллекции отличаются полнотой представленных комплексов до мельчайших деталей. При комплектовании одежды, в его рассуждениях раскрываются глубина его подхода и широта задач: «в этом отделе [программы] желательно приобретение одежды, обуви и головных уборов детей, подростков, старых людей и всех вообще, а равно украшений, амулетов, поясов, сумок и т.п. Полное описание одеяний при различных случаях и обрядах»[xv]. Здесь он достаточно четко сформулировал актуальность изучения предметов с учетом их контекстуальных связей, формируя коллекции стараться не просто собирать предметы, а описывать их всовокупности функций, в том числе и функций в обрядах. Предпосылки полифункционального подхода в исследовании объективированных формкультуры, сформулированы А. К. Сержпутовким на интуитивном уровне, на основе его эмпирического опыта. Результатомего полевых исследований и стремлений к целостному восприятию культуры Полесья, стал его рукописный труд: «Полешуки-Белорусы. (Постройки, занятия и поверья крестьян северной половины Мозырьского и южной части Слуцкого уездов Минской губернии)»[xvi]. Он ясно осознавал связь этой исследовательской работы с задачами музейнойсобирательской деятельности: « ... доставил в музей несколько коллекцийбелорусов, называющих себя полешуками ... желая по возможности полнеепредставить быт полешуков-белорусов я сделал подробное описание построек и других сооружений, занятий и ремесел, обычаев и поверий крестьян ...»[xvii], - так писал А.К.Сержпутовский, объясняя появление рукописи, по сути - не музейной формы организации информации.

Въ Совѣтъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III-го

Въ 1906 году я былъ командированъ въ Полѣсье Минской губерніи для собиранія этнографическихъ предметовъ и доставилъ въ Музей нѣсколько коллекцій бѣлоруссовъ, называющихъ себя полѣшуками. Желая по возможности полнѣе представить бытъ полѣшуковъ-бѣлоруссовъ, я сдѣлалъ подробное описаніе построекъ и другихъ сооруженій, занятій и ремеслъ, обычаевъ и повѣрій крестьянъ сѣверной половины Мозырскаго и южной части Слуцкаго уѣздовъ Минской губерніи, какъ центральной части Бѣлорусскаго Полѣсья.

Прилагая при семъ означенное описаніе въ видѣ рукописи, подъ названіемъ „Полѣшуки-Бѣлоруссы", честь имѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ о пріобрѣтеніи у меня этой статьи для Музея.

Александръ Сержпутовскій

12 ноября 1908 г.
Адресъ: С.П.Б. Владимирскій пр. д. № 7, кв. 22.

Эта рукопись является программной работой А.К. Сержпутовского его экспедиционной деятельности на территории Белорусского Полесья[xviii]. Наряду с ценным эмпирическим этнографическим материалам, описаниями земледельческий орудий, жилых и хозяйственных строений, повседневных занятий и промыслов, домашнего уклада жизни, обычаев и верований

населения Минской губернии, в ней обозначены его методологические подходы и исследовательские методики, проливающие свет на состояние этнографической и музееведческой науки того периода. Часть материалов содержащихся в публикации вошли в ряд научных статей и очерков о белорусской традиционной культуре[xix].

Во время экспедиции формировалась коллекция этнографических предметов. Сами предметы достаточно хорошо известны, они представлены в экспозиции музея, а также демонстрируются на различных выставках, включены в тематические каталоги и альбомы по народному белорусскому искусству. Но особую ценность представляет информация, собранная о них в экспедициях и отраженная в регистрационных описях музея. Очевидна синхронизация информации в тексте рукописи «Полешуки - белорусы» с описанием предметов. Они взаимодополнительны по содержанию и неразрывно связаны с процессом экспедиционной работы этнографа и музееведа в поле, их сосуществование создает эффект полифонии, делает пространство текста рукописи более насыщенным, объемным, а интерпретации предметов более содержательными. Музейные описи содержат информацию о населенных пунктах, что позволит очертить ареал распространения описываемых в рукописи реалий, термины, диалектные названия вещей, технологических приемов и другую этнографическую информацию. Стремление к максимально полному и целостному описанию этнографической реальности, подтверждает тот факт, что позже в 1910 году А.К. Сержпутовский вновь посетит эти места уже с фотографом музея. Выполненные фотоснимки и поступившая в музей фотоколлекция дополняет как предметный ряд, так и описания. Это существенно для создания максимально полной этнографической картины и визуального образа, традиционной культуры белорусов этого периода, столь важного для этномузеологического дискурса. По сути, фотоматериал завершает научную фиксацию этнографической реальности методами доступными на тот момент времени: описание, коллекция вещей и фотофиксация объектов.

На протяжении всей своей разнообразной деятельности А.К. Сержпутовский оставался верным своим творческим принципам исследования народного творчества в органичном единстве, синтезе этнографического и фольклорного материала. Он считал, что фольклорный материал следует изучать в среде, в которой они бытуют. В его записях мы всегда находим развернутые комментарии к этнокультурному контексту, в который погружены отдельные формы обрядового фольклора. Огромный фольклорный материал[xx] собранный А.К. Сержпутовским органично дополняется музейными коллекциями и этнографическими описаниями.

Весьма показательна динамика формирования белорусских коллекций, которая очень четко демонстрирует тенденции развития собирательской деятельности музея в этот период. Первая коллекция поступила 1902 году с Всероссийской кустарно- промышленной выставки 1902 года, затем с 1902 по 1906 годы - основным источником комплектования фондов становятся уникальные коллекции от корреспондентов Е.Р. Романова, блестящего ученого этнографа, фольклориста, музееведа и студента В.К Костко. Коллекции формировались на местах по поручению Этнографического Отдела и присылались в музей. Фактически только в 1906 году состоялась первая экспедиция сотрудника музея А.К. Сержпутовского, заложившая основы систематического сбора материалов и полевых исследований, который был приостановлен Первой мировой войной, театр военных действий, и затем революционными содытиями 1917 года и их последствиями. По сути, коллекциями системно собранными А.К.Сержпутовским, наряду с материалами корреспондентов Этнографического отдела Е.Р. Романова и В.К.Костко, были заложены основы белорусского собрания РЭМ, составляющую в настоящее время жемчужину восточнославянских этнографических коллекций.

Наряду с этим, необходимо отметить, что четко обозначившееся тенденция - описание традиционной культуры посредством специфического языка вещей, формирование музейных коллекций как концептуально организованных текстов помогает понять нам природу тех основных направлений исследовательской и собирательской деятельности, которые будут сосуществовать в этнографической науке на протяжении всего XX века. Это во многом определит модели, по которым будет формироваться музейное пространство, как область контакта с миром исчезнувших или потерявших свой утилитарный контекст предметов. В этом смысле реальность музея как объекта культурного наследия детерминирована реальностью контакта этнографической действительности и музейного собирателя-исследователя. И опыт Александра Казимировича Сержпутовского в полной мере показал сложность и неадекватность это процесса.

Плот-ограда. Минская губ., Слуцкий у., Вызнянская вол., хут. Крыжи. Белорусы. 9х12.Коллекция 4351 – 35

Исполнена А,К. Сержпутовским по поручению Этнографического Отдела Г. Русского Музея в 1925 году. Регистрировал А.К. Сержпутовский.

В 1984 году хранитель фототеки РЭМ Вера Константиновна Таут (1922года рождения,работала в музее с1954 по 1991 гг.) в беседе о научном значении и уникальности этнографической фотографии заметила, между прочим, что человек,изображенный на фотографии это Александр Каземирович Сержпутовский,не отметивший,однако этого факта в описи фотоколлекции составленной им самим. Много лет спустя я разыскал эту,ставшую для нас уникальной,фотографию. Если бы не наши частые беседы с Верой Константиновной знающей лично сотрудников музея работающих с Александром Каземировичем вряд ли кто обратил внимание на одинокую фигуру изгороди, на границе пространств.

Дзімітрый Саўчанка. Перспектывы сучасных расійска-беларускія зносін у святле інтэграцыйных працэсаў.

Перш за ўсё, хацеў бы пачаць свой выступ са слоў прывітання ўсім удзельнікам нашай чарговай девятнадцатай штогадовай канферэнцыі «Санкт-Пецярбург і беларуская культура» і выказаць задавальненне тым, што тыя інтэграцыйныя працэсы, якія шмат у чым вызначаюць адносіны Беларусі і Расіі, па-ранейшаму захоўваюцца, нягледзячы на ўсе цяжкасці і складанасці сучаснага перыяду.

Разгледзім актуальнасць узаемасувязяў Беларусі і Расіі ў кантэксце праблем інтэграцыі (у тым ліку еўрапейскай). У рамках нашага абмеркавання мы можам разгледзець толькі некаторыя аспекты інтэграцыйных працэсаў, у прыватнасці тыя, якія закранаюць ўзаемаадносіны Рэспублікі Беларусь і з яе бліжэйшымі суседзямі - краінамі ЕС і Расіяй.

Каб больш выразна зразумець заканамернасці і перспектывы інтэграцыі, зробім невялікі экскурс у гісторыю інтэграцыйных працэсаў, у тым ліку, у дачыненні да беларускай тэматыцы. Разгледзім цэлы шэраг прыкладаў з гісторыі інтэграцыйных працэсаў, у якіх удзельнічала Беларусь да пачатку 1990-х гадоў 20 стагоддзя.

Па выніках Крэўскай (1385) і Люблінскай (1569) уній, Польшча ўтварыла з Вялікім княствам Літоўскім (ўключвая усю тэрыторыю цяперашняй Рэспублікі Беларусь) аб'яднанаю федэратыўнаю дзяржаву. Нараўне з пэўнымі дасягненнямі ў эканоміцы і культуры тагачаснай Рэчы Паспалітай, нельга не адзначыць шэраг негатыўных момантаў, якія аказалі ўздзеянне на наступную жыццяздольнасць гэтай федэрацыі. Перш за ўсё, гэта тычыцца аспектаў рэлігіі і культуры ў дачыненні да т.зв. «Усходним Крэсі». У 1696 г. беларуская мова была цалкам змянена на польскаю ў дзяржаўным справаводстве і на стагоддзі страціла шанец выпрацаваць сваю літаратурную форму.

У 1717 годзе было забаронена здзяйсненне публічных набажэнстваў, будаўніцтва новых і рамонт старых праваслаўных храмаў, ў 1736 годзе польскім каралём быў выдадзены універсал, згодна з якім для пасвячэння праваслаўнага святара патрабавалася каралеўскае дазвол. Незадаволенасць праваслаўнага насельніцтва, арыстакратыі і дваранства дыскрымінацыйным надыходам на іх духоўна-культурныя пачатку, паслужыла адной з прычын паслаблення федэрацыі.

Па выніках падзелаў Рэчы Паспалітай, якія адбываліся ў перыяд 1770х-1790х гадоў, да Расеі перайшла спачатку частка Беларусі (Гомель, Магілёў, Віцебск, Дзвінск), а затым беларускія тэрыторыі на ўсход ад Буга і лініі Няміра-Гродна, агульнай плошчай 120 тыс. км ^{2} і насельніцтвам 1,2 млн. чалавек. Уся тэрыторыя, якая перайшла пад уладу Расійскай імперыі, была падзелена на губерні. Тут у першы час былі захаваныя ранейшая прававая сістэма (Літоўскі статут), выбарнасць суддзяў і маршалкам на сейміках. Далучэнне Беларусі да Расіі прывяло да хуткага развіцця эканомікі, гандлю, культуры.

Ўз'яднанне уніятаў з Праваслаўнай Царквой, якое адбылося на Полацкім саборы 1839, з'яўляецца адным з найважнейшых падзей гісторыі беларускага народа Пры гэтым ўз'яднанне уніятаў ссунулася з мёртвай кропкі штучна замарожаны ў Рэчы Паспалітай працэс ператварэння беларускай народнасці ў беларускую нацыю.

Падзеі 1830 і 1863 года (польскае паўстанне) практычна ліквідавалі тое, што можна было назваць суверэнітэтам у складзе Расійскай імперыі (успомнім прыклад Вялікага княства Фінляндскага). Польшча, Літва і Беларусь ператвараліся ў звычайныя расійскія правінцыі. Былыя уніяты не адгукнуліся на звернутыя да іх заклікі польскіх патрыётаў, і польскае нацыянальны рух у не знайшло апоры ў шырокіх народных масах. Наадварот, шмат беларусаў адгукнуліся на заклік рускага генерал-губернатара М. М. Мураўёва і пачалі дапамагаць ўлады наводзіць парадак. У зварот ўваходзіў і тэрмін «Паўночна-Заходні край». У той час пачатак рабіць першыя крокі нацыянальна-культурнае адраджэнне беларусаў. Узнік навуковы цікавасць да вывучэння гісторыі, этнаграфіі і фальклору беларускага народа.

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года зноў стала актуальнай праблема, у якой форме выбудоўваць дзяржаўнасць Беларусі. За кароткі перыяд існавання т.зв. «БНР» частка беларускай палітычнай эліты пад кіраўніцтвам Антона Луцкевіча арыентавалася на супрацоўніцтва з польскімі ўладамі і шукала формы ажыццяўлення беларускай дзяржаўнасці на аснове федэрацыі з Польшчай. Луцкевіч лічыў, што ў саюзе з Польшчай беларусы могуць не толькі захаваць свой суверэнітэт, але і набыць зямлі на ўсходзе, аж да Смаленска. У сваю чаргу, іншая частка эліты пад кіраўніцтвам Вацлава Ластоўскага сваімі саюзнікамі разглядала прыбалтыйскія рэспублікі.

Заканчэнне Брэсцкага мірнага дагавора паклала гэтым спробам свайго роду еўраінтэграцыі. Тым самым аднавілася інтэграцыя з РСФСР. 23 сьнежня 1918 адбылося афіцыйнае юрыдычнае афармленне абласнога дзялення тэрыторый. Пастановай УЦВК РФСР, Заходняя вобласць нароўні з астатнімі абласнымі расійскімі аб'яднаннямі атрымала афіцыйны статус адміністрацыйнай адзінкі РСФСР. 1 студзеня 1919 года было абвешчана Часовы рабоча-сялянскі ўрад БССР пад кіраўніцтвамна Д. Жылуновіча. 16 студзеня 1919г. ЦК РКП (б) прыняў рашэнне аб адарвання на карысць РСФСР ўсходніх губерняў БССР (Смаленскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў) (Гомель быў павятовым горадам Магілёўскай губерні). На перададзеных РСФСР Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў былі зачыненыя ўсе беларускія школы, ліквідаваныя ўсе выданні на беларускай мове, беларуская мова быў забаронены для выкарыстання ў дзяржустановах і арміі, на вытворчасці. Уяўляе пэўны цікавасць эксперымент з т.зв. Літоўска-Беларускай ССР на тэрыторыі беларускіх губерняў (Віленскай, Гродзенскай і Мінскай), у кіраўніцтве якой пераважалі палякі і літоўцы, беларусаў прадстаўляў толькі адзін чалавек (з лютага па ліпень 1919 г.). Палітычная эліта з ліку бальшавікоў-беларусаў дамаглася аднаўлення дзяржаўнасці БССР 31 ліпеня 1920 года. А Памеры рэспублікі ў той час складалі ўсяго 52,4 тыс. кв. км (з насельніцтвам крыху больш за паўтара мільёна чалавек).

16 студзеня 1921 года РСФСР і БССР заключаюць паміж сабой саюзны рабоча-сялянскі дагавор, які юрыдычна аформіў ваенна-гаспадарчы саюз дзвюх рэспублік. Федэратыўнай характар адносін паміж Расійскай Федэрацыяй і Беларуссю паслужыў асновай і дыпламатычнага саюза Расіі і Беларусі, фармавалася агульная прававая сістэма і адзінае прававое прастору саюза дзвюх рэспублік. Адукацыя Саюза ССР стала лагічным завяршэннем развіцця тагачасных федэратыўных дзяржаўна-прававых адносін паміж Расійскай Федэрацыяй і Беларуссю. У 1923 -26 гг. Палітбюро ЦК РКП (б) пагадзілася на вяртанне ў склад Беларусі часткі яе тэрыторыі (са складу былой Віцебскай і Гомельскай губерні. Калі б не намаганні кіраўніцтва БССР у тыя гады, то сёння ўсходняя мяжа Рэспублікі Беларусь заставалася б у межах ўсходняй мяжы Мінскай вобласці.

Варта адзначыць, што ў той перыяд ўпершыню стала пазначацца праблема т.зв. «Санітарных» калідораў »або« буферных дзяржаў ». паняцце «санітарнага кардону» у атрымлівае і больш шырокую трактоўку - так характарызуюць шэраг любых буферных дзяржаў, якія фарміруюць бар'ер супраць большага і ідэалагічна чужога дзяржавы, а таксама выкарыстоўваюць як метафару прадухілення распаўсюджвання ідэалогіі ці дзейнасці, якую лічаць непажаданай, небяспечнай (напрыклад, міжнароднага тэрарызму) . Як на Захадзе, так і на Усходзе, Беларусь сталі разглядаць як «буфер» паміж Еўропай і Расіяй.

Яшчэ: у сакавіку 1919 года старшыня Савета міністраў Францыі Жорж Клемансо пераконваў нядаўна створаныя памежныя з РСФСР дзяржавы сфармаваць антырасейскі абаронча саюз з мэтай ізаляцыі Еўропы ад пагрозы распаўсюджвання камунізму і экспарту рэвалюцыі. Асноўнай задачай ствараемага «санітарнага кардону» было дасягненне поўнай ізаляцыі Савецкай Расіі.

Генры Кісінджэр ў сваёй кнізе «Дыпламатыя» адзначыў, што дзякуючы новай Версальскай сістэме міжнародных адносін адбыўся адрыў Расіі ад Еўропы пры дапамозе «санітарнага кардону малых ўсходнееўрапейскіх дзяржаў». Падобныя метады стварэння буферных дзяржаў выкарыстоўвалі і бальшавікі. Характэрны прыклад - «Далёкаўсходняя рэспубліка», падзяляльная РСФСР і Японію. У сувязі з гэтым, прымаючы ў канцы 1918 года рашэння аб абвяшчэнні Беларускай дзяржавы, бальшавікі кіраваліся зусім не унутрыпалітычнымі матывамі і не інтарэсамі беларускай нацыі. Да стварэння БССР іх штурхала знешнепалітычная сітуацыя і, галоўным чынам, ваенная пагроза, што ішла ад Польшчы. У нашы дні па-ранейшаму актуальная тэматыка выкарыстання «буферных дзяржаў». Тут дарэчы, у прыватнасці, згадаць аб кнізе камісара адзінага рынку ЕС Фрыца Болкенштайна «Межы Еўропы»). Цяпер гэтая функцыя рэальна належыць Польшчы - своеасабліваму фарпост еўрапейскай дэмакратыі ва ўсходняй Еўропе. Ідэю стварэння новай свайго роду «санітарнай зоны» на межах посткамуністычнай Расеі (у выглядзе «буферных дзяржаў») таксама агучваў Збігнеў Бжэзінскі ў сваёй кнізе "Вялікая шахматная дошка".

Такім чынам, гістарычны вопыт дазваляе зрабіць відавочны выснову, што спробы інтэграцыі Беларусі ў розныя Федэратыўныя або канфедэратыўны структуры з больш моцнымі еўрапейскімі дзяржавамі (Польшча, Расія) на працягу XIV-XX стагоддзяў з часам прыводзілі да страты ёй палітычнай і эканамічнай незалежнасці, а ў пэўныя перыяды - і да нацыянальнай, культурнай і рэлігійнай дыскрымінацыі беларускага народа.

У 20 стагоддзі на еўразійскай прасторы сталі фармавацца два прынцыповыя падыходу да інтэграцыі: федералистский і канфедэратыўны.

Прыхільнікі першай шляху імкнуліся да пабудовы наднацыянальнай федэрацыі (т.зв. Злучаных Штатаў Еўропы), г.зн. да інтэграцыі ўсяго комплексу грамадскага жыцця, аж да ўвядзення адзінага грамадзянства. Па гэтым шляху пайшла інтэграцыя на прасторах былой Расійскай імперыі, ператворанай ў СССР. У пэўным сэнсе і ЕС ідзе тым жа шляхам (не ўсе краіны ЕС аб'яднаны валютным саюзам і не ўсё з іх уваходзяць ў НАТА).

Другі падыход прадугледжваў абмежаваную інтэграцыю, заснаваную на прынцыпах міждзяржаўнага згоды, з захаваннем поўнага суверэнітэту краін-удзельніц. Для прыхільнікаў гэтага падыходу працэс аб'яднання зводзіўся выкарыстанню розных формаў эканамічнага і палітычнага саюза або супрацоўніцтва пры захаванні сваіх нацыянальных урадаў і ўзброеных сіл. Нешта падобнае мела месца пры стварэнні СНД, а таксама іншых міждзяржаўных утварэнняў, у тым ліку саюз Расіі і Беларусі.
Разам з тым, уяўляецца мэтазгодным даць дастаткова адназначныя і абгрунтаваныя адказы на два галоўных пытання: першы з іх-«Неабходна Ці інтэгравацца Беларусі ў еўрапейскую супольнасць або засяродзіць намаганні на пабудове свайго саюза ў рамках, напрыклад, СНД з наступным яго супрацоўніцтвам з ЕС?» Другое пытанне-«Калі ўсё ж інтэгравацца, то ў якой ступені і да якіх межаў быць уцягнутым у гэты працэс; якія формы інтэграцыі ўжываць, з улікам расійска-беларускіх адносін: паасобку, у рамках Саюзнай дзяржавы, або па-іншаму?"

У наш час Расійска-беларускае супрацоўніцтва развівалася ва ўмовах фарміравання Саюзнай дзяржавы (Дагавор "Аб адукацыі Супольнасці Расеі і Беларусі» ад 2 красавіка 1996 года, Дагавор "Аб Саюзе Беларусі і Расіі» ад 2 красавіка 1997 года, Статут Саюза Беларусі і Расіі ад 23 мая 1997 года, Дагавор "Аб стварэнні Саюзнай дзяржавы» (падпісаны 8 снежня 1999г., уступіў у сілу 26 студзеня 2000 г.), а таксама дадатковых прававых актаў:
· Дагавор "Аб роўных правах грамадзян»
· Дагавор "Аб супрацоўніцтве ў галіне сацыяльнага забеспячэння»
· Пастанова «Аб забеспячэнні роўных правоў на набыццё ва ўласнасць, валоданне, карыстанне і распараджэнне маёмасцю"
· Рашэнне Вышэйшага Савета "Аб бесперашкодным абмене жылых памяшканняў
· Рашэнне Вышэйшага Савета "Аб роўных правах на працаўладкаванне, аплату працы і прадастаўленне іншых сацыяльна-працоўных гарантый»
· Пастанова "Аб узаемным прадастаўленні роўных правоў ў атрыманні ўсебаковай медыцынскай дапамогі»

У 2009 годзе пачаў функцыянаваць Мытны саюз Рэспублікі Беларусь, Рэспублікі Казахстан і Расійскай Федэрацыі. У 2010 годзе яму перададзены шэраг наднацыянальных функцый у сферы рэгулявання знешняга гандлю. Дзяржавы - члены Мытнага саюза пайшлі далей па шляху інтэграцыі і ў канцы 2010 года падпісалі пакет пагадненняў, якія фарміруюць дагаворна - прававую базу Адзінай эканамічнай прасторы.

Пры любым развіцці падзей, звязаных з пашырэннем ЕС на еўрапейскім кантыненце ўсё роўна застануцца толькі два асноўных фігуры - Еўрапейскі саюз і Расія. Астатнім дзяржавам у залежнасці ад іх палітычнага і эканамічнага патэнцыялу прыгатаваная адносна другарадная роля, сутнасць якой будзе заключацца ў падтрымцы ці супраціве ініцыятывам, якая вылучана «галоўнымі фігурамі». Вось чаму для такіх невялікіх краін як Беларусь ўстае сакраментальнае пытанне - «Што рабіць?».

Перспектыва расійска - беларускай інтэграцыі

Закранаючы праблем еўрапейскай інтэграцыі Расеі і Беларусі, уяўляецца магчымым зрабіць выснову аб тым, што, у адрозненне ад Расіі (якую ў бліжэйшай перспектыве пакуль ніхто не збіраецца запрашаць для ўступлення ў ЕС), грамадзяне Беларусі, выпрабаваўшы на сабе ў плыні некалькіх стагоддзяў розныя інтэграцыйныя формы , займаюць хутчэй пасіўна-нейтральную пазіцыю, чым актыўную пазіцыю, і не адчуваюць моцных імкненняў растварацца ў шырокім эканамічным і палітычным як «еўрапейскім» так і «расейскім» прасторы, у іх няма відавочнага жадання садзейнічаць ператварэнню свайго дзяржавы ў трэцярадную краіну або ў намінальны суб'ект Расійскай Федэрацыі.

Хачу адзначыць, што Беларусь і Расія непасрэдна не ўдзельнічаюць у працэсе еўрапейскай інтэграцыі, але прыкладаюць пэўныя намаганні для развіцця шматбаковага супрацоўніцтва з ЕС. А аналіз сацыяльна-эканамічных і палітычных працэсаў апошняга дзесяцігоддзя паказвае, што фарсіраванне падключэння Беларусі і Расіі да еўрапейскага інтэграцыйнага працэсу на любых умовах і ў самыя кароткія тэрміны - гэта невыканальная задача.

Зварот да палітычнай інтэграцыі паміж Расеяй і Беларуссю немагчымы, так як беларускі палітычны клас не гатовы да перадачы часткі суверэнітэту наднацыянальным органам Саюзнай Дзяржавы. Акрамя таго, у сілу хутчэй суб'ектыўных прычын расейская палітычная эліта не імкнецца да аб'яднання з Беларуссю на аснове раўнапраўнага партнёрства, маючы на ўвазе пад аб'яднаннем фактычна паглынанне Беларусі Расейскай Федэрацыяй з магчымым захаваннем на працягу нейкага часу толькі фармальных атрыбутаў яе дзяржаўнасці.

Эканамічная інтэграцыя паміж Расіяй і Беларуссю ў абраным датацыйнай фармаце пакуль што мала эфектыўная. Стварэнне зоны свабоднага гандлю (мытнай зоны) у рамках расійска-беларускай інтэграцыі ў цяперашні час ператварылася ў своеасаблівую цяжар для расейскага бюджэту. А ў выпадку ўступлення Расеі ў СГА, такая зона падлягае ліквідацыі. Практычна пакуль няма перадумоў для агульнага рынку і эканамічнага, а таксама валютнага саюза (наступныя этапы эканамічнай інтэграцыі) у рамках Саюзнай Дзяржавы.

Будучыня расійска-беларускіх адносін

Зараз Масква ўжо не разглядае Беларусь у якасці прыярытэту першага ўзроўня, асаблівыя адносіны з якой трэба падтрымліваць субсідаваннем яе эканомікі. На цяперашнім этапе, на мой погляд, найбольш рацыянальнай формай двухбаковых адносін Беларусі як з Расіяй, так і з еўрапейскай супольнасцю будзе прагматычнае супрацоўніцтва і партнёрства, якое мяжуе з умераным канструктыўным ізаляцыянізму ў пазітыўным разуменні гэтага слова. Ёсць здагадка, што паступова саюзныя структуры паміж двума краінамі перафарматуе ў каардынацыйныя органы, звязаныя з функцыянаваннем транспартных камунікацый, у тым ліку энергетычных, міграцыі, выкарыстання беларускіх працоўных рэсурсаў. Відавочна захаваецца цікавасць да ўзаемнай абароне паветранай прасторы (у прыватнасці выкарыстанне аб'ектаў РЛС "Волга" (Баранавічы), 43-й вузел сувязі ВМФ (Вілейка).

Важную ролю ў фарміраванні ўзаемавыгадных, раўнапраўных партнёрскіх адносін Беларусі і Расіі, пераадоленні думкі асобных расійскіх палітычных кіраўнікоў аб Беларусі як аб «малодшым партнёра" павінна гуляць далейшае развіццё этнакультурных сувязяў беларускай дзяржавы і грамадства з беларускай дыяспарай у Расійскай Федэрацыі.

У Расеі пражывае прыкладна 814,7 тысячы асоб беларускага паходжання. Рэальна, па розных ацэнках, беларуская дыяспара ў Расеі складае каля 2 млн. чалавек. Суайчыннікі павінны адчуць, што яны частка беларускай нацыі.

У цяперашні час у Расіі створана шматузроўневая структура беларускай дыяспары, якая ўключае ў сябе больш за 20 нацыянальна-культурных аўтаномій, культурна-асветніцкія грамадства, культурныя цэнтры, зямляцтвы, у цэлым каля 80 грамадскіх арганізацый беларусаў, асноўнымі задачамі якіх з'яўляюцца наладжванне сувязей з гістарычнай радзімай, захаванне і прадстаўленне ў Расіі беларускіх нацыянальных, культурных і духоўных традыцый. З мэтай стварэння адзінага прадстаўніцкага органа беларусаў у Расіі ў 1999 г. была заснавана Федэральная нацыянальна-культурная аўтаномія (ФНКА) "Беларусы Расіі". У рэгіёнах Расіі дзейнічае каля 100 самадзейных творчых калектываў расійскіх беларусаў і калектываў, якія маюць у сваім рэпертуары беларускія песні, танцы і мелодыі.

Аднак, падтрымка беларускай дыяспары мае патрэбу ў далейшым пашырэнні. Неабходна імкнуцца да таго, каб усе якія пражываюць у Расіі беларусы адчувалі сваю сувязь з Радзімай, адчувалі сябе часткай адзінай нацыі, ведалі і любілі беларускую мову і культуру. Гэта мае на ўвазе паглыбленне супрацоўніцтва, перш за ўсё. На «нізавым» узроўні - паміж канкрэтнымі культурнымі ўстановамі (тэатрамі, музеямі, бібліятэкамі і да т.п.), аднак, не выклікае сумненняў, што падтрымка беларускай дыяспары за мяжой павінна з'яўляцца і часткай дзяржаўнай палітыкі Рэспублікі Беларусь.

Усе гэтыя крокі павінны быць цесна звязаны з прынцыпамі неўмяшання ва ўнутраныя справы нашых дзяржаў і павазе іх суверэнітэту, а таксама выключэнняў падвойных стандартаў пры вырашэнні любых праблем узаемных адносін. Гэта дазволіць заняць сваё годнае месца як у еўрапейскай, так і сусветнай палітыцы.

А.У. Вазнесенскі. Пра Евангелле, выдадзенае ў 1600 г. у Вільні ў друкарні Мамонічаў.

Сярод выданняў, якія ўводзяць бібліёграфаў у сумненні, а часам і прыводзяць да непаразуменняў, віленскае Евангелле 1600 г. займае пачэснае месца, і, трэба заўважыць, цалкам заслужана. Можна прыгадаць няшмат выпадкаў, калі выданне атрымлівала б столькі не падобных паміж сабой апісанняў, як гэты цудоўны помнік кнігадрукавання, які выйшаў з друкарні Мамонічаў. Хаця на пачатковым этапе знаёмства з успамянутай кнігай бібліёграфы былі шмат у чым паміж сабой згодныя. Усе яны абавязкова адзначалі факт існавання падобнага выдання, прыводзілі месца і год яго выпуску. Апісанні спачатку адрозніваліся толькі ў паказаннях уладальнікаў віленскай друкарні; звычайна ў гэтай якасці выступала сямейства Мамонічаў, хаця ў некаторых выпадках зазначалася, што ў друкарні быў толькі адзін уладальнік, і ім быў Лукаш Мамоніч[158].

Разуменне таго, што не ўсе экзэмпляры кнігі аднолькавыя, прыйшло далёка не адразу. Першым пра гэта абвясціў А.Ф. Бычкоў, які адмовіўся безагаворачна падводзіць пад апісанне В.М. Ундольскага ўсе экземпляры выдання, якія знаходзіліся на той час у сабранні Імператарскай Публічнай бібліятэкі ў Санкт-Пецярбургу. Ён палічыў патрэбным стварыць для віленскага Евангелля 1600 г. яшчэ адзін, дадатковы, бібліяграфічны запіс і забяспечыў яго наступнай заўвагай: «отлич. от означ. под № 141 заставками и имеет счет тетрадей»[159], г. зн. сігнатуры. Гэта заўвага А.Ф. Бычкова не засталася без увагі бібліёграфаў, аднак усе яны абмежаваліся толькі адсылкамі да яго інфармацыі[160], і толькі П.А. Гільтэбрандт, а затым А.І. Мілавідаў знайшлі ў сабе смеласць апісаць не адно, а цэлых два выданні Евангелля 1600 г.[161]

Падобнае ўспрыманне віленскага выдання Мамонічаў 1600 г. доўгі час заставалася на перыферыі бібліяграфічнай навукі, на што, трэба думаць, немала ўплывалі адносіны да яго І.П. Каратаева. Той разглядаў наяўнасць альбо адсутнасць сігнатур у выданні як адну з прыкмет двух яго варыянтаў, хаця, напаткаўшы ў Бібліятэцы Акадэміі навук у адным з экзэмпляраў Евангелля без сігнатур выхадныя звесткі з паказаннем часу выдання не 17, а

---

[158] Сопиков В. С. Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и росийском языках от начала заведения типографий до 1813 года...СПб., 1813. Ч. 1. № 276; Кеппен П. И. Хронологическая роспись первопечатным словенским книгам // Библиографические листы / Изд. П. И. Кеппеном. (СПб.), 1825. № 21. С. 300 (№ 42); Реэстр старопечатных славянских книг, находящихся в библиотеке А.С.Ширяева. М., 1833. № 24. Пазней падобнае указанне таксама сустракаецца, хаця і радзей: Петров С. О., Бирюк Я. Д., Золотарь Т. П. Славянские книги кирилловской печати XV–XVIII вв.: Описание книг, хранящихся в Гос. публичной библиотеке УССР. Киев, 1958. № 40.

[159] Бычков А. Ф. Дополнение к Очерку библиографии В. Ундольского, составленное, по экземплярам церковно-печатных изданий, находящихся в Имп. Публичной Библиотеке // Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии / с дополнениями А. Ф. Бычкова и А. Викторова. М., 1871. Стб. 333, № 3.

[160] Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491–1730. СПб., 1878. Вып. 1: с 1491 по 1600 г. № 145; Родосский А. С. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1: (1491–1700 г. включ.). № 36.

[161] Гильтебрандт П. А. Перечень по типографиям и годам западно-русской старопечати церковно-славянского шрифта // Памятники русской старины в западных губерниях империи / изд. П. Н. Батюшковым. СПб., 1874. Вып. 6. С. 172. № 29 и 30; Миловидов А. И. Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западно-русских типографий XVI–XVIII вв. / изд. ОИДР. М., 1908. С. 6, № 39 и 40.

19 ліпеня 7108 (1600) г., выказаў меркаванне, што і ўсе іншыя экземпляры гэтага варыянта кнігі павінны былі мець дакладна такі ж калафон[162].

Вялікі ўплыў на падыходы да апісання Евангелля 1600 г. зрабіла даследаванне дзейнасці друкарні Мамонічаў А.С. Зёрнавай. У гэтым даследаванні наўпрост гаварылася пра існаванне двух выданняў кнігі (без сігнатур і з сігнатурамі), прычым была высветлена паслядоўнасць іх выхаду: больш раннім прызнавалася Евангелле «без сігнатур». Выхадныя звесткі з датай «19 июля 7108», якія займаюць 19 радкоў замест 23, разглядаліся як варыянт, які прысутнічае толькі ў адным экзэмпляры кнігі, і яго А.С. Зёрнава пакінула без ніякіх тлумачэнняў[163].

Апісанне віленскага Евангелля 1600 г. не як аднаго, а як двух выданняў стала пасля гэтага амаль паўсюдным[164], тым больш што пытанне пра тое, чаму яны датаваныя аднолькава, пастаралася згладзіць В.І. Лук'яненка. У апісанні Евангелля «з сігнатурамі» яна зрабіла адну вельмі важную заўвагу зазначыўшы, што негледзячы на падабенства да Евангелля «без сігнатур», яго трэба лічыць «параўнальна познім выданнем, якое выдалі пасля паказанай на ім даты, магчыма ў самым канцы 1600 г., значыць не ў ліпені, а ў жніўні гэтага году»[165]. Новае датаванне, што ўзнікла з гіпотэзы В.І. Лук'яненка, тым не меньш, прыжылося ў бібліяграфіі і нават было замацавана ў зводным каталогу кірылічных кніг другой паловы XVI ст.[166] Хаця ў апошні час з'явілася яшчэ адно меркаванне пра час выхаду названых віленскіх выданняў, а менавіта была выказана думка датаваць Евангелле «з сігнатурамі» часам «не раней 1614»[167], аднак, паколькі яго аўтары не далі падобнаму датаванню ніякіх тлумачэнняў і не прывялі для яго аніякіх падстаў, то яго наўрад ці можа прыняць да ўвагі.

На карысць таго, каб лічыць, што ў 1600 г. у Вільні выйшлі два выданні Евангелля, перш за ўсё гаворыць існаванне двух набораў, з якіх і друкаваліся экземпляры кнігі. Адрозненні гэтых набораў відавочныя, яны заўважныя і ў арнаментыцы і ў зменах, што ўнесены ў тэкст кнігі, аднак найбольш выразна яны праявіліся ў адсутнасці альбо наяўнасці сігнатур, паколькі гэта не можа быць асаблівасцю набору, якая адлюстроўвае яго варыянтны стан. Між тым выкарыстанне некалькіх набораў не парушала адзінства выдання, калі адбіткі з іх успрымаліся друкарамі як часткі аднаго выдання, а некалькі набораў былі неабходныя толькі для павялічэння тыражу кнігі. Пра тое, што іх разглядалі

---

162 Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. Т. 1: с 1491 по 1652 г. № 162 (Сб. ОРЯС. Т. 34, № 2). І.П. Каратаеву, верагодна, засталася невядомай заўвага П.А. Гільтэбрандта да апісання Евангелля без сігнатур: «В Виленской Публичной Библиотеке есть два экземпляра с выходом: июля 17, и три: июля 19» (гл.: Гильтебрандт П. А. Перечень...С. 172, спасылка). Хаця, тое не было падцверджана пазней А.І. Мілавідавым, які апісаў тыя ж пяць экзэмпляраў кнігі, тры з якіх ён знайшоў без выхадных звестак (гл.: Миловидов А. И. Описание славяно-русских старо-печатных книг Виленской Публичной библиотеки (1491–1800 гг.). Вильна, 1908. № 16).

163 Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. М., 1959. Сб. 1. С. 210.

164 Прадстаўленне пра Евангеллі «з сігатурамі» і «без сігнатур» як пра варыянты аднаго выдання было вельмі рэдкай з'явай, гл., напрыклад: Выдашенко М. Б., Мыцко И. З. Коллекция старопечатных изданий кирилловского шрифта в Музее Ивана Федорова во Львове // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 213.

165 Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVII вв. / ГПБ. Л., 1973. Вып. 1: (1523–1600 гг.). С. 159–160.

166 Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог / Под общ. ред. Л. И. Сазоновой. М., 2003. Кн. 2. № 170.

167 Немировский Е. Л., Емельянова Е. А. Книги кирилловской печати. 1551–1600: Каталог. М., 2009. № 147 (Книжные памятники Российской государственной библиотеки).

менавіта так, сведчыць надзяленне экзэмпляраў абодвух выпускаў кнігі аднолькавымі выхаднымі звесткамі.

Пытанне пра выхадныя звесткі Евангелляў «без сігнатур» і «з сігнатурамі» зусім не простае, паколькі яго рашэнне наўпрост звязана з прадстаўленнямі пра ліставую формулу выдання, у апісанні якой розныя бібліёграфы дасёння не прыйшлі да згоды. Цалкам верагодна, што гэта было выклікана тым, што два выпускі Евангелля 1600 г. мелі неаднолькавы аб'ём[168], хаця галоўнай прычынай такога стану, канечне, трэба лічыць вельмі кепскую захаванасць экзэмпляраў выдання, асабліва ў іх канцавой частцы. Толькі гэтым, да прыкладу, можна патлумачыць існаванне думкі пра тое, што апошні сшытак кнігі ў абодвух выпадках уключаў па 10 аркушаў, у тым ліку і аркуш з выхаднымі звесткамі[169]. На самой справе апошнія 10 аркушаў прадстаўлялі з сябе сшытак з 8 аркушаў, да якога далучаліся яшчэ два аркуша: адзін – з заканчэннем тэкста Евангелля, другі – з калафонам кнігі.

Абодва гэтыя аркушы засталіся ненумараванымі і нават у Евангеллі «з сігнатурамі» не атрымалі сігнатуры: найбольш верагодна, што іх друкавалі як двайны аркуш. Разам з тым, другі тыраж гэтага падвойнага аркуша, трэба думаць, друкаваўся з пустым аркушам на месцы калафона. Менавіта таму, як нам здаецца, пры апісанні экзэмпляраў Евангелля 1600 г. часта фіксуецца адсутнасць альбо двух ненумараваных аркушаў у канцы кнігі, альбо аднаго, апошняга. У любым выпадку, гаварыць пра існаванне двух набораў тэксту выхадных звестак пакуль немагчыма, у той час як выкарыстанне двух набораў для аркуша з заканчэннем тэкста Евангелля з'яўляецца фактам, які не выклікае сумнення, бо пры кожным з гэтых двух набораў былі выкарыстаны розныя канцоўкі: у адным выпадку – у выглядзе прамавугольніка, у другім – накшталт квадрата, які стаіць на адным з вуглоў.

У друкарні Мамонічаў не было адзінага спосабу паказваць выхадныя звесткі. Калі пакінуць у баку выданні, якія выйшлі зусім без выхадных звестак[170], выхадныя звесткі якіх не захаваліся, а таксама тыя, пра няпоўнасць якіх пакуль што немагчыма гаварыць, то ўсе іншыя надрукаваныя Мамонічамі кнігі нецяжка падзяліць на дзве групы: выданні з тытульным аркушам і выданні з калафонам. Пры гэтым той ці іншы спосаб паказаць выхадныя звесткі абіралі не выпадкова, ён залежаў ад зместу і прызначэння кнігі.

Звычайна выданні для праваслаўных мелі калафон, у той час як выданні афіцыйных кніг і уніяцкіх сачыненняў, як правіла, мелі тытульны аркуш. Выключэнняў з гэтага правіла было няшмат, і ўсе яны з'явіліся толькі ў 2-й палове 1590-х гг. Да іх можна залічыць «Справедливое описание Брестского собора» Іпація Пацея 1597 г., якое мела калафон з вельмі кароткім паказаннем, што выданне «друковано у Вильни року Божего 1597»[171], але мела пры тым і тытульны аркуш, які паведамляў назву кнігі. З іншага боку, надрукаванае для праваслаўных Евангелле вучыцельнае 1595 г. атрымала тытульны аркуш, на якім успаміналася пра друкаванне кнігі: «В друкарни з дому Мамоничов, року от создания миру, 7103. а от въплощения господа нашего Исус Христа 1595 го»[172].

---

[168] Падрабязна пра гэта гл.: Вознесенский А. В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 6. О пустых листах // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 470–474.

[169] Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. № 168, 170.

[170] Адсутнасць выхадных звестак нярэдка тлумачыцца заказным характарам выдання. Не выпадкова пры выпуску сачынення «О крестном знамении» Максіма Грэка ў сярэдзіне 1580-х гг. (менавіта пра такое датаванне свечыць ужыванне элемента наборнага арнамента ў канцы калафона. Пар. калафон Псалтыры з Часаслоўцам 1586 г.) друкары знашлі магчымым надаць яму калафон толькі наступнага зместу: «За выдаткомъ або накладомъ на то. Велебнаго его милости епископа, Луцъкого И острозского отца кирила теръленцъкого. Выдруковано» (Тамсама. Іл. 98.3).

[171] Тамсама. № 155.

[172] Тамсама. Іл. 135.1.

Гэтыя на першы погляд даволі скупыя звесткі маюць важны дадатак: у іх паказаны год выпуску кнігі не толькі ад раства Хрыстова, але і ад стварэння свету. Звычайна Мамонічы так не рабілі; леталічэнне на тытульным аркушы іх выданняў вялося толькі ад «Божего нарожения». Акрамя таго, як звычай, успаміналіся месцы выдання – Вільня[173] і «друкарня дому Мамоничов»[174]. У асобных выпадках выходныя звесткі дапаўнялі ўспамінаннем пра наяўнасць у Мамонічаў каралеўскага прывілею[175] альбо пра друкаванне кнігі «с дозволения старших»[176].

Калафоны выданняў Мамонічаў да канца XVI ст. былі нашмат большымі; у іх друкары не абмяжоўваліся назвай кнігі і сухой канстатацыяй факта яе выдання ў пэўным годзе ў пэўным месцы і сіламі пэўных друкароў. Нярэдка, асабліва ў ранні перыяд дзейнасці, тэкст калафона пачынаўся ўспамінаннем Бога, яго волі, яго ласкі; затым называлі выдрукаваную кнігу, успаміналі заможных і санавітых асоб, у чыё праўленне альбо з чыёй дапамогай кнігу друкавалі, нарэшце, паведамлялі пра месца, друкарах і час яе выхаду. Заключэннем калафона была адсылка да «друкарни Мамоничов», прычым на ўнясенне яе ў кнігу звычайна не ўплывала нават наяўнасць успамінання ў калафоне пра ўдзел у выданні кнігі Лукаша і Казьмы Мамонічаў, скарбнага Вялікага Княства Літоўскага і бурмістра Віленскага адпаведна. Асаблівасцю тэксту калафонаў віленскіх выданняў было тое, што ў іх ніколі не прыводзіўся поўны пералік тытулаў кіруючага манарха, але затое амаль заўсёды прысутнічала дата выпуска кнігі ў леталічэнні ад стварэння свету[177], прычым паведамлялася дакладная дата, з паказаннем дня і месяца году[178].

Убачыць розніцу паміж тытульным аркушам і калафонам прасцей за ўсё на прыкладзе Псалтыра з Часаслоўцам 1593 г., калі ўдзел у друкаванні прымаў сын Кузьмы Мамоніча Леон[179], які надаў кнізе і тытульны аркуш, і калафон. Пры гэтым ён не адступіўся ад звычаяў друкарні ў паказанні выходных звестак. На тытульным аркушы яны былі кароткія: «В вилни. З друкарни дому Мамоничовъ. Року 1593»[180]; у калафоне тыя ж звесткі перададзены больш разгорнута: «В лето от создания миру. 7101. А от нарождения исуса христа сына божего избавителя нашего. 1593 го месяца ноября 30 го Сия книга глаголемая псалтыр Выдрукована естъ в месте виленьскомъ. В дому, тгыпокграфовъ его королевскои милости, Мамоничовъ», пасля чаго быў прыведзены тэкст прывілею[181].

Пры складанні тэкста калафонаў друкары, без сумневу, мелі на ўвазе выходныя звесткі маскоўскіх выданняў, а таксама віленскіх выданняў Пятра Цімафеева Мсціслаўца. Пра гэта сведчыць калафон першага выдання Мамонічаў – Службоўніка 1583 г., выпуск

---

173 Акрамя Евангелля вучыцельнага 1595 г., на Вільню не паказвае ні адзін з першых выпускаў Статута Вялікага Княства Літоўскага (гл. тамсама. Іл. 121.1).

174 Такое паказанне апушчана ў выданнях Катэхізіса Пятра Канізія 1585 г. (Тамсама. Іл. 96.1), Уніі Іпація Пацея 1595 г. (Тамсама. Іл. 136.1) і Апісанні і абароне Брэсцкага сабора Пятра Скаргі 1597 г. (Тамсама. Іл. 156.1).

175 Толькі ў выпусках Статута Вялікага Княства Літоўскага.

176 Толькі ў Катэхізісе Пятра Скаргі і Уніі Іпація Пацея.

177 Побач з датай летазлічэння ад раства Хрыстова. Выключэнні: Псалтыр з Часаслоўцам 1586 г. (толькі ад стварэння свету), Часоўнік 1597 г. і Апісанне і абарона Брэсцкага сабора Пятра Скаргі 1597 г. (толькі ад раства Хрыстова).

178 Паказання чысла і месяца няма толькі ў Апісанні і абароне Бресцкага сабора Пятра Скаргі 1597 г.

179 У прысвячэнні свайму дзядзі Лукашу Мамонічу Леон, называючы кнігу сваёю «первою працею», пісаў, што «понудихся, сию книгу глаголемую псалтырь <...> в дому родителском, помочниками и на то уготованными розными пособии ручными. ничто же не перекладаючи и не отменяючи языка словенскаго выдруковати» (Тамсама. Іл. 125.4, 125.3).

180 Тамсама. Іл. 125.1.

181 Тамсама. Іл. 125.9.

якога быў прыпісаны павяленню польскага караля і баслаўленню кіеўскага і галіцкага мітрапаліта, што пазней не магло не выклікаць здзіўлення бібліёграфаў[182]. Незвычайным у яго тэксце было і паказанне мэты выдання: «ко очищению и ко исправлению ненаученных и неискусных в разуме книгописец»[183], тым больш што яно было даслоўна запазычана з маскоўскага Псалтыра 1568 г. Разам з тым, як і Пётр Цімафееў Мсціславец, віленскія друкары ніколі не называлі дату пачатку друкаваня кнігі, абмяжоўваючыся толькі датай заканчэння работы над ёй.

Евангелле 1600 г., як і іншыя выданні богаслужбовых кніг праваслаўнай царквы, таксама атрымала калафон, аднак гісторыя яго друкавання аказалася не такой простай, як звычайна. Тэкст выхадных звестак быў зменены, прычым нашмат больш істотна, чым гэта, як правіла, адзначаюць бібліёграфы, якія бачаць галоўную розніцу паміж двума варыянтамі ў паказанні альбо 19, альбо 17 ліпеня як часу выхаду кнігі. На самай справе змены закранулі не толькі даты. У першапачатковым выглядзе (гл. Мал. 1) тэкст выхадных звестак характэрызаваў караля як «міласцівага» (пазней – «наяснейшаго»; гл. Мал. 2), называў яго «королем полским и великим князем литовским» (пазней дадзены поўны тытул, у якім паведамляецца, што ён яшчэ і вялікі князь «руский, пруский, жомоитский, мазовецкий, ифлянтский и дедичный короля шведъского»), называў мітрапаліта Іпація «епископом берестейским и володимерским, и печерским архимандритом» (пазней ён стаў «епископом володимерским и берестейским, архимандритом печерским»). З’явіліся змены і ў тытуляванні канцлера Льва Сапегі: з «пернавъского, обдоръского, могилевъского старосты» он превратился в «слонимского, пернавъского, могилевъского старосту, и прочая». Важныя змены былі ўнесены ў заключную частку тэксту калафона. Адказнасць за выданне, акрамя Лукаша, узяў на сябя і «пан Козма Мамонич бурмистр виленский», а ў дадатак да даты ў леталічэнні ад стварэння свету з’явіўся яе адпаведнік у леталічэнні ад раства Хрыстова. Хаця і сама дата была зменена.

Больш позні калафон стаў вынікам перанабору тэксту, прычым друкары не адразу стварылі яго канчатковы від. Напачатку яны чарговы раз забыліся ўспамянуць Кузьму Мамоніча[184] (Мал. 3), аднак хутка ўнеслі ў калафон яго імя, уставіўшы ў тэкст дадатковы радок, у якім, скарыстаўшы шэраз скарачэнняў слоў, патрапілі змясціць усе неабходныя пра яго звесткі.

Пры разглядзе гісторыі друкавання калафона робіцца відавочным, што перад друкарамі стаяла не толькі задача выправіць трапіўшыя ў тэкст недахопы, ім выжна было прывесці яго ў выгляд, у якім ён быў бы прымальны як для маскоўскіх кніжнікаў, так і для жыхароў Вялікага Княства Літоўскага, якія значна лепш разбіраліся ў мясцовых справах і тытуляванні заможных асоб. Для іх была ўведзена і дата ад раства Хрыстова, больш звычная ў Літве, што адрознівала яе ад Маскоўскай дзяржавы, дзе аддавалі перавагу леталічэнню ад стварэння свету[185].

Такім чынам, у працэсе друкавання Евангелля 1600 г., якое мяркавалася выдаць двайным тыражом, віленскіе друкары зрабілі пераадрасацыю кнігі, пераарыентаваўшы яе з маскоўскага на мясцовы рынак. І хаця няма непасрэдных сведчанняў таго, на чым было

---

182 Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век). С. 177.
183 Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. № 89.6.
184 Яшчэ адзін варыянт калафона, раней не адзначаны бібліёграфамі. Прысутнічае ў экзэмпляры, які паступіў у Публічную бібліятэку ў ліку дублетаў Маскоўскага Публічнага музея (са збору І.Я. Лукашэвіча).
185 Спроба ўвядзення ў Маскве даты ад Раства Хрыстова, якую зрабілі ў другой палове першага дзесяцігоддзя XVII ст., якончылася фіаско. І ў Апостале і Евангеллі 1606 г., і ў Трыёдзі постнай 1607 г. і в Уставе 1610 г. дата ад Раства Хрыстова аказалася няправільнай, паколькі маскоўскія кніжнікі лічылі, што розніца паміж двума летазлічэннямі складае не 5508, а 5500 год.

заснавана іх рашэнне, трэба думаць, яно было звязана з поспехамі маскоўскага кнігадрукавання, якое развівалася ўжо на рэгулярнай аснове. У любым выпадку віленскія друкары пакінулі ў сваёй айчыне дастаткова вялікую частку абодвух тыражоў выдання, і гэта прывяло да з'яўлення вялікай колькасці экзэмпляраў кнігі з заходнерускімі запісамі, што часам спецыяльна адзначаюць бібліёграфы[186].

[186] Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век). С. 210; Выдашенко М. Б., Мыцко И. З. Коллекция старопечатных изданий кирилловского шрифта в Музее Ивана Федорова во Львове. С. 213.

Яўген Верцель. Інтэрнэт і беларуская мова: учора, сёння, заўтра.

Некалькі гадоў таму мне давялося быць на экскурсіі ў вялікай берлінскай друкарні. Сярод кампутараў і сучаснага друкавальнага абсталявання прыцягнуў увагу стары надпіс на сцяне, зроблены яшчэ гатычным шрыфтам:

Свінец у наборных касах больш змяніў свет, чым свінец у мушкетах.

З гэтым цяжка спрачацца. Пасля Гутэнберга пачалася інфармацыйная рэвалюцыя. Сёння можна смела дадаць: Кампутары і інтэрнэт больш змянілі свет, чым атамныя бомбы.

Маладому чалавеку, якому меньш чым трыццаць гадоў, цяжка ўявіць жыцце без мабільных тэлефонаў, без кампутараў і Інтэрнэта. Але так было. І людзі старэйшага узросту добра памятаюць гэты час, калі для любой даведкі трэба было цягнуцца у бібліятэку і перабіраць там не адну кніжку.

Трэба адзначыць, што з вылічальнай тэхнікай Беларусі пашчасціла.

Дастаткова сказаць, што з 1960 года ў Мінску пачаў працаваць новы, толькі што пабудаваны завод вылічальных машын імя Арджанікідзэ. На базе канструктарскага бюро гэтага завода вырас НІІ ЭВМ, дзе былі распрацаваны вядомыя вылічальные машыны Мінск-22, Мінск-32, а пазней ЕС-1020, ЕС-1022, ЕС – 1035.

На чале гэтай працы стаялі чл.-кар. АН СССР Георгій Паўлавіч Лопато, лаўрэат Ленінскай прэміі Генадзь Дзімітрыевіч Смірноў, Вадзім Якаўлевіч Пыхцін, Уладзімір Пятровіч Качкоў, Марк Яфімавіч Неменман і другія светлыя галовы. Мне самому давялося працаваць там пятнаццаць гадоў. І можна сказать, што гэта былі лепшыя і самыя творчыя гады майго жыцця.

Быу яшчэ Інстытут кібернэтыкі ў складзе Акадэміі навук БССР, ЦНІІТУ – Цэнтральны НІІ арганізацыі і тэхнікі упраўлення. У апошнім быў распрацаваны шэраг АСУ, Аўтаматызаваных сістэм упраулення. Вялікага поспеху ў гаспадарцы яны не мелі, але падрыхтавалі глебу – у першую чаргу спецыялістаў – для масавага выкарыстання персанальных кампутарау і, пазней, Інтэрнэта.

Лічыцца, што Інтэрнэт у Беларусі існуе з 1991 года. Але гэта быў толькі пачатак. Хутка казка гаворыцца, але марудна справа робіцца. Дастаткова сказаць, што у вялікім трохтомным акадэмічным слоуніку, які выдадзены ў 1993 годзе і налічвае 86 тысяч адзінак, слова «Інтернет» яшчэ адсутнічае.

Пазней, натуральна, яно ўжо ёсць у слоўніках. На сёняшні дзень Беларусь і беларуская мова выглядаюць цалкам годна па выкарыстанню Інтэрнэту ў параўнанні з іншымі краінамі і мовамі.

Ужо ў 2012 годзе доля Інтэрнэт-карыстальнікаў сярод насельніцтва ў Беларусі складала 46,9 % .

Гэта ледзь горш чым у Расіі (53.3 %) і нашмат лепш за Украіну (33.7 %). Праўда, мы ўсё яшчэ прыкметна адстаем ад передавых краін: ЗША (78 %), Германія (83 %).

Сярод вялікай колькасці моў існуючых на планеце (прыкладна 5 тыс.) толькі менш за 4% прадстаўлены ў Інтэрнэце. Па дадзеных чл.- кар НАН Беларусі Аляксандра Лукашанца беларуская мова ўваходзіць у два першыя працэнты моў, прысутных у інтэрнэт сферы.

Але ступень прысутнасці розных моў у Сетцы вельмі нераўнамерная.

Мова – Працэнт

Англійская – 55,5; руская – 6,3; нямецкая – 5,6; японская – 4,9; іспанская – 4,3; кітайская – 4,0.

Прысутнасць беларускай мовы ніжэй дзесятай долі працэнта.

Лічбы, якія я прывёў, дастаткова вядомыя. У гэтай сітуацыі важна выбраць правільную стратэгію на бліжэйшую будучыню. Ці ёсць неабходнасць нарошчваць прысутнасць беларускай мовы ў Інтэрнэце (а гэта патрабуе выдаткаў, сіл і сродкаў) , або досыць весці абарончыя баі? На мой погляд, у Інтэрнэце неабходна мець усю скарбніцу беларускай мовы і літаратуры.

У значнай меры гэта ўжо зроблена. Цудоуна, што ўжо сягодня можна знайсці у Інтэрнэце тэксты Якуба Коласа, Янкі Купалы ці Рыгора Барадуліна, Ніла Гілевіча і Генадзя Бураукіна. Існуе і развіваецца Вікіпедыя на беларускай мове. Калі быць дакладным, такіх Вікіпедый нават дзве. Адна афіцыйная, на наркомаускай арфаграфіі, другая на тарашкевіцы. Ёсць спробы іх аб'яднаць.

15 сакавіка 2014 года колькасць артыкулаў у беларускай Вікіпедыі на афіцыйнай арфаграфіі была болей за 70000. Не нашмат адстае Вікіпедыя на тарашкевіцы – 50000 артыкулаў на 6 жніўня 2014 года. Такую сітуацыю цяжка прызнаць разумнай і нармальнай.

Яшчэ адно меркаванне.

У вядомага беларускага паэта Ніла Гілевіча ёсць такіе радкі (у вершы МАРА СКАРЫНЫ).

Марыў калісьці славуты Скарына,

«Цiснучы» кнігі на мове бацькоў:

Простаму люду у роднай краіне

Зробіць даступнай ёй мудрасьць вякоў.

Высокая мара была ў Скарыны, нічога не скажаш, і шмат чаго ён зрабіў, каб яна стала рэчаіснасцю. Але ў яго час гамонка вялася аб тым, каб перакласці на мову бацькоў, дай Бог, сотню-другую кніжак. Сёння сітуацыя зусім іншая. На жаль, не ўсе мары збываюцца. На мой погляд, беларуская мова – гэта родная, ласкавая, празрыстая, лясная рачулка. Нават не Прыпяць, Сож ці Нёман, хутчэй Случ ці Лань. Ці магчыма прыняць у яе берагі Ніагару інфрмацыі дваццаць першага стагоддзя? Кожны чалавек, які бачыў гэты цуд прыроды, адкажа – Гэта немагчыма.

Сёння, каб перакласці на беларускую мову толькі найбольш важную інфармацыю з англійскай, рускай, кітайскай, японскай моваў, трэба ўсіх дарослых беларусаў зрабіць перакладчыкамі. Зразумела, што гэта шлях у нікуды.

Калі ў беларускага народа ёсць сілы і жаданне займаць дастойнае месца ў шэрагу другіх сучасных перадавых народаў, то трэба паволі, але настойліва, пераходзіць на на рускую і англійскую мовы. Менавіта ім і належыць будучыня ў галіне навукі, літаратуры і палітыкі. А што датычыць беларускай мовы… Грамадства, на мой погляд, павінна захоўваць памяць народа ў добрых бібліятэках. І мець зусім невялікую колькасць навукоўцаў-жрацоў, якія будуць валодаць жывой беларускай мовай. Нацыянальная бібліятэка Беларусі – выдатны прыклад, як гэта трэба рабіць.

Осипова Галина Георгиевна. Ленинградская «новая фольклорная волна» в белорусской проекции: фольклорное направление в хоровом творчестве Людмилы Шлег

Хоровое творчество белорусских композиторов последней трети XX – первого десятилетия XXI века во всей полноте отражает переломный момент в развитии национальной культуры. Своеобразие геополитической ситуации, изменение духовных ориентиров общества, новые процессы в области хорового исполнительства способствовали перестройке структуры жанра и обновлению музыкальных средств. Хоровые опусы А. Мдивани, Л. Захлевного, Л. Шлег, А. Бондаренко, В. Кузнецова, О. Ходоско данного периода характеризуются своеобразным диалогом с традицией, многоголосие данных произведений демонстрирует оригинальность фактурных решений, многообразие типов и первичных моделей, среди которых приоритетное значение приобретают прообразы многоголосия фольклорного и сакрального типов. Несмотря на принципиальное различие этих двух ведущих направлений в хоровом творчестве белорусских композиторов 70-х – 90-х гг. – *фольклорного* и *сакрального* – оба они принадлежат искусству так традиционных потоков. И фольклор, и литургическое пение выступают здесь как первичные системы по отношению к профессиональной музыке. Помимо аутентичности оба направления объединены категорий синкретизма, свойственной и фольклорной обрядовости, и сакральному литургическому действу.

Из двух обозначенных тенденций, первая (фольклорная) отчасти вписывается в движение *«новой фольклорной волны»* – стилевой процесс, охвативший композиторские культуры ряда союзных республик бывшего СССР во второй половине 60-х гг. В эти годы обострился интерес к различным сторонам отечественной истории и культуры, среди которых именно фольклор был наиболее доступен для освоения. Изменение способов обращения с фольклорным материалом в области ритма, ладовых структур, микромотивных образований, особая техника вариантного развития, привнесение в вокальный тематизм попевочно-речевого начала, подчеркивание тембровых качеств – все это во многом явилось следствием усвоения (после падения «железного занавеса») композиторской практики «неофольклоризма» первой половины XX ст., приближением к методам Стравинского, Бартока, Орфа. Знаковыми явлениями российского композиторского процесса конца 50-х – 60-х гг. стали «Курские песни» Г. Свиридова, «Песни вольницы» С. Слонимского, «Русская тетрадь» В. Гаврилина, «Лебедушка» В. Салманова, «Озорные частушки» Р. Щедрина и др. Таким образом, фольклоризм – традиция не только историко-культурная, но и композиционно-технологическая. Для многих авторов обращение к фольклорной архаике, возможность трансформации монодии в многоголосие ускорили путь к новой композиции, и на этом пути среди прообразов многоголосия особая роль отводилась гетерофонии. В произведениях «новой фольклорной волны» гетерофония стала свободным, непринужденным, не скованным предписаниями способом музицирования, образом мышления, разрушающим классический хорально-аккордовый стереотип.

Показательной и уникальной в этом контексте выглядит фигура Людмилы Шлег. Л. К. Шлег (1948 г. р.) закончила Белорусскую государственную консерваторию по классу композиции проф. Д. Б. Смольского в 1972 г.; ассистентуру-стажировку Ленинградской государственной консерватории под руководством проф. С. М. Слонимского – в 1980 г. Член СК Беларуси с 1976 г. К началу нынешнего столетия она прошла путь от экспериментаторских поисков 70-х – 80-х гг. до сакральных произведений 90-х – 2000-х гг., созданных уже «воцерковленным» композитором, от музыки различных жанров, в том числе инструментальных, с применением композиционной техники 2-й половины XX века – до новейших опытов переложений и сочинений на канонические богослужебные тексты исключительно для хора a cappella. Фольклорная и сакральная линии присутствуют в произведениях Л. Шлег с максимальным разнообразием жанров и форм многоголосия. Причем, оба направления развиваются не параллельно: они последовательно сменяют друг друга на рубеже 80-х – 90-х гг. (вокально-симфоническое действо «Гуканне вясны» (1987) и оратория «Иконостас» (1989)).

Как представитель фольклорного направления в середине 70-х гг. композитор ярко заявила о себе наряду с А. Мдивани, Л. Захлевным, Г. Гореловой. По мнению В. А. Антоневич, «одно из

ведущих мест в белорусской музыке 1970 – 90-х гг. приобретает процесс становления национального стиля на основе расширенного заимствования компонентов белорусского фольклора (образно-сюжетного, образно-эмоционального, интонационного, ритмического, ладового, драматургического, исполнительского и др.) как самостоятельных (не обусловленных цитатностью) художественно-выразительных категорий» [1, с. 237].

С 1972 г. по 1987 г. Л. Шлег представила полный спектр жанров белорусской «новой фольклорной волны». Отдельный период этого пятнадцатилетия – два очень важных для нее года ассистентуры-стажировки в Ленинградской консерватории (1978 – 1980). Прежде всего, это занятия в классе профессора С.М. Слонимского – одного из основателей данного направления в контексте советской музыкальной культуры, автора «Виринеи», «Песен вольницы». Добавим лекции мэтра отечественной фольклористики Ф.А. Рубцова, знакомство и общение с этномузыкологом Анатолием Мехнецовым, с композитором Валерием Гаврилиным (автором знаковой «Русской тетради») – все это укрепило молодого белорусского композитора в уже выбранных ранее художественных ориентирах.

Начало фольклорным хоровым опусам положил *жанр обработки народных песен для хора a cappella* как отголосок распространенной практики предыдущих периодов – «Го-го-го, каза» (1972), «Саука ды Грышка», «Ой, рана, рана куранькі пяюць», «Ад панядзелка да панядзелка», «А у цемным лесе», «Жавароначкі, прыляціце» (1977, вошли в нотный сборник «Беларускі вяночак»). Вторая жанровая ветвь – *авторские композиции для хора a cappella на народные тексты*: циклы «Лубок» (1974), «Зоркі на лузе», «Дзіцячыя гульні» (1975), «Калядзіца» (1976), «Дударык» (1979), «Календарныя песні» (1983). Именно эти сочинения содержат наиболее интересные для типологического анализа образцы многоголосия. Немаловажное место отведено *кантате как обрядовому действу с привлечением инструментария* в традиции народного музицирования – «Трава-мурава» (1978), «Гуканне вясны» (1987). В продолжение данной жанровой линии Л. Шлег одной из первых затронула пласт кантовой культуры в камерных кантатах «Кантовая тетрадь» и «Скарбонка мінулага» (1987). Идея кантового многоголосия в соединении с сакральной тематикой нашла отражение в более поздних обработках для хора a cappella трех колядных кантов – «Нова радость стала», «Дар ныне пребогатый», «Скиния златая» (1993). Жанровая систематика фольклорных опусов Л. Шлег будет неполной без целого ряда программных инструментальных сочинений. И здесь мы сталкиваемся с типологически интересным феноменом – «парными произведениями», различными жанрово и по составу исполнителей, но сходными по названию и тематизму: «Календарныя песні» - сюита для хора (1983) и для 2-х валторн и фортепиано (1988); «Жавароначкі, прыляціце» - обработка для хора (1977), для голоса и инструментального ансамбля (1983) и 1-я часть сюиты «Каляндарныя песні» (1983); «Забаулялка» и «Дражнілка» - номера из хоровой сюиты «Лубок» (1974) и пьесы для скрипки, виолончели и фортепиано (1982). Таким образом, фольклорное многоголосие у Л. Шлег имеет две взаимодействующие разновидности – вокально-хоровую и инструментальную.

Оригинальное преломление фольклора в хоровых циклах Л. Шлег отсылает к целому ряду жанровых прообразов и форм многоголосия песенной культуры восточных славян. Композитор, как правило, избегает «дословных» заимствований, свободно оперирует различными вариантами народных напевов и поэтических текстов, сочетает в фактуре хорового многоголосия гетерофонный принцип, сонорные созвучия, а также традиционные средства гомофонии и полифонии, что неоднократно отмечалось исследователями фольклорных произведений Л. Шлег В. А. Антоневич, Р. И. Сергиенко, Н. В. Шиманским [1, 4, 6]. Н. Н. Ходинская, со слов автора, называет характерные для таких сочинений композиционные приемы методом «косметики», который заключается в преображении «простой мелодии в угловато-терпкую, свежую, заостренную» [5, *45*]. Более строгим следованием древнему фольклорному прообразу можно считать цикл «Каляндарныя песні».

Цикл появился в 1983 г. как своеобразный творческий результат окончания ленинградской ассистентуры-стажировки (напомним, что в этом же году вышло одно из самых выдающихся произведений «новой фольклорной волны» – хоровая симфония-действо «Перезвоны» В. Гаврилина). Первичные модели многоголосия в «Каляндарных песнях» восходят к архаичным

формам диафонии на бурдонной основе и гетерофонного канона в приму (литовское «сутартине»). Так в № 2 «Ішла каляда» диафония квартовой координации усиливается трех – шеститиголосием, создавая эффект красочных напластований. В № 4 «Дубровушка ды зяленая» диафония усложняется наслаиванием кварт и квинт на терцию и включением элементов подводки. Гетерофонные каноны положены в основу частей «Жавароначкі, прыляціце» и «Го-го-го, каза». В первом случае это целая система канонов, которая проходит следующие этапы: двухголосный канон в приму, двухголосный канон в квинту и кварту, два октавных канона на расстоянии квинты и, наконец, четырехголосный канон в приму. Интересно, что такое изощренное, логически-конструируемое многоголосие вызывает в «Жавароначках» абсолютно фольклорное ощущение стихийной, неорганизованной звуковой материи, ощущение глубинной укорененности и аутентичности звучания. Мелодическое мышление, свойственное Л. Шлег, именно в логике развертывания народного напева находит скрытую возможность многоголосия. Композитор прибегает к вычленению из оригинала наиболее выразительных мелодических мотивов и ритмических формул. В цикле преобладает пространственный тип композиции с постепенным развертыванием или свертыванием многоголосия. Для этого автор использует гибкий и мобильный исполнительский состав на основе смешанного хора с индивидуализацией мужской группы (№ 2 «Ішла каляда»), противопоставлением группы солистов и хора (№ 3 «Ой, рана на Йвана» и № 4 «Дубровушка ды зяленая»), а также специфические средства динамики и агогики. Таким образом, в «Каляндарных песнях» «прорастание» фольклорных прообразов в современной музыкально-культурной ситуации дало высокий и органичный художественный результат:

К сакральной тематике в национальном композиторском процессе Л. Шлег также обратилась одной из первых, создав за последнее двадцатилетие наибольшее число опусов различных жанров и исполнительских составов. В российском музыкознании «ново-сакральное направление» или «неоканонизм» как стилевое течение конца XX века принято отсчитывать с 1988 г. – года 1000-летия Крещения Руси [2]. Современный автор, обращаясь к сакральной тематике и священным текстам, безусловно, задается вопросом, будет ли он писать музыку для Церкви (как церковный композитор), или «выскажется» как художник, следуя своему вдохновению, подкрепленному верой. Для Л. Шлег приемлемы оба пути, причем, оставаясь в большинстве своих сакральных композиций православным художником (и проявляя известную долю творческой свободы), в ряде сочинений она создает именно музыку для Церкви.

Феномен хорового многоголосия Л. Шлег заключен в том, что, пожалуй, никто из белорусских композиторов современности, работающих в хоровом жанре, не отразил в такой полноте и взаимодействии прообразы и первичные модели как фольклорного, так и сакрального типов. Хоровое многоголосие Л. Шлег развивалось в постепенном постижении автором всей целостности мелодической философии и духа коллективного пения, в отражении типа певческой культуры и многообразия исторически сложившихся многоголосных форм. В процессе творчества соотношение «авторский концепт – художественная реконструкция» менялось в сторону постепенного преобладания последней: поначалу в рамках идиостиля, а затем – в сознательном отказе от него.

Литература

1 *Антоневич,* В. А. Белорусское композиторское творчество в его связях с фольклором: Историко-методологическое исследование / В. А. Антоневич – Минск: Белорусская государственная академия музыки, 1999. – 271 с.
2 *Гуляницкая,* Н. С. Поэтика музыкальной композиции: Теоретические аспекты русской духовной музыки XX века / Н. С. Гуляницкая – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 432 с.
3 *Осипова,* Г. Г. Феномен многоголосия в произведениях для хора a cappella Людмилы Шлег / Г. Г. Осипова // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. Мінск, 2010, № 17, С.42–47.
4 *Сергиенко,* Р. И. О фольклорной традиции в произведениях белорусских композиторов на народные тексты / Р. И. Сергиенко // Вопросы культуры и искусства Белоруссии. – Минск: Вышэйшая школа, 1984. – Вып. 3. – С. 52 – 59.
5 *Ходинская,* Н. Н. О композиционном методе Л. Шлег / Н. Н. Ходинская // Пытанні культуры і мастацтва Беларусі. – Мінск: Вышэйшая школа, 1991. – Вып. 10. – С. 44 – 54.

6 *Шиманский,* Н. В. Некоторые особенности многоголосия в белорусской советской музыке 60-х – 80-х гг. / Н. В. Шиманский // Белорусская советская музыка на современном этапе. Теоретические очерки. Сборник научных трудов. – Минск: Белорусская госконсерватория им. А. В. Луначарского, 1990. – С. 55 – 82.

Резюме

В статье Г. Г. Осиповой с позиций типологического анализа рассматриваются произведения Людмилы Шлег фольклорного направления в динамике развития хорового жанра и контексте советской “новой фольклорной волны”. Феномен многоголосия в хоровых циклах a cappella определяется многообразием типов и первичных моделей, их взаимодействием, а также соотношением в композиционном методе Л. Шлег художественной реконструкции и идиостиля.

Abstract

L. Shleg’s works of folk tendency are considered by G. G. Osipova in the process of development of the choral genre according to the typological analysis. The phenomenon of polyphony in the choral cycles a cappella is defined by the variety of types and initial models, its cooperation and also by the correlation between artistic reconstruction and idiostyle in the composition method of L. Shleg.

Осипова Г. Г. Феномен хорового многоголосия в литургических жанрах Олега Ходоско

Обращение современных белорусских композиторов к жанрам церковной музыки – это набирающее силу движение последних трех десятилетий на всем постсоветском пространстве. Следуя Н. Герасимовой-Персидской, можно отметить, что «богослужебное пение создало огромный культурный пласт – невидимый, нематериальный, однако всегда готовый актуализироваться», его «теряющийся в прошлом генезис становится залогом долговременной жизни в будущем» [2]. В виду сложившейся поликонфессиональности, в музыкальной традиции Беларуси представлены две основные ветви христианской литургической музыки – православная и римско-католическая, которые после 1917 г. находились в неблагоприятных условиях развития. Жизнь православной певческой культуры, несмотря на гонения, тем не менее, продолжалась в творчестве белорусских классиков А. Туренкова, Н. Анцева, композиторов зарубежья Н. Равенского, Н. Щеглова-Куликовича, непрофессиональных, сугубо церковных композиторов Н. Бутомо, Г. Пихуры. Происходило если не укрепление, то сохранение традиции, максимально закрытой для новых веяний, опирающейся на устоявшиеся каноны богослужебного пения. Возможно, ее укрепление происходит сейчас. Православная ветвь представлена наиболее полно в сочинениях композиторов старшего и среднего поколений: жанр духовного концерта (Л. Шлег, А. Бондаренко), Литургии и Всенощного бдения (О. Залетнев, О. Ходоско, С. Бельтюков, Л. Шлег), жанры молитвословия, тропаря, кондака, гимна (Л. Шлег, А. Бондаренко, М. Васючков).

Олег Иванович Ходоско (1964 г.р.) принадлежит к тем немногим представителям поколения пятидесятилетних, чья музыка на сегодняшний день в значительной мере востребована. Композитор закончил Белорусскую государственную консерваторию по классу проф. А.В. Богатырева в 1987 г., ассистентуру-стажировку – в 1989 г. Член Союза композиторов Беларуси с 1998 г. и автор музыки различных жанров. Для нашего исследования творчество О. Ходоско интересно, прежде всего, приоритетом хорового жанра, в котором присутствуют и фольклорная, и сакральная линии. Еще в консерваторские годы на народные тексты им были написаны вокальный цикл «Беларускі альбом» (1984) и кантата «Песні Белай Русі» (1987). Появившаяся в конце 90-х гг. кантата «Псальмы-калядкі» (также на основе народной поэзии) своеобразно продолжает фольклорную линию в соединении с сакральной тематикой. С последней отчасти связан Хоровой концерт памяти А. Шнитке. Но собственно началом сакрального направления в творчестве О. Ходоско можно считать 1-ю «Покаянную» симфонию с использованием хора и канонических текстов (1992). Появление же в 1993 г. Литургии Святого Иоанна Златоуста, а впоследствии Всенощного бдения (1997), совпало с примечательной ситуацией в национальном композиторском процессе. Именно 1993 – 1994 гг. стали периодом наибольшего интереса профессиональных белорусских композиторов к литургическим жанрам. Помимо Л. Шлег и А. Бондаренко (для которых сакральное направление в хоровой музыке является ведущим), крупные циклические жанры были созданы В. Копытько («Месса в честь

Святого Франциска Ассизского» и «Дабравешчанне ад Іаана»), А. Литвиновским (Missa ordinarium), С. Бельтюковым (Всенощное бдение), О. Залетневым (Литургия Святого Иоанна Златоуста).

Таким образом, первое серьезное обращение О. Ходоско к каноническому тексту в таком важнейшем чинопоследовании Православной Церкви как Божественная Литургия состоялось в рамках определенного музыкально-культурного движения. Хорошему знанию специфики и выразительных возможностей хорового пения способствовал опыт работы композитора в качестве артиста хора Государственной академической хоровой капеллы им. Г. Ширмы, в концертные программы которой входят как акапельные, так и вокально-симфонические произведения О. Ходоско (коллектив стал первым исполнителем Литургии и Всенощного бдения). К поиску стилевых моделей сакрального многоголосия композитора могли подтолкнуть многочисленные образцы русской духовной музыки от М. Березовского до С. Рахманинова, значительно расширившие репертуар хоров на всем постсоветском пространстве рубежа 80-х – 90-х гг. XX в. Немаловажную роль сыграл опыт пения автора в церковном хоре.

Хоровое многоголосное пение Православной церкви - это традиция трех с половиной столетий, в течение которых многоголосие сменило монодию и стало неотъемлемой стороной содержания литургии. Многоголосие сакрального типа связано с функциональным назначением церковного пения, положение и роль каждого песнопения зависят от богослужебного порядка. Устав, жанровая организация церковной службы требуют особого рода интонирования, которое в определенном балансе сочетает псалмодию (чтение), экфонетику (возглас) и собственно хоровое пение. Виды исполнения богослужебного пения проистекают один из другого и создают единое музыкальное целое.

Сущностное понимание многоголосия сакрального типа основано на важнейшем постулате церковно-певческой культуры: пение по своей природе является словом, неразрывно связанным с музыкальным элементом. Музыка уподобляется слову, речению, становится его носителем. И.А. Гарднер, говоря о богослужебном пении как одной из форм самого богослужения, отмечал: «Слово, окрашенное музыкальным элементом – звуком, сочетает логическую ясность и определенность высказываемого с выражением эмоциональной реакции на восприятие выраженных словом идей» [1].

Создавая концертное сочинение в литургическом жанре, О. Ходоско и в формальном, и в содержательном аспектах проявил известную долю творческой свободы. Секуляризация Литургии повлекла за собой значительные сокращения в последовательности больших и малых частей. По словам автора, с точки зрения композиции (11 номеров) ориентиром для него выступило одноименное сочинение П. Чайковского (12 номеров). Тем не менее, и в таком сокращенном варианте Литургии Чайковского представлены важнейшие части - «Верую», «Достойно есть», «Отче наш» и др. У О. Ходоско эти молитвословия отсутствуют, а после «Тебе поем» пропущена значительная часть песнопений вплоть до «Да исполнятся уста наша». Композитор вмешивается и в канонический текст отдельных номеров: сокращена «Великая

ектения» (№ 1), сделаны перестановки в Малой ектение (№ 2), сокращен текст антифонов «Благослови, душе моя» с допущением повторения фраз и политекстовости – пения группами хора разных строф. Партии хора отданы также те эпизоды, которые по Уставу не поются, а читаются («И духови Твоему» в № 5 «Трисвятое», «Благословен» в № 11 «Слава Отцу и Благочестивейшего»).

Ни в одной из частей композитор не использует мелодии оригинальных распевов и обиходный звукоряд. Вся музыка авторская, она полностью укладывается в рамки гармонической тональности. При анализе большинства номеров обнаруживаются репризные построения (как в частях 4 «Приидите, поклонимся», 5 «Трисвятое» и 7 «Херувимская»), скрепляющие композицию целого тематические «арки». Композитор заботится о тональном родстве при переходе их части в часть (преобладают родственные бемольные тональности, и только №№ 6-7 – h-moll и fis-moll – уводят в диезную сферу), нередко использует для модуляции тон «читка». Характерной для богослужебной практики ровности темпа и динамики противоречат часто применяемые темповые и динамические контрасты как внутри частей, так и между ними. В №№ 1, 3, 6, 11 используются несвойственные излишне подвижные темпы. Все это сообщает музыке эмоциональную открытость.

Авторское прочтение жанра Литургии проявилось и по отношению к сакральному многоголосию. Здесь мы, безусловно, имеем дело со свободным следованием прообразу: первичная модель многоголосия не одна, их несколько, и они значительно переосмыслены индивидуальной композиторской манерой. В решении звуковой вертикали цикла господствует мобильное переменное многоголосие – от одноголосия и унисона до семи-восьмиголосия с применением выразительности фактурного crescendo.

Для композитора погружение в сферу не ставит своей целью подчинение звуковой материи Уставу и канону Православной Церкви. Трактуя Литургию как концертный жанр, он, безусловно, стремится запечатлеть в звуках молитвенное состояние, заботится о чистоте и благозвучии вертикали. Феномен хорового многоголосия О. Ходоско заключается в своеобразном преломлении и «прорастании» многоголосных форм, связанных с различными уровнями и исторически сложившимися типами многоголосия из фоносферы сакрального. В композиции целого доминирует гармоническая модель обиходного пения из современной клиросной практики. Тем не менее, в ряде частей цикла контрастно представлен иной, полимелодийный тип фактуры в традиции Новой московской школы: здесь на первый план выступают интервальные соотношения голосов с разновременным вступлением тембровых групп хора (№№ 2, 3, 10). В первом разделе № 2 «Благослови, душе моя» (второй раздел – Малая ектения) постепенное развертывание многоголосия начинается с мужского унисона и через эпизод двух-трехголосия переходит к семиголосному звучанию смешанного хора. Присутствует в цикле еще один тип многоголосной фактуры – имитационно-полифонический. Подобные приемы изложения и развития, периодически возникающие в №№ 2, 6, 7, 8, наиболее последовательно представлены

в части 4 «Приидите, поклонимся» (эта часть вызывает устойчивые аналогии с партесно-концертным стилем русского Барокко).

Хоровое многоголосие современных белорусских авторов – его типологический смысл и генезис – безусловно, подтверждают решающую роль элементов фоносферы сакрального в организации композиторского процесса. Мы в очередной раз становимся свидетелями того, как в определенный период происходит актуализация хранящихся в долговременной музыкально-слуховой памяти историко-культурных прообразов. Обращение современных композиторов к литургической традиции является залогом художественной ценности и жизнеспособности создаваемых произведений.

1. *Гарднер И.* Богослужебное пение Русской православной церкви. Сущность. Система. История. – Кн. 1. – Сергиев Посад, 1988. – С. 59.
2. *Герасимова-Персидская Н.* Монодия как символ сакрального. // Музыкальная академия, 1999, № 4. - С. 159, 161.

Клестов Александр Анатольевич. Европейский интеллектуальный ренессанс XII в. и его актуальность в реформе современного высшего образования

Введение. О понятии «переходный период» в истории.

Следует перечислить изменения в современном общеевропейском сообществе: технологическая глобализация, видимым признаком которой выступает информатизация человечества; в науке на смену системному подходу и детерминизму птолемеистких миров пришла нелинейная мультипарадигматическая протяженность представлений о жизни; изменились ценностные ориентации человека, как следствие, - сменились ориентации в знании и образовании внутрицивилизации. Следует подчеркнуть, внутри христианской цивилизации, ибо мы считаем, что христианствона протяжении всей истории создавало и создает предпосылки видениятого, что называют теперь человечеством, вселенной, интеллектуальной и вечной жизнью и др. Наше время являетсяпереходным.Вообще XIX – нач. XXI,как IV-VI, XII- XIV века, это - известного рода перевал, переход в истории европейских народов. Ина первое место в пределах каждого периода выступаетнекое психологическое видение всеобщего, бесконечно протяженного уныния, поглощающегонашу жизнь. Однако,чувство уныния сдерживаетсознание божественного участия и радостью праведной жизни во имя спасения. В каждый из периодов интеллектуальная проблематика поэтому выстраивалась в целостность, где прошлое не является самим-по-себе, оторванным от настоящего и будущего. Нет, конечно, христианская история в фактах и идеях устремлена к своей цели - к будущему спасению, где Бог с человеком и через человека творит настоящую и предлагает всем нам будущую жизнь. Поэтому христианская история совершенно актуальна[187]. Христианская культура в эти периоды есть такая протяженность, в которой духовно - интеллектуальная составляющая жизни, вера и разум человека, знание и образование, как их мера выступают особенно обостренно, однако, как богочеловеческий процесс обогащения твари в Творце, где собственноетворчество человека – как хорошо сказал Л. П. Карсавин - заключается «в приобщении себя к Божеству. Человек становится причастен Богу, приемлет в себя Бога. Он не созидает ничего, ни одного из своих качествований, кроме себя самого, своей личности. Но это самосозидание человека столь же его самосозидание, сколь и творение его Богом и слияние с Богом в совершенное двуединство»[188]. В этом состоит сущность христианства, особенно

---

[187]*Ср. Егоров Д. Н. «Всеобщая история. Курс, читанный в Московском Коммерческом институте в 1911-1912 гг.»,Часть I,* М, 1912, С. 5: *«Все вы знаете, что при аргументации, приведении доказательств, весьма обычна апелляция к истории – она постоянно является сокровищницей примеров и доказательств. Такое обращение за доводами к истории вполне понятно, так как только бывшее и есть единственно реальное, действительно нам данное. Что будет, мы все-таки не знаем; для того, что происходит сейчас, у нас нет достаточного кругозора, чтобы охватить его, но то, что было, то действительно есть у нас. Поэтому совершенно естественно указание, что мысль наша и наши суждения глубоко историчны, когда касаются настоящего, прошлого и будущего».*

[188]*Карсавин Л. П. «Философия истории»*, Изд-во «Обелиск», Берлин, 1923, С. 358.

отчетливо видимая в переходные эпохи. И это мы подчеркиваем, как главную характерную особенность современной эпохи.

Когда мы просматриваем текущую литературу по реформе современной высшей школы в единой восточной и западной Европе, в особенности, в восточноевропейских странах, то видим довольно однообразную картину утилитарных подходову многих постсоветских авторов и то, как мало они обращаются к христианской истории.Многие ученые России и Белоруссиивыделяют областьобщегуманитарныхприоритетов для систем образования.Общимвыступают общечеловеческие ценности, права и свободы человека, национальные традиции и культура, качество и системный подход в обучении. Некоторые авторы видят особенность западной школы в ее стремлении к конкурентоспособности. Российскиеже приоритеты видятся в национальной идентичности и в восстановлении статуса России как великой державы в образовании, либо уж вообще строятся абстрактные модели.Например, один автор, после кратких отсылок к «идеям» университетского образования у Канта, Гумбольта и Ясперса говорит: «Образовательный институт сегодня способен быть культурной опорой локальных общин и глобальной корпорации, может обслуживать чисто экономическую конъюнктуру или формировать духовную плаценту общества, его познавательное отношение способно иметь в виду только технической подспорье жизни или быть настроено к радикальному поиску истины» далее, «образовательный институт» в виде российского университета с его«традициями, ценностями и опытом», является «культурным ядром жизни общества…<и он же>… удерживает человеческое начало»189. Другойбелорусский ученый,кажется, путает церковь с общественным движением по интересам, когдазаявляет таким образом: «При решении проблем государственного строительства Соборная церковь должна взять на себя ту официальную функцию, к которой она устремлена постоянно – воспитание у всех граждан нравственных начал, которые воспринимают служение отечеству, как естественное и необходимое качество»[190]. Справедливости ради, нельзя не заметить и изменений в оценках: среди схеми общих пожеланий неожиданно встречаешь высказывание о необходимости«перехода к аксиологическому образованию, базирующемуся на универсальныхценностях, которые опираются на категории абсолютного добра»[191].

XIX – XX века, как никакое другое переходное время, были необычайно суровыми. Войны, революции, мятежи, повторяющиеся с периодичностью в несколько лет во всех уголках Европы; наконец, мировые военные катаклизмы в начале XX в. уничтожают четыре империи: английскую, австро-венгерскую, оттоманскую и российскую. Это был конец сложившихся за пятьсот лет цивилизационных образований, приведший к усилению миграционных потоков с востока Азии и варваризации современной Европы. Внешний мир знанийсовременного постсоветского человека

---

[189]*Карпов А. О. «Университет – от модерна к постмодерну»* // в: Общественные науки и современность, №4, М., 2014, С. 139 -140.

[190]*Демчук М. И.Высшая школа в стратегии инновационного развития Республики Беларусь.* Минск, 2006.

[191]*«Образование в современном мире: достижения и проблемы»,* Коллективная монография. Москва-Пятигорск, 2009, С. 95.

становится вогнутым в себя впараноидальных устремлениях отыскать себя в себе подобном, в фантазмах и фантомахидеологии, софиологии, синергии и ином, бог знает в чем; хотя, ведь,речь идет, по-существу, толькообэклектичном знании, как информации и о разуме,не знающем веры.Постсоветскому ученомуприходится изобретать- цитируем автора - «особое онтологическое пространство и познавательную культуру современного образования … в кластерно-сетевых моделях образования»[192]. Действительно, не хотят«поднять глаза на высоту небес и посмотреть, кто сотворил их»[193]. Но, безусловнофактическая черта эпохи перехода XIX – XXI вв. в истории христианской цивилизации выстраивается на той мученической жизни, какая выпала на долю христиан и прежде всего, избранных из них пострадать за Христа ввысшем проявлении христианской доблести. История со времен первых веков не знает такого количества просиявших святых. Вера мучеников XX века фактическиобновляет духовныегоризонты, делает жизнь разумно осмысленной и нравственно оправданной, какразум XX века, породивший научно-техническую революцию, сделал возможнымпонимание единствачеловечества. Но, подчеркнем, нигде чудо верымучеников Христовых не явлено с такой силой, как в православной церкви вРоссийской империи.

Теперь, мы обращаемсяк древнему пониманиюединства веры и разума – кисточнику,к какому стремитсяуниверситетское образование.

1. Интеллектуальный ренессанс XII века

Понятие «интеллектуальный ренессансXII века» принадлежит Ч. Г. Гастингсу194. В последующем оно было принято многими выдающимися учеными195. Следует сказать об ином понимании этого периода, выраженном В. И. Герье и С. А. Котляревским. Эти ученые назвали время деятельности от Бернарда Клервоского до Катерины Сиенской, как «идеальный период» в Средневековьи, анализируядуховно-религиозный характер деяний свв. Бернарда, Франциска, Доминика, Катерины, развитие нищенствующих орденов и делахавиньонских пап196. По существу два подхода описывают одно событие: взлет духовности и образования в протяженности XII века и выражают одну августинианскую проблему, бывшую актуальной в Средневековьи, это - связи веры и разума в познании Божьего мира.

---

[192]*Карпов А. О.* … С. 140.

[193] Ср. Ис. 40,26.

[194]CharlesHenryHaskins. *Renaissance of the Twelth century* by Ch. H. Haskins. Cambridge, 1928.

[195]См. напр., известныйтруд: *Renaissance and Renewal in the Twelth Century,* edited by Robert L. Benson and Giles Constable with Carol D. Lanham. Harv.Univ. Press. Cambridge-Massachusetts, 1982. Понятиеширокоиспользуетсяизвестнымиучеными: Jacques Le Goff. *Les Intellectuels au Moyen Age.* Edit du Seul. Paris,1985; Jacques Pual . *Histoire intellectuelle de l'Occident médiéval* . Armand Colin, 1998 ; Claudio Leonardi. *Medioevo Latino. La cultura dell'Europa cristiana.* Sismel, ediz. DelGalluzzo, Firenze, 2004.

[196] Библиографию и обзор *идеального периодаXII- XIV вв. по Герье и Котляревскому* см. А. А. Клестов. *В. И. Герье и С. А. Котляревский: идея Божьего града в Средневековой Европе* // в: жур. «Церковьивремя», №2 (63), М., 2013, С. 111- 146.

Интеллектуальным ренессансом считается временная протяженность,ведущая отсчет от деятельности двух Ансельмов: св. Ансельма Кентерберийского (+1109) и магистра Ансельма из Лаона (+1117). У первого в наиболее яркой форме выразилась отмеченная августинианская проблематика веры и разума, например, в таких словах: «Не пытаюсь я, Господи, проникнуть в высоты Твои, потому что ни в коем случае не равняю Их с разумом моим, но я хотел бы как-то понять истину Твою, потому что верит и любит сердце мое. И еще я, ведь, не ищу разумения, чтобы поверить, но верую, чтобы понять и я верую, что если не поверю, то и не пойму»197. Другой Ансельм из Лаона на севере Франции, магистр и преподаватель грамматики и богословия в епископальной школе, задался целью и составил глоссарий Библии. Он ввел общую экзегезу библейских текстов и их понимание через саму Библию. Тем самым он возвел толкование библейского текста к библейскому тексту. Он очистил экзегезу от разночтений. «Эти глоссы – отмечает Ги де Лобришон – производят глубокое обновление экзегезы в школах…они возрождают интерес к Евангелиям… этот чисто технический инструмент производит неслыханное действие – вытесняет тысячи несуразностей толкования»[198]. С того времени Библия выходит из монастырского шкафа на рыночную площадь и в школу, соприкасаясь с иными знаниями,ищет место в интеллектуальной среде времени. И она же ставит проблему правоверия христиани теологического образования.

Завершением периода интеллектуального ренессанса принято считать время создания первых университетов в начале XIII века. Для Парижа, о котором у нас идет речь это -1200 г., когдаявилось упоминание об universitasstudiorumetmagistrorumparisiensisи 30-40 гг., когда начали преподавать теологию профессора из францисканцев и доминиканцев.

Между этих двух точек образовалось тогда пространство в сто лет, из которого и вышла новая духовность и образование. Во Франции в ее центре Париже, не забывшем еще своего древнего имени Лютеция, явились благоприятные условия для наук и искусств. Ведь, эта провинция не принимала участия в стычках императоров и пап. И поток небогатых мирян из благородных и клириков без места, не лишенных, однако, талантов и жаждущих славы, двинулся сюда за знаниями и духовными подвигами. Здесь мы обнаруживаем знаменитую епископальнуюшколу магистра Петра Абеляра(+1142). Он одним из первых вводит в школьный курс, кроме грамматики и диалектики, библейскую экзегезу и разрабатывает приемы концептуальной логики, видим епископальную школу в Шартре, основанную каноником Ивом (+1108). Здесь исповедовали «христианский платонизм», комментировали «Теэтет» Платона в передаче Халкидия и изучали Боэция. В школе прославился Гильберт еп. Пуатье (+1154), выдающийся комментатор Философа. Нужно, кажется, назвать и новое цистерцианское направление, так называемую, «школу любви» бургунца Бернарда Клервоского (+1153), оказавшую огромное моральное воздействие на весь XII век. Но особенное внимание мы

---

[197] PL CLVIII, *Proslogion,* I, p.227C.

[198] Цит., по А. А. Клестов *«Святой Бернард и его время»* // в: Бернард Клервоский *«Трактаты»,* СПб, 2009, С. 263.

обращаем на епископальную школу при аббатстве Сен-Виктор под Парижем. Школу основал при храме Нотр-Дам в Париже каноник Гильом из Шампо (+1121). Школа оказалась в очень выгодном положении: с одной стороны, она принадлежала аббатству регулярных каноников и была по сути своей монастырской, с другой, - имела право обучения всех желающих и не только клириков. Положение подтверждалось и королевскими привилегиями. В последствие ее программы и курсы по философии легли в основу факультета искусств Парижского университета. Но особую славу и величие школе принес магистр Гуго (+1141). Этот - alterAugustinusзаложил основу викторинской богословско-философской традиции, просуществовавшей до времен Великой французской революции, когда толпа революционеров разгромила в Латинском квартале колокольню св. Виктора и аббатство. Но и до сих пор магистра Гуго называют Учителем Европы, а его «Дидаскаликон» является лучшим свидетельством эпохи интеллектуального ренессанса. Разумеется, тема веры и разума в этом энциклопедическом труде занимаетцентральное место. Нам следует конкретнее остановиться на ней в передаче великого викторинца.

2. Единство веры и разума в структуре теоретического знания

Оставим в стороне предысторию движения темы веры и разума - от сенатора Кассиодора, до Беренгария Тарского, Ланфранка из Павии, затем к Ансельму Кентерберийскому, всю риторику греческих фраз, треножники, Аполлона, иные образы Античности, не будем касаться глубокомысленных реминисценций из Боэция. Во всем этом сказывалась распространенная тогда манера речи, какой не чуждался великий викторинец. Что важно? Гуго развивает августинианское направление, какое мы находим, и уАнсельма, Бернарда, однако, иначе - как новую структуру теоретического знания. За описанием необходимых процедур для обучения наукам тривиума и квадривиума, за учительской, кажущейся простоватой речью викторинца, мы наблюдаем в«Дидаскаликоне» развитие целей совершенно необычайных – мы видим попытку преодолеть противоречие ивосстановить в новом тривиуме и квадривиуме научного знания гармонию веры и разума,как некое утраченное равновесие, необходимое для восстановления природы человека; мы видим в Гуго гармонизированного Августина, в котором, однако, главная посылкаречи покоится на аналогии, вычитанной из св. Дионисия Ареопагита: «Прежде, чем говорить о совершенствах невидимого духовного мира, нужно научиться понимать совершенство видимого мира»[199].

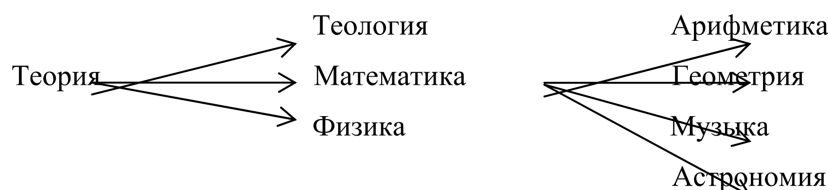
Мы читаем «Мудрость является первой из всего, к чему необходимо стремиться», она есть «средоточие веры и разума в душе Христовой, Которая была, как человек», она была прекрасной и гармоничной и из нее «рождается умозрение и познание истины, а также святость и чистое целомудрие действий»200. В нисходящем движении Высшая мудрость, через посредство трех жизненных сил соединяет в едином движении Творца и тварь. Силовая деятельность реализуется в четвероякости жизни человека. Гуго выделяет четыре интеллектуально-практических

---

[199]PLCLXXV, *ExpositioinHierarch., coelest., S. Dionisii,*I, I, pp. 925D-926A.

[200]*Дидаск. I, I, 1-2.* Здесь и далее цит., по Гуго Сен-Викторский. *«Дидаскаликон. Об искусстве обучения», пер. с лат яз. А. А. Клестова //*в:«Церковь и время. Научно - богословский и церковно-общественный журнал» №3, (60), 2013.

протяженности:теория, практика, механика и логика. Знание всегда имеет целеполагание и цель эта носит двойной характер: когда «сила разумной души» познает природу и когда она исполняет то, что «достойно нашего нравственного назначения»[201]. Цели способствует выявлению структуры теоретического знания. Гуго составляет тривиум: это – теология, знание о божественном универсуме и боэцианско-аристотелевская математика и физика. К ним присоединяется квадривиум наук Боэция:

В чем состоит гармоничность отношений веры и разума, и каким образом Гуго пытается преодолетьпротиворечие между ними? Августинианский характер построений викторинца основывается на последовательном нисхождении знания от высшего к низшему, где тривиум есть знание, по которому мы изучаем «в достоверных суждениях реальность, какая не может быть иной, чем она есть»[202]. Знание открывается в теологии, как объект созерцания (contemplatio), утверждается в математике, как образ восприятия (comprehensio), находит в физике подтверждение, как мысль в размышлении (meditatio). Это - знание, где разум покоится на вере в объект созерцания, на образеи на мыслио том, что есть нéчто, что, будучи абсолютно достоверным, явлено не вполне. Сущностью тривиума является просвещение верой или просветление разума, где дается возможность опознать объект, установить его образ, а в мысли выявить его подобие икачественноесоответствие иному объекту как«субстанции веры и материи познания»[203]. Присутствует статический момент, который можно назвать интуитивным восприятием и открывается мир, где теология выступает знанием о невидимом умозрительном, что устанавливается «из углубленного размышления о Боге и не телесного характера души»204, математика - «об умопостигаемом, видимом количестве невидимой материи,… когда мы различаем материю или другие акциденции, чтобы исследовать по одному основанию, как счисляемое, так и несчисляемое»[205], физика –о «невидимых свойствах и качествах видимой материи …<как>…исследование причин вещей в действии и действие вещей через причину»206, из которых главной является склонность или любовь (affectio,dilectio).Отсюда, исследование в науках тривиума внутренне не противоречиво и открывает божественный мир во всем многообразии. Человек (homo exterior) движется, исполняя слова мыслителя: веруй, чтобы

---

[201]*Там же… I., I., 3.*
[202]*Там же … I, II, I.*
[203]Cf. PLCLVI*Desacramentisfideichristianae,* I, X, III, p. 331.
[204]*Дидаск. I, II, 3.*
[205]*Там же ... I, II, 4.*
[206]*Там же…I, II, 17.*

разуметь. Что касается квадривиума, то известно, что человеческой душе врождена сила или воля, нацеленная на то, чтобы исследовать, что не дано. Для квадривиума, это - свободный выбор,который реализуется в согласии с божественной истиной в опыте, где познание осуществляется«не в самой действительности», а в пространстве тождественной связи действительности с разумом человека, то есть, «как если бы разум предположил, что она [действительность] есть»[207]. В науках квадривиума не столько познается мир, как объект, сколько человек познает себя, как субъект этого мира. Познание осуществляется «от умопостигаемого к рассудочному…посредством видимого образа… и явив разделение, собирается в простом источнике своей природы»[208]. Внутренний человек (homo interior) опирается на разум (intellectus),рассудок (ratio),воображение (immaginatio) и чувство (sensus). Действительно, арифметика связана с умопостигаемым, определенном одним или множеством символов; геометрия придает рациональную форму и вид предметам, какие не являются таковыми; музыка основывается на чувственном восприятии и связана с упорядочением звуковых множеств в соответствии с природой человека; астрономия же апеллирует к воображению, как чистой абстракции и есть «наука о подвижной величине»[209]. Человек познающий идет от видимого к невидимому, как бы исполняя слова Августина, разумей, чтобы поверить.

Теоретическое знание выстраивается викторинцем в единстве, где в центре выступает человек, устремленный к Мудрости, Образом которой является Христос. Теоретическое знание двуедино. В науках тривиума человек познает богооткровенный мир, основываясь на вере. Достоверность знания есть свидетельство присутствия в нас божественного духа и то творческое вдохновение, какое приподнимает нас и приближает к Богу. В науках квадривиума человек движется в протяженности опыта. Знание служит познанию собственной нашей природы и тому, что является нашей нравственной необходимостью. И если созерцание в теологии, образное восприятие в математике и мысль в физике составляют pars intellectualis vitae, то разум, рассудок, воображение и чувство в познании собственной природы ведут нас demundi visibilibus ad visibilia nostri, помогая с необходимостью исполнять то, что достойно нашей природы. Гуго, пожалуй, только разъясняет известные слова Августина: «Господи, Ты всегда тот же, могу ли я познать, кто-я и Кто-Ты?»[210]. В этом весь смысл гармонической структуры теоретического знания, предложенной великим викторинцем. Но чтобы речь наша не казалась отвлеченной и слишком ученой, проиллюстрируемединство теоретической деятельности человека блестящей аллегорией из «Комментарии на Экклезиаста»,ставшей христоматийной. Здесьвсе начинается с внутреннего созерцания.Оно вещественно в сердечной деятельности, а потомвдруг сияет идеальным огнемдуши устремленнойк Богу и наконец,открывается в блаженстве познания.«Огонь, положенный под дрова, сначала еле теплится - говорит Гуго - но если мы его раздуем, и только начнет он с живостью обволакивать сыроватые поленья, мы видим, как начинает подыматься

---

[207] *Там же …I, II, 18.*
[208] *Там же …I, II, 6.*
[209] *Тамже …I, II, 7.*
[210] PL XXXII, *Soliloquium,* Lib. II, 1, p. 885.

густой дым, который обхватывает разгорающееся пламя. Постепенно огонь распространяется, дым исчезает и рассеивается, и мы наблюдаем сверкающее пламя. Вот, потрескивая, победный огонь взвивается языками, свободный – он захватывает дрова, господствует над ними, сжимает их в мягких объятиях, пронимает в них и, лаская, пожирает и не останавливается, пока не захватит даже самые крайние части костра, пока не поглотит все, что вне его. И, когда все, что есть, охвачено пламенем, потеряло свой прежний вид и приняло подобие и образ огня, тогда треск пламени прекращается, потому что нечему уж больше возгораться, и языки пламени вздымаются в воздух. Этот огонь, страшный и пожирающий, действующий по своим законам или лучше, ласково преобразующий все по своему образу и подобию, становится мирным и тихим, потому что нет больше ничего, куда ему нужно стремиться и ничего уже не противодействует ему…

Сырые дрова, это - наше плотское сердце еще полное соков желания. Но вдруг, достигает его Божья искра, страх или любовь и бросаются мерзкие желания, и поднимается дым кричащих страстей. Но сердце укрепляется и пламя любви начинает отбрасывать свои горячие лучи и сверкать с большей силой. Тучи страстей исчезают и очищенная душа идет весело сражаться за созерцание истины. Наконец, как только прилежное сердце проникает в созерцание истины, как только возвысится оно со всей силой своих устремлений к самой вершине высшей истины, обнимая все своим мягким пламенем и само сверкая любовью,- оно замирает в блаженстве, вне волнений и шума… Тогда мы поистине понимаем, что Бог есть Все во всех вещах, ибо сердце наше с такой радостью пускает Его в свои самые интимные уголки, что там уже больше ничего не остается, что не было бы занято Им»[211].

Заключение. Так в чем же актуальность?

Выше мы указали, что XX век был уникальным по своей христианской составляющей. Это быловремя взлета научно-технического мышления, век бесчисленных мучеников за веру Христову,конец мировоззренческого атеизма, хотя рецидивы последнего продолжают житьв разной форме и по сегодняшний день. Но их время, кажется, безвозвратно уходит. Как сказалпатриарх Кирилл: «Атеистическая модель развития народов потерпела крах вместе с идеологиями XX века. История этого столетия показала, что удалить религию из общества – значит, удалить и мораль, и удалить сердце. Если общество, в котором обычное большинство составляют верующие люди, почему-то объявляется тотально «светским», если религию пытаются загнать в гетто, отделив от социальных процессов, то повторяют попытку государств с господствующей атеистической идеологией. Вот почему опрометчивыми, даже нереалистическими в сегодняшнем мире выглядят аналогичные попытки. Они провалятся так же, как провалился грандиозный проект государственного атеизма»[212]. В сужденииПредстоятелем Русской Православной церквисодержится главное условие жизни в Европе – невозможность

---

[211] PL CLXXV,*In Ecclesianten Homilia,* I, . pp. 117B-118A

[212] Патриарх Московский и вся Руси Кирилл *«Сохранить свободу от греха» (выступление Предстоятеля Русской Православной Церкви на IV Съезде лидеров мировых религий, Астана, 30 мая 2012 г.)* // в: Церковь и время… №3(60), М., 2012, С. 8.

такого положения, чтобы в христианскомпроцветающемгосударстве, церковь была бы ограничена рамками в участии в жизни христианского общества, в жизни нравственной,интеллектуальной и общественной.Пример интеллектуального ренессанса и учительская деятельность великого Гуго показывают иделаютактуальной ту мысль, что вера и разум человека, нравственная, интеллектуальная жизнь, гражданское процветание, вещи неразрывно связанные в своем движении и являются достоянием христианской цивилизации в Европе.Действительно, если разная жизнь свидетельствует о такой внутренней протяженности, как интеллектуальность, если разум требуетдостоверного знания истины, если вера ищет авторитета в безусловно истинном знании, то, как могут они не быть в единстве? Как можно разъединять их в образовательном процессе? Мы только попытались показатьна примере построения теоретического знания у магистра Гуго в его «Дидаскаликоне» одну возможность такого единства,но можно было взять и другие, хотя и менее яркие, примеры. Вера является таким действием, с помощью которого разум человека, предвкушая не очевидноееще знание, стремится к нему, потому что разумвсегда стремиться к достоверности и истине. Где истинная Жизнь - там и обретаетсявера и разум,и все, что имеет покров[213], то и есть поводдля studiolegendi. Такой итог учения Гуго, к которому стоит прислушаться в стремлении к реформе высшей школы.

Но нужно сделать также и одну существенную оговорку. Мы велиречь, имея ввидуокраину христианской ойкумены(хотя в центре славянского мира). Ведь, только в середине XIII века (1252г.) в Новогрудке крестится (в католичество) первый христианский король Великой Литвы Миндай (Mindowe).«[Інацэнт, біскуп, слуга слугаў Божых, вялебнаму брату Гайдэнрыку], Кульмскаму біскупу,[збаўленьне і апостольскае блаславеньне] – свидетельствуют документы – Сэрца нашае напоўнілася вялікаю радасьцю, бо дабрыня Бога і Адкупіцеля нашага Езуса Хрыста зьявіла свае аблічча сыну нашаму найяснейшаму каралю Лютовіі Міндовіну…даручаем табе, заклікаўшы некаторых прэлятаў Касьцелу і духовых асобаў,нашаю ўладаю каранавац памяненого М (індована) на караля ўсяе Літовіі і ўсіх земляў, якія ен з дапамагаю моцы Божае ўжо вырваў ці вырве ў будучыні з рук няверных»[214]. И мы отмечаеместественное историческое различие в условиях цивилизационного состояния тогдашних обществ. Славянский мир в XII-XIII вв. начинал движение к высотам христианского знания.Такое различиекак исторический факт никак не отменяется, но оно служит важным свидетельством исторических условий.Здесь важно иное высказывание Предстоятеля Русской Православной церкви:«подлинно европейский путь предполагает не подражание чужому, но осознание собственных европейских корней и возвращение к ним с учетом конкретных культурных и исторических условий»[215]. И если иметь

---

[213] Ср., Ис. 4, 5.

[214] *Mindowe, resLithowiaeinlitterisettestimoniis (Міндаў, кароль Літовіі у дакументах і сьведчаньнях), adedend.,praep. Alieś Žlutka,*Miensci, MMV, p. 56.

[215] Патриарх Московский и вся Руси Кирилл *«Избежать духовной катастрофы» (выступление Предстоятеля Русской Православной Церкви в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. 28 сентября 2013 г. Москва) //* в: Церковь и время… №2(63), М., 2013, С. 11.

ввиду образование, то надо помнить, что интеллектуальный ренессанс, завершился университетом, которого славянский мир не знал, который из той классической формы корпорации с течением времени переродился в то, с чего начиналась высшая школа у славян в XVII-XVIII вв. И теперь, когда мы говорим, например, о Болонской инициативе, то для славянских стран, в том числе и для Белоруссии, важным и необходимым, как представляется, будет опыт в построение структуры знания, основанной на непреходящих ценностях жизни –знания, основанного на вере и разуме, о чем мы так настойчиво говорили.Но мыхотели быне упускать иное современное различие – неестественное идеологическое насилиемнад верой и разумом человекав Европе в XX веке. Современномуевропейцу, гражданину Белоруссии и ученому, опыт ренессанса XII в. полезен врасстановке приоритетов реформы высшего образования. В этом мы видим актуальность иданного историко-философского исследования.

Яўген Вертэль. Будучыня Беларусі і руская мова.

Когда народы, распри позабыв,

в великую семью соединятся …

А. Пушкин, 1834 г.

У каторы раз перачытваю радкі рускага генія і думаю: як разумна зрабіў паэт.. Ён нават прыблізна не сказаў, калі наступіць такі час і на якой мове будуць размаўляць у гэтай сям'і.

Можна смела мяркаваць, что не на удмурдскай, вепскай і нават не на беларускай. І не на эсперанта.

Прайшло амаль два стагоддзі, для людзей гэтага часу здалося мала. Хай футуролагі займаюцца далекімі прагнозамі.

А вось лёс беларускай мовы ў бліжэйшыя дзесяцігоддзі, на мой погляд, больш цікавае і актуальнае пытанне..

Не трэба быць вялікім пракорам ці астролагам, каб з вялікай верагоднасцю адзначыць: мы жывем у хутка змяняючымся сьвеце. Не абойдуць працэсы глабалізацыі і Беларусь. Яна ўсе больш будзе залежаць ад міравых працэсаў.

У недалёкай будучыні нашу родную Беларусь чакаюць вялікія перамены. У першую чаргу, верагодна, зьменіцца палітычная сістэма. Не так істотна, калі гэта здарыцца. Годам раней, ці двума гадамі пазней… На месцы прэзідэнтскай рэспублікі, дзе, на аснове дзеючай Канстытуцыі, кіраўнік дзяржавы мае амаль што царскія поўнамоцтвы, хутчэй усяго будзе створана больш дэмакратычная структура, з разделам улады, болей характэрная для сучаснасці.

Адно з пытанняў, на якое прыдзецца адказваць новым уладным колам: на базе якой мовы будаваць адукацыю, гаспадарку, сродкі масавай інфармацыі.

Для рэспублікі гэта актуальнае пытанне, таму што рэальна сёння існуюць дзьве дзяржаўныя мовы. Якія і сёння не знаходзяцца ў раўнавазе, а заўтра тым болей. Цяжкасці і важнасць гэтай праблемы добра відаць на прыкладзе нашых суседзяу і амаль што братоу – на Украіне.

Тут магчымы два кірункі.

Першы шлях, я яго называю ізраільскім, звязаны з падтрымкай і адраджэннем беларускай мовы.

Калі Ізраіль адрадзіў старажытны іўрыт (Бен-Йегуда), з мертвай, кніжнай мовы стварыў жывую, то чаму не пайці гэтым шляхам беларусам? У гэтым варыянце ёсць вялікі пазітыўны момант. Адраджэнне мовы ва ўсіх галінах жыцця магло б стаць нацыянальнай ідэяй, здольнай згуртаваць большасць нацыі.

Другі шлях я называю ірландскім. Ірландцы ў сваей большасці добраахвотна перайшлі на англійскую мову ў галіне адукацыі, літаратуры, эканамічнай дзейнасці.

Інтэрнэт інфармуе, што:

По офіціальным данным ирландского правительства (2004), в Ирландской Республике насчитывается 4,24 миллиона жителей, из них 1 570 894 человека, владеющих ирландским языком. Однако только 339 541 использует ирландский язык в повседневном общении, 155 039 прибегают к нему раз в неделю, 585 300 — реже, 459 657 — практически никогда, а 31 357 не ответили на вопрос о частоте использования языка. Профессиональные лингвисты ставят эти данные под сомнение. Многие оценивают число носителей, использующих язык в повседневном общении, всего в 65 000 человек.

Спробы аднавіць ірландскую мову не сустракаюць вялікай падтрымкі насельніцтва.

На маю думку, ірландскі шлях разьвіцця з'яўляецца лепшым для нашай дзяржавы і беларускага народа. Ніжэй я спрабую разгледзіць некаторыя фактары, якія дазваляюць абгрунтаваць такі вывад.

У Беларусі з амаль што 10 мільённага насельніцтва этнічнымі рускімі лічаць сябе толькі 15 працэнтаў жыхароу. Аднак болей чым 80 працэнтаў грамадзян краіны практычна ва ўсіх галінах жыцця выкарыстоўваюць рускую мову.

Даволі сказать, что Прэзідэнт віншуе грамадзян Беларусі з Новым годам на рускай мове. Гэта шмат пра што гаворыць.

Вядома, што галоўная функцыя мовы – забяспечыць камунікацыю, перанос інфармацыі ад аднаго носьбіта мовы да другога. Акрамя таго, мова памагае правесці ідэнтыфікацыю, дае адказ на пытанне «свой–чужы».

Я, напрыклад, чалавека, які разумее словы «бульба» і «хмызняк» успрымаю, як человека блізкай мне культуры. А калі ён ведае:

Мой родны кут, як ты мне мілы!..

Забыць цябе не маю сілы!..

і чытаў «Паэму пра зубра» Міколы Гусоўскага, дык гэта амаль што сваяк. Але ж функцыя камунікацыі зьяуляецца больш важнай. І аказвае большы ўплыў на эканоміку. Блізасць рускай і беларускай моў аблягчае вывучэнне рускай мовы для беларуса, але ж мае і адваротны бок. Рэч ідзе аб інтэрферэнцыі моваў.

Напрыклад, немец ці японец кепска гаворацць на рускай мове. Беларус – для носьбіта рускай мовы – часта гаворыць на дрэннай рускай мове, час ад часу ўстауляе БУРАК, БРУКІ ці ЛАЖЫЦЬ. Гэта робіць вельмі дрэннае ўражанне на слухача. Кажуць, што брыгада, якае КЛАДЕТ плітку, атрымлівае болей, чым тыя, што ЛОЖАТ кафель.

Цяжка ўявіць, што будаўнікі новай АЭС у Беларусі будуць выкарыстоўваць рускую мову для працы з тэхнічнымі дакументамі і кантактаў з рускімі спецыялістамі, а дома весці размовы з жонкай і дзеткамі на бездакорнай беларускай.

Русская эліта, калі не ўсе, дык праз аднаго, адпраўляе сваіх дзетак на вучобу ў Лондан, нават не ў Парыж. З чаго б гэта? Адказ просты. Многія з навук, усякія там квантавыя механікі, законы Ома і Кірхгофа магчыма, пры наяўнасці здольнасцяў, асвоіць і на Радзіме. Але толькі з Лондана можна прывезці дасканалую англійскую мову. І гэта застанецца на ўсё жыцце.

Беларускую літаратуру можна вывучыць за пару месяцаў пленнай працы. Ад Тараса на Парнасе і Энеіды Навыварат да Ніла Гілевіча, Генадзя Бураўкіна і Рыгора Барадуліна.

Ніхто не будзе спрачацца, што Цішка Гартны і Змітрок Бядуля – таленавітыя пісьменнікі, але гэта не больш чым чэмпіёны вескі побач з алімпійскімі пераможцамі.

Эмігранты, якія пападаюць у Еуропу ці Амерыку спачатку адкідаюць рэгіянальную мову, а потым і рускую. Амаль усе патомкі Пушкіна на рускай мове не размауляюць

Рэальна існуюць дзве пагрозы, дзве небяспекі.

Калі спрабаваць будаваць жыццё галоўным чынам на базе беларускай мовы, то існуе пагроза стаць рэзервацыяй, дзе штучна падтрымліваецца беларуская мова і вельмі цяжка ідзе камунікацыя з акружаючым светам.

Існуе, на мой погляд, некая крытычная маса культурных і навуковых заваёў на канкрэтнай мове, якой дастаткова для існавання гэтай мовы і этнаса. Ці ёсць такая скарбніца на беларускай мове? Пытанне, на мой погляд, адкрытае.

Вядома, што на Зямлі існуе некалькі тысяч моў. Па некаторых выліках прыкладна шэсць тысяч. І што важна. Гэта число ў сучасны час змяньшаецца з высокай хуткасцю.

Другая пагроза.

Поўны пераход на рускую мову і страта нават успамінау пра сваю самабытную культуру.

Я мяркую, что беларускі народ только выйграе і атрымае канкурэнтныя перавагі, калі для камунікацыі будзе выкарыстоўваць рускую, а, пасля, магчыма, і англійскую мову. А беларуская мова застанецца важным, але дапаможным інструментам для ідэнтыфікацыі людзей і знаёмства са сваёй гісторыяй і культурай продкаў.

Рускі паэт Наум Каржавін пісау:

Мы сегодня поем тебе славу,

И поем ее неспроста,

Основатель великой державы

Князь московский Иван Калита.

Был ты ликом довольно противен,

Сердцем подл, но не в этом суть.

Исторически прогрессивен

Оказался твой жизненный путь…

Так і у нас. Тяжка плыць насупраць плыні. Было б добра рухаць разам з пераможцамі, у гістарычна правільным напрамку.

Магчыма добрым узорам можа паслужыць Аўстрыя, якая мае ўсе выгоды ад таго, што карыстаецца нямецкай мовай, але мае поўную незалежнасць.

Хачу закончыць нарыс паэтычным вобразам. Можна жыць у хаце з падслепаватымі вакенцамі, зацягнутымі бычым пузыром. І ганарыцца тым, што мы жывем , як нашы бацькі і продкі.

Але лягчэй і вясялей жыць у добрай кватэры з шырокімі шыбамі з празрыстага шкла. Колькі сонечнага святла даходзіць да жыхароў! І колькі інфармацыі даносіць да людзей руская ці англійская мова!

Дарэчы сказаць: больш чым 50% інфармацыі у Інтэрнэце – на англійскай мове.

І зусім мала – на беларускай.

Я маю надзею, што памяркоўны беларускі народ і яго навуковая і палітычная эліты знойдуць разумную раўнавагу. І абыйдуцца без кулачных боек, якія мы назіраем па гэтаму пытанню ў Дзяржаунай Радзе Украіны.

Юрий Тарасов. Вспомогательная полиция в Белоруссии в 1941-1944 гг.

Новогрудский полицейский эскадрон и другие формирования.

28 июня 1941 года германской армией был занят город Минск и, вскоре, вся территория Белоруссии оказалась под немецкой оккупацией.

Первые подразделения местной полиции и самообороны начали создаваться уже в конце июня начале июля 1941 г.

Как правило, инициатива создания таких подразделений исходила от соответствующих органов Вермахта, заинтересованных в увеличении охранных войск в тыловом районе группы армий Центр. В результате, к осени 1941 г., на территории Белоруссии было создано несколько десятков подразделений получивших название «Службы порядка» (Ordnungsdienst). Это были пехотные или кавалерийские отряды, командирами которых назначались советские офицеры, освобожденные для этой цели из лагерей военнопленных. Численность каждого такого формирования колебалась в пределах 100-150 человек.

1 сентября был образован генеральный округ Белоруссия. Площадь округа составляла ¼ часть бывшей БССР и равнялась 53660 км кв. Генеральный округ Белоруссия являлся составной частью рейхскомиссариата Остланд. 1 сентября на большей части Белоруссии была упразднена военная оккупационная администрация. Высшим органом власти в генеральном округе Белоруссия стал Генеральный Комиссариат. Главой его был назначен группенфюрер СС Вильгельм Кубе.

Поле этого была проведена унификация местных частей охраны правопорядка. Все подразделения «Службы порядка» были реорганизованы в формирования «Вспомогательной Полиции Порядка». Первыми были созданы подразделения индивидуальной службы в городах и сельской местности – аналоги немецкой охранной полиции и жандармерии. Однако, их не создавали заново, они были организованы на базе уже имевшихся частей «Службы порядка».

Этими формированиями руководили начальники полиции городского и районного управления либо сельского управления. До 1 сентября 1941 г. шефом начальника полиции был соответствующий армейский комендант, а теперь в городах он подчинялся начальнику охранной полиции, а в сельской местности - начальнику жандармерии. Обычно численность полицейских индивидуальной службы колебалась от 3 до 15 человек при сельском управлении и от 40 до 50 человек в небольших городах и райцентрах. Общее же количество полицейских в каждом районе было различным. Оно зависело от площади района и плотности населения в нем.

Полицейские части, в большинстве случаев, были вооружены легким стрелковым оружием: винтовками, карабинами, часто устаревших систем. Тяжелого вооружения, автоматического оружия было мало, хотя иногда оно встречалось в полицейских частях. Вообще же, снабжение полицейских батальонов тяжелым вооружением, автоматами так и оставалось большой проблемой вплоть до июля 1944 года. В некоторых полицейских батальонах имелись автомашины, как трофейные, так и немецкого производства, а иногда и автобусы.

Что касается униформы полицейских, то они, в начальный период, носили либо гражданскую одежду, либо военную форму советского образца. На их принадлежность к полиции указывала только нарукавная повязка. С осени 1941 года немцы постарались привести всю униформу к одному стандарту. Полицейским стали выдавать форму перешитую из черных мундиров Общих СС.

Звания были унифицированы со званиями в германской полиции.

Вообще же создавались два типа полицейских формирований: оперативно-тактические части широкого профиля и части для несения охранной службы. В городе Минске были организованы курсы подготовки полицейских, начальником курсов был назначен Франц Кушель, бывший офицер польской армии. К октябрю 1942 года полицейской школой в Минске и школами в округах было выпущено большое количество офицерских и унтер-офицерских кадров.

2 декабря 1941 г. Главное Командование Сухопутных Сил издало директиву «Особые указания для борьбы с партизанами». В связи с этим, уже в первой половине 1942 г. немецкие полицейские органы при гражданской администрации приступили к формированию из местных добровольцев батальонов «Шуцманншафт», для антипартизанских операций. По замыслам полицейского руководства они должны были представлять собой территориальные охранные части, более крупные, мобильные, лучше вооруженные и с более широким оперативным районом.

Формирование белорусских батальонов «Шуцманнншафт» проходило в три этапа: июнь-август 1942, сентябрь-октябрь 1943, и февраль-март 1944 гг. В результате к апрелю 1944 г. было организовано 13 таких частей: 45-49, 60, 64-67, 69 охранные и фронтовые батальоны, 56 артдивизион и 68 кавэскадрон. Динамика численности личного состава была следующей: 20 декабря 1943 г. – 1481, 30 января 1944 г. – 1499 и 29 февраля 1944 г. – 2167 человек.[xxi]
По штатному расписанию каждый батальон должен был состоять из штаба и четырех рот, в каждой роте по 124 человека., а каждая рота из одного пулеметного и трех пехотных взводов. Иногда в состав батальона входили технические и специальные подразделения. Обычно командовал батальоном местный доброволец из числа бывших офицеров Красной или Польской армии. В каждом батальоне было 9 человек немецкого кадрового персонала: 1 офицер связи с немецким полицейским руководством и 8 унтер-офицеров. Срок службы в батальонах «Шуцманншафт» определялся контрактом и составлял 6 месяцев. Обычно срок автоматически продлевался.
Командные кадры для батальонов «Шуцманншафт» и вообще для белорусской полиции готовили открытые в декабре 1941 г. минские курсы по переподготовке полицейских. Позднее, в мае 1942 г. была открыта школа унтер-офицеров полиции.
При организации батальонов «Шуцманншафт» предполагалось, что, в отличие от вспомогательной полиции индивидуальной службы, на них будет возложено только участие в оперативных мероприятиях. После окончания подготовки каждый из батальонов получал свой оперативный район. В целом, распределение было следующим: №45 и №60 (район Барановичей); №46 и №65 (район Новогрудка); №47 и №49 (район Минска); №48 (район Слонима) ; №64 (район Глубокого); №66 (район Слуцка); №67 (район Вилейки); № 69 (район Могилева).[xxii]
Здесь перед личным составом батальонов были поставлены следующие задачи:

1. Защита войскового и оперативного тыла действующей армии от агентурных и диверсионных действий противника.

2. Охрана и оборона всех видов коммуникаций, имеющих значение для фронта или экономики Германии.

3. Охрана и оборона объектов, имеющих значение для Вермахта и немецкой администрации (базы, склады, казармы, административные здания, аэродромы и т.п.)

4. Активное осуществление полицейских и, в случае необходимости, войсковых мероприятий по подавлению антигерманских выступлений в тыловых районах группы армий Центр и в генеральном округе Белоруссия.

Нужно сказать, что за весь период своего существования части белорусской вспомогательной полиции показали хорошую выучку и проявили тактическое мастерство. Однако, нередко моральное состояние и боевой дух личного состава некоторых из них оставляли желать лучшего. И в этом, зачастую были виноваты немцы. Франц Кушель позднее вспоминал: «Немецкое отношение к этому делу (созданию белорусских частей) привело к тому, что широкие белорусские массы все больше и больше разочаровывались в немцах. Результатом этого разочарования было, в первую очередь то, что белорусы начали покидать ряды полиции и переходить к партизанам.»[xxiii]
Приведем лишь несколько наиболее характерных примеров. В августе 1942 г. было принято решение о формировании 49 батальона «Шуцманншафт».
Сам набор в него проводился принудительными методами: окружные комиссары просто хватали белорусскую молодежь и отправляли ее под конвоем к месту формирования. Таким образом было набрано около 2 тысяч человек. Белорусы не получили ни одной офицерской должности, и поэтому батальоном, вплоть до ротного звена, командовали немцы. К тому же, все немецкие офицеры общались со своими подчиненными только по немецки. Это создавало трудности в обучении из-за чего немцы стали избивать белорусских новобранцев. А при нападении партизан весь белорусский персонал батальона не захотел сопротивляться и бежал.
В полицию , как и в другие органы оккупационной администрации, вступали разные люди и из разных социальных слоев: интеллигенция, рабочие, крестьяне. Впервые дни в ее ряды попало много уголовного элемента. Брали всех желающих, лишь бы не был явным

коммунистом или евреем. Были разными и причины, по которым люди шли служить в полицию. Обычно, туда шли те, кто пострадал от советской власти. Для других служба в полиции была более привлекательной, чем тяжелая работа в деревне. Полицейские придавали большое значение форме, наградам и оружию, как признакам определенного статуса, который был гораздо выше, чем у местного населения.
Так же создавались сельские отряды самообороны, для защиты от советских и польских партизан. Создание таких отрядов облегчалось наличием большого количества оружия, оставленного Красной Армией, а так же тем, что в центральных и западных районах республики осталось очень много мужчин призывного возраста. Это объясняется тем, что советские власти не успели провести здесь в полной мере мобилизацию, а немцы всех военнопленных белорусской национальности отпускали из лагерей по домам.
До середины 1942 г. создание отрядов самообороны носило характер неорганизованный и зависело от инициативы на местах. С лета 1942 г. начался бурный рост партизанского движения. В этой связи генеральный комиссар В. Кубе 29 июня 1942 г. опубликовал проект указа о Корпусе белорусской самообороны. (КБС). Предполагалось создать сеть антипартизанских подразделений по всему генеральному округу. В каждом районе должны были быть организованы добровольческие формирования КБС силой от роты до батальона, которые бы подчинялись местным руководителям немецкой полиции в оперативном отношении и в сфере подготовки. Согласно отчету Кубе, по состоянию на октябрь 1942 г. в КБС было завербовано около 15 тыс. человек. Мобилизация носила как добровольный, так и, в ряде случаев, принудительный характер.
Призыв в Корпус проходил в течение двух месяцев, в результате чего Кушель смог сформировать около 20 батальонов и несколько более мелких частей. Обычно каждый батальон самообороны состоял из трех пехотных рот и одного эскадрона кавалерии. В каждой роте было по 100-120 человек, а в эскадроне около 100. Батальон имел двойное подчинение, белорусское и немецкое. Как правило, батальоном командовал белорусский офицер, а немец исполнял при нем обязанности советника и офицера связи с местным немецким полицейским начальником.
Солдаты белорусской самообороны не имели единой униформы и вооружения. Так, в Слонимском батальоне была как польская, так и литовская форма. В качестве головного убора были пилотки с кокардой в виде «Погони.» Личный состав был вооружен бельгийскими винтовками. Немцы испытывали недоверие к добровольцам и не спешили со снабжением. Часто личный состав собирал оружие в лесах, покупая даже у немецких солдат.
1 июля 1942 г. в Минске, в торжественной обстановке, были открыты курсы командного состава КБС, на которых стали обучаться 120 офицеров. Переподготовка продолжалась месяц. 1 августа начался второй курс, также в составе 120 человек, а 1 сентября третий, в составе 60.
В целом , акция по созданию КБС не принесла желаемого результата. Отмечались случаи перехода патрулей КБС, вооруженных винтовками и автоматическим оружием, на сторону партизан. Так же немцы отмечали, что личный состав батальонов КБС легко поддавался пропаганде партизан. Все это послужило поводом для расформирования КБС. Рост партизанского движения ясно давал понять, что с ним нельзя справиться небольшими отдельными отрядами, которые, к тому же были плохо вооружены. Тем не менее, в начале ноября 1943 г. было принято решение о создании еще одного белорусского добровольческого формирования самооборонного типа – Новогрудского кавалерийского (другое название – 1 Белорусский) эскадрона.
Инициатором создания нового добровольческого формирования явились немецкие власти Новогрудского округа, а именно, его комиссар Вильгельм Трауб. В данном случае его цель была ясна: переложить на плечи местного населения дело борьбы с советскими партизанами. В октябре 1943 года Трауб вызвал к себе Бориса Рогулю, преподавателя немецкого языка и военной подготовки Новогрудской учительской семинарии, который в целом хорошо зарекомендовал себя перед новой властью. Ему было предложено сформировать и возглавить эскадрон. Рогуля сказал, что ему необходимо подумать и, что само главное, ознакомить с этим предложением белорусский актив округа.
На следующий день Рогуля выступил с таким докладом, однако, предложение Трауба не было встречено одобрением. Среди главных мотивов, по которым многие выступили против

немецкой идеи, было нежелание втягивать людей в заведомо обреченное дело и боязнь мести партизан, которые сразу стали бы преследовать семьи будущих добровольцев. К тому же имело место просто недоверие к немцам, не раз проявившим моральную нечистоплотность в деле создания белорусских частей. Все же Рогуля снова встретился с Траубом и дал свое согласие сформировать эскадрон. Им были поставлены следующие условия:

1. Полная независимость эскадрона перед лицом местных немецких властей.

2. Полная свобода в тактике борьбы с партизанами.

3. Начало организации эскадрона только после получения вооружения, амуниции и обмундирования.

4. Личная гарантия Генерального Комиссара в выполнении этих условий.

Выслушав Рогулю, Трауб ответил: «Вы можете быть уверены, что все условия будут выполнены. Я понял наши ошибки. Я понял, надеюсь не поздно, что Ваши требования были справедливыми.»[xxiv] В ноябре 1943 г. Рогуля встретился с генеральным комиссаром Куртом фон Готтбергом. Тот подтвердил все обещания Трауба и так же пожелал успеха. В конце ноября 1943 г. обещанное немцами вооружение, амуниция и обмундирование было доставлено из Минска в Новогрудок. После этого началось формирование эскадрона. Главным контингентом для набора в него должна была стать местная молодежь. Офицерами и унтер-офицерами эскадрона должны были стать бывшие воспитанники семинарии. Рядовой состав разрешено было набирать среди местной городской и сельской молодежи. Заместителем и помощником Рогули был бывший капитан царской армии Ф. Радько.
К январю 1944 года организация эскадрона фактически закончилась. В его составе было три взвода по, примерно 50 человек в каждом. Все кавалеристы имели стандартную немецкую униформу, на петлицах которой был нашит красно-бело-красный флаг. Эскадрон имел свой штандарт –полотнище с вышитыми на нем «Погоней» и гербом Новогрудка. Все бойцы были вооружены штатным стрелковым оружием (обычно винтовки и карабины советского образца.) В каждом взводе имелось несколько ручных и станковых советских пулеметов «Дегтярев» и «Максим». А в начале 1944 года на вооружение эскадрона поступили легкие минометы и противотанковая артиллерия.
Военная подготовка личного состава эскадрона началась почти одновременно с его организацией и продолжалась на всем протяжении существования подразделения.
На первом этапе подготовка была пехотной (строевая и стрелковая) А поле получения коней и амуниции началась кавалерийская подготовка. Она продолжалась весь март и апрель 1944г.
25 марта 1944 г. Новогрудский эскадрон принял присягу на верность белорусскому народу. Но еще до этого эскадрон участвовал в стычках с партизанами. Обычно боевое применение эскадрона происходило следующим образом. Его взводы и отделения выезжали в близлежащие деревни где и несли патрульную службу. В марте 1944 г. началась мобилизация в БКА, задачей эскадрона было участие в проведении этой мобилизации а именно: охрана призывных комиссий и мобилизационных пунктов, сопровождение призывников и т.п. В середине марта 1944 г. командование эскадрона получило известие, что партизаны мешают работе призывной комиссии в деревне Красное. (Кареличский район). В спешном порядке туда были высланы 2 отделения под командой унтер-офицера. Произошел скоротечный бой с партизанами, после которого они отступили обратно в лес. Однако в ходе боя командир этого отряда был смертельно ранен и умер в Новогрудской больнице через несколько дней.
Обычно отделения и взводы эскадрона использовались самостоятельно или придавались более крупным подразделениям немецкой полиции для проведения совместных акций. Первое и последнее боевое применение всего Новогрудского эскадрона произошло в операции с 28 апреля по 1 мая 1944 г. Ее инициатором был капитан Рогуля. По его плану рейд должен был проходить по маршруту: Новогрудок – Городище – Мир – Турец – Кареличи – Нягневичи – Новогрудок. Эти рейдом Рогуля хотел показать партизанам, что в

Новогрудском округе существует белорусская национальная воинская сила. И поддержать местные полицейские формирования.
Первые 2 дня рейда партизаны, на удивление, не трогали эскадрон. 29 апреля 1944 года Рогуля решил напасть на штаб партизан в деревне Заболотье. Так, думал он, боевой дух эскадрона значительно поднимется. Для совместной акции против партизан Рогуля рассчитывал привлечь конный взвод местной полиции, который дол жен был заманить партизан под пулеметы эскадрона. Всего в этой акции планировалось использовать 150 добровольцев. Бой продолжался весь день. Эскадрон не смог уничтожить штаб партизан. Партизаны же, не смогли разгромить эскадрон. Потери сторон : среди полицейских 3 раненых и 4 попавших в плен. Потери партизан – 65 убитых и 65 раненых.[xxv]
Через некоторое время после рейда, сразу же после возвращения в Новогрудок в мае 1944 г. немцы приняли решение расформировать эскадрон, как самостоятельную единицу. Он был переформирован и включен в местный батальон БКА.
К январю 1944 г. численность белорусской вспомогательной полиции достигла 20 тысяч человек. 22 января 1944 на первом заседании Белорусской Центральной Рады президент Радослав Островский заявил, что его главной задачей является организация белорусских сил для борьбы с партизанами. БЦР постановила создать вооруженные силы белорусского национального характера. Белорусская Краевая Оборона. Решено было организовать призывную кампанию. Призыву подлежали возраста с 1908 по 1917 и с 1921 по 1924. Призыв продолжался с 10 марта по 15 апреля 1944 г. В каждом районе планировалось создать по одному батальону, личный состав которых должен был насчитывать 600 человек. К 15 марта на призывные пункты явилось 19 тыс., к середине марта 22 тыс., к концу марта 25 тыс. К 20 числам апреля было организовано 34 пехотных батальона.
16 апреля начинается операция «Праздник весны» (нем. ‘Frulingsfest’)против партизан в районе Лепеля, Полоцка и Борисова, продолжавшаяся до 10 мая 1944г. В этой операции кроме немецких частей участвовали подразделения вспомогательной полиции и 15 Городищенский батальон БКА. С этого же времени начинаются массовые случаи перехода полицейских и солдат БКА на сторону партизан.
23 июня 1944 года Красная Армия начинает операцию «Багратион». За 2 недели освобождена почти вся территория Белоруссии. Поэтому, у немцев попросту не осталось времени на эвакуацию всех структур вспомогательной полиции. Командиры большинства полицейских батальонов оказались предоставлены сами себе. Только немногие полицейские батальоны приняли бой с частями Красной Армии, другие разбежались, а третьи смогли в полном порядке отступить в Польшу. Так в Польшу смог отступить 13 Белорусский полицейский батальон при СД.[xxvi]
Части вспомогательной полиции сумевшие отступить на Запад принимали участие в подавлении Варшавского восстания. Из некоторых частей был сформирован «Специальный десантный батальон Дальвиц». Многие полицейские в дальнейшем служили на различных должностях в 30 гренадерской дивизии СС под командованием Ганса Зиглинга. Многие из них воевали вплоть до 9 мая 1945 года, после чего сдались американцам. Некоторые попали в плен к советским войскам уже на территории Германии.
В целом можно сказать, что вспомогательная полиция не во всем оправдала надежды немцев и Радослава Островского.

Крис Мондей. Когда начальник вернулся: Лев Клейнборт, Василий Розанов и национализм

Данная статья, основанная на архивных документах, описывает характер взаимоотношений между Львом Клейнбортом и Василием Розановым. Изучение данного сюжета позволяет предположить, что из-за национализма и зависимости интеллигенции от государства любая широкая оппозиционная коалиция среди русской интеллигенции была обречена на провал.

Розанов — «Русский Ницше» — был известен *также и* своими крайне правыми, и часто антисемитскими, политическими высказываниями. Клейнборт (1875—1950) родился в местечке Копыль (Минская губерния). Он был революционером, который развивал движение «пролетарского» искусства и написал первое фундаментальное исследование о белорусской литературе.

Из-за своей работы «Молодая Белоруссия: Очерк современной белорусской литературы. 1905—1928 гг.» (Минск: Белорусское государственное издательство, 1928) Клейнборт был обвинен в буржуазном национализме и лишён возможности публиковать свои последующие труды. Несмотря на это, продолжая плыть против течения, пожилой революционер решил ознакомить новое поколение с достоинствами интеллигенции своего времени. Подобно литературному критику В.К. Воронскому, Клейнборт занялся своим последним литературным проектом – созданием воспоминаний, «рассказов со стороны» о прошлых встречах. В этих мемуарах подчеркивались значение старой интеллигенции для современности и превосходство жизни над догмами. Цикл мемуарных очерков Клейнборта «Встречи» отразил широкий спектр имен: В.Г. Короленко, Н.К. Михайловский, Д.Я. Айзман, М.И. Туган-Барановский и др.[216] Эти воспоминания и рассказы были написаны в период с 1938 по 1946 годы, то есть в тяжелые для автора и страны времена: арест самого Клейнборта, блокада Ленинграда, в котором он проживал, эвакуация. В таких условиях он, разумеется, не имел доступа к литературным источникам. Однако отсутствие доступа к литературе компенсировалось удивительной способностью Льва Наумовича запоминать разговоры и писать о том, что другие считали неуместным. Его сочинения — уникальное зеркало того времени, хотя это зеркало в определенной степени можно считать кривым.

Возможно, именно это и привело к тому, что к середине 30-х гг. XX столетия Клейнборт был забыт и вел жалкое существование.В 1936 г. старыймарксист, остро нуждающийся в денежных средствах, с трудом добивается пенсии[217]. Получив отказ в публикации своих впоспоминаний об актере В.Н. Давыдове, Клейнборт писал: «Вы, может быть, помните меня как писателя. Я – автор множества книг…»[218]В 1945 г. Л. Клейнборт, проживавший тогда в городе Иваново, предпринял попытку опубликовать свои воспоминания о Блоке, прибегнув к помощи широко известного в то время литературоведа В.А. Мануйлова. Однако из-за обилия«философских рассуждений»издательство также отказалось публиковать предложенную работу.

Для Клейнборта Василий Розанов стал символом периода разочарования в революции, когда «студенты ведут себя смирно […] идут в трактир, в оперетту, поют водевильные куплеты. Там – ростки "здорового консерватизма", здесь – голод, волна самоубийств […] Эс-деки, эс-эры, кадеты – все это скорее в прошлом, чем в настоящем»[219]. Поэтому в эпоху сталинизма образ Розанова все чаще приходил в голову идейному революционеру Клейнборту. Скорее всего, в воспоминаниях Клейнборта о Розанове скрывается аллегория разложения большевистской утопии.

Роль интеллигенции

По словам Клейнборта, он познакомился с Розановым на докладе Д.С. Мережковского в Религиозно-философском обществе. Разочаровавшиеся в итогах революции 1905 года П.Б. Струве, Н.А. Бердяев и другие авторы «Вех» выступали с критикой революционной

---

[216]У других авторов тоже появился интерес к написанию биографии Розанова (см.: Чулков Г.И. Письма Д.Е. Масимову, 1929-30. ОР РНБ. Ф. 1136. Д. 44: Максимов Д.Е. 9 лл.).

[217]Клейнбортходатайствовал опенсии в Литфонд СССР, получив отзывы А.С. Новикова-Прибоя, А.В. Прибылева, И.И. Садофьева, А.П. Чапыгина. Беларускідзяржаўныархіў- музей літаратурымастацтва. ф.157 воп 1 аз 22.

[218]Письмо Клейнборта А.М. Брянскому, 1937. ОР РНБ. Ф. 106: Брянский А.М. Д. 126.

[219]Клейнборт Л. М. Студенты на переломе: Роман. ИРЛИ. Ф. 586 (Клейнбот). Д. 446. Л. 15.

интеллигенции. Защищая интеллигенцию от этих нападок в 1909 г., Мережковский прочитал в Религиозно-философском обществе наделавший много шума доклад «Семь Смиренных»[220]. Намекая на «семь смиренных», которые подписались под отлучением Л.Н. Толстого от церкви, он утверждал, чтосемь авторов «Вех» отлучили русскую интеллигенцию от России.

Розанов, в свою очередь, обрушилсяна Мережковского. По его мнению, интеллигенция начала века отнюдь не напоминала «жалкую клячу», как утверждал Мережковский, но обладала огромным нравственнымавторитетом. Вопрос лишь в том, во благо или во вред использовалось это ее влияние. За поражение в революции 1905 года, оплаченное многочисленными жертвами и, главное, пробудившее жестокость в народе, интеллигенция, взлелеявшая и ожидавшая эту революцию, как «невесту», должна была не только нести ответственность, но и извлечь нелицеприятный урок: заглянуть в себя и постараться понять, то ли она делала во имя общественного блага, которое вдруг обернулось очевидной всеобщей бедой[221]. Данная дискуссия имела большое значение для сформированного Клейнбортом понятия «рабочая интеллигенция».

Как вспоминал Клейнборт, он пробирался в зал, чтобы занять там свое место, но у входа его задержал П.А. Берлин, с которым они вместе работали в журнале«Современном Мире»[222].

Берлин стоял с блондином с легкой проседью и рыжей бородкой, который что-то скороговорочкой говорил ему. Я знал, видал его на собраниях Религиозно-философского общества. Это был В.В. Розанов из «Нового Времени».

— «Вы не знакомы?» — спросил Берлин и назвал меня.

— Розанов,— протянул он мне руку.— Рад, рад…

Я смотрю на этого журналиста из совсем другого, полярно противоположного лагеря: теперь — когда он говорит скороговорочкой, с ужимками — он до странности оживляет в моей памяти какой-то давно прошедший образ. Я силюсь его вспомнить. Ах, да... Наш математик... учитель гимназии, в которой я когда-то учился...Покровский, вылитый Покровский ... Те же глазки под очками, тот же кирпичный цвет лица, тот же клок волоснад лбом. Даже так же точно выбрызгивает слова. Учитель среднего провинциального города. […][223]

А вот – как это П.А. Берлин и В.В. Розанов так благодушно причалили друг к другу? Что писатели, полемизировавшие в печати, и очень остро, поддерживали личные отношения между собой, не было ничего удивительного. Но была зона, которую не переходили — реакционная печать, злачные места в роде “Московских Ведомостей”, “Русского обозрения” и т.д. К числу их, конечно, относилось “Новое время”... Правда, когда подошли дни “свободы”, и общественное движение разлилось по всей стране, Розанов как-то затесался в издания П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, заговорил о том, что Святая Русь ему уже не нужна, что свет с Запада. Но вот одолела Святая Русь, начальство встало на ноги, и он, Розанов, на тех же местах, где был, изуверствовал против Льва Толстого, против Салтыкова-Щедрина.

Та же тень на нем— тень “Нового Времени”.

— Как это вы сошлись?— спрашиваю я Берлина, когда мы остаемся вдвоем.

—Что же тут! У Розанова посейчас бывает весь цвет литературы. Мережковский, Бердяев, Вяч. Иванов. Это же не Меньшиков.

— Но кто же так зло пишет и про Меньшикова, и про Розанова?

— Ну вот... Познакомились мы у Сологуба, и разговариваем, как ни в чем не бывало.

Я отнюдь не хочу ставить на вид Берлину общение с этим “филистимлянином”. Ведь сам по себе Розанов представляет явление, столь выходящее из ряду Мещерских (Сувориных) Букрениных, что измерять его квалификацией от направлений нельзя. Для этого он слишкомсложен.[...]

Очевидно, здесь нельзя не отбросить предубеждения. Пусть он легкий сфинкс, подпоясавшийся полотенцем сверх халата, нельзя не понять что-то в этом мыслителе, что-то, что он с такой силой ощутил в водовороте своих взлетов и падений[224].

---

[220]Д.С. Мережковский. Речь. 1909. 26 апреля. № 112.

[221]Розанов В.В. Мережковский против «Вех» Новое время 1909. 27 апр. № 11897. (Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 354-359).

[222] Судя по взаимной корреспонденции Клейнборта и Берлина, их отношения были деловыми, а не дружескими. Они обращались на «вы». ИРЛИ. Ф. 586. Д. 21: Берлин П.А. (1906-1914), письма к Клейнборту Л.Н. (84 л.)

[223]Клейнборт Л. Встречи В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 ед. 440. Л.1-2

[224]Клейнборт Л. Встречи В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 ед. 440. Л.2-3

Гимназия

Клейнборт надеялся опубликовать в историческом журнале свои «Встречи с Розановым» в качестве достоверного воспоминания. Ему было отказано, в частности, из-за того, что многое из того, о чём повествует литератор, заимствовано из рассказов других лиц. Это, например, бросается в глаза в сюжете об «учителе математики Покровском». Проблема в том, что Клейнборт учился в городке Слуцке, между тем как Розанов работал учителем в Ельце. Затем, в 1891 г., Розанов с новой женой обосновались в городе Белый Смоленской губернии. В 1893 г. они переехали в Петербург.

Интересно, что в автобиографической повести Клейнборта «Гимназисты» большую роль играет школьный учитель математики. Этот человек, как и Розанов, оставил у Клейнборта по себе яркое воспоминание. Повествуя о Розанове, Клейнборт порой не чурался вымысла. «Гимназисты», по-видимому, всего лишь рассказ, не претендующий на историческую правдоподобность.

Изображенный Клейнбортом герой повести «Давыдов» считал, что в гимназии процветали верноподданнические чувства. Давыдов особенно не любил учителя-математика «Тык». Он – «одна из тех аномалий, без которых не обходиться гимназия среднего русского города». «Тык» вывел Давыдову двойку по алгебре и попытался выгнать его из гимназии. В его «высоком лбу и складе губ что то незаурядное, но не уравновешенное». Уже его внешность инстинктивно возбуждает настороженность. «Тык», словно актёр, унижает своих студентов, когда они пишут задачи на доске.

Глубоко схвачена эта фигура в романе «Мелкий бес», этот учитель среднего провинциального города [А. Б.-- К.М.] Передонов. Но «Тык» не совсем Передонов. Он, без сомнения, талантов. Он безукоризненно знает свои формулы, артистически умеет их изложить, но прежде всего он не совсем нормален. Как истинный «человек в футляре», он ни в грош не ставит ученика; характер его причуд нестерпимо отзывается на судьбе воспитанников, но нет руки, которая бы ответила на удар. Давыдова он не любит за то же, за что его не любит словесник: за характер, за отрытую физиономию, как вообще не выносит ничего выдающегося – в роде «Жабы» Чехова…[225].

Повесть «Гимназисты» достойна внимания в свете статьи, написанной бывшим учеником Розанова в эмиграции. Как и Клейнборт, он рассказывает, что Розанов был ненавидим всеми в Бельской гимназии. Гимназисты испытывали неприязнь и к внешности Розанова, и к его манере преподавания. Розанов был злым и старался запутать учеников. Он раскачивал ногой во время урока. Для усмирения гимназистов нередко прибегал к щипкам и даже уколам ручкой[226]. Можно сделать вывод, что Клейнборт использовал рассказы своих товарищей об учительстве Розанова как основу, создавая образы «Тыка» и «Покровского».

Следует добавить, что в школе молодой марксист не особенно блистал, считая себя при этом интеллектуально выше, нежели школьные преподаватели[227]. Вместо учебы он занимался изучением проблем революции.Сам Клейнборт пишет: «Но книгой не ограничивалось это движение. И уже с гимназических лет — кончил я гимназию в г. Слуцке — я настроен революционно, читаю нелегальную литературу, которой снабжает меня в те годы Станислав Трусевич-Залевский[228], впоследствии польский социал-демократ – коммунист»[229].

---

[225]Клейнборт Л. Н. Гимназисты. ИРЛИ Ф. 586. Д. 445 (61 лл.). Л. 5-8, 18.

[226]Обольянинов В.В. В.В. Розанов – преподаватель в Бельской прогимназии // Новый журнал. 1963. № 71. С. 267-269. См. также: Фатеев В. А Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 174-177.

[227] В 1896 г. Клейнборт хотел поступить на естественный факультет и предоставил аттестат зрелости со следующими, например, оценками:

	1891	1896
Математика	3	3

(Дело императорского С.-Петербургского ун-та студента Льва Наумовича Клейнборта2 авг. 1896. ЦГИА СПБ. Л.4-5)

[228]StanisławTrusiewicz-Zalewski (1871-1918) был проповедником идей Розы Люксембург.

Технологический Институт

Следующая «встреча» с Розановым также преподнесена в в беллетристическом жанре.Речь идет о студенческом вечере, описанном в повести «Студенты». «Электрический фонарь напомнил нам, что мы у Технологического». На вечере – студентки. Буфет. Чай. Бутерброд. Деликатесы.

Радикально настроенный студент-лесник декламирует:

― «Товарищи.. по отношению к вам мы старое поколение; начало нашей деятельности относится еще к девяностым годам. Нашим евангелием был “Капитал”, не обесцвеченный применительно к подлости. С тех пор много воды утекло. Вы отошли от научного социализма, занимались черт знает чем. Товарищи, я вас спрашиваю: быть или не быть идейной молодежи? В течение многих лет стояли мы на высоте. И вот догорели огни. Равнодействующая студенческая симпатия перевернулась в сторону самого резкого индивидуализма. Конечно, вы лишь отразили то, что делается во всей стране. Но не молчите же, товарищи. Ведь то молчание, которое вы здесь храните, означает отказ от традиций, которые завещаны нам молодыми поколениями».

― «Неправда», ― крикнули из публики.

― Прошу слова, ― тотчас же заявили рядом. … пожилой господин [писатель-мистик, которого я слышал в религиозно-философское обществе]. Кроме него, не было ни одного человека из «общества»― в то время как еще недавно писатели, экономисты, деятели разных направлений считали своим долгом пока [явиться] на этих собраниях.

― Вы говорили о банкротстве России вообще, молодого поколения в частности – обращался он к леснику. ― Одного не понимаю. Почему же банкротства и индивидуализм одно и то же? Да, да, время наше― время распада, с одной стороны, время пересмотра ценностей – с другой. Но той другой далеко не одно и то же.»

― Погромче бы, нельзя… [Господин] был глуховатый.

― «Вот, например, атеизм молодёжи. В эпоху освободительного подъёма выражением этого атеизма был марксизм. Эта ярко атеистическая философия «пролетариата» окрасила в то время самые пестрые ряды молодежи. Но первые же духовные критики “проблем идеализма”, и от «монистического взгляда» одна пыль столбом. Теперь в спорах студенчества подчас много общего со спорами сектантов. Что здесь опасного? Теперь некогда полные аудитории пустуют. “Экономика”, материализм не дали той веры, которой жаждет религиозная душа. В поисках другого теперь пополняются аудитории. Те же слои молодёжи ухватилось за Достоевского, Вл. Соловьева, Мережковского. Это – индивидуализм, не спорю. Но это здесь “применительно к подлости”? Правда, и рядом самоубийств молодежь доказала свою обманутою сущность, но такова уже драма современной души.»[230]

Голос – глуховатый, но авторитетный. Ему похлопали, но не очень.

[Лесник ответил] ― «“Вехи” оклеветали героизм русской интеллигенции. “Вехи” оклеветали все высокие идеалы. “Вехи” объявили: долой политику, да здравствует национальное лицо. И эти “Вехи” в несколько месяцев выдержали несколько изданий. Эти “Вехи” встретили отклики в студенчестве, тогда как даже такие профессора, как Ковалевский, Овсянико-Куликовский, Туган-Барановский выступили против этих ренегатов. Это ли не банкротство?»

[…] Богоискатель слушал с усмешкой. Когда же смолкли хлопки […] он сказал, что факты, приведенные социал-демократом, подтвердили лучше всего то, что говорят противники социал-демократа.

[…] Ему опять возразили. «Нанесите студенчеству окончательный удар, отнимите клочки университетской автономии, какие еще остались […] И вы увидите: повторится опять точно то же, что 5-6 лет назад»[231].

---

[229]Клейнборт Л. Автобиография // Беларускідзяржаўныархіў- музей літаратурымастацтва. Ф. 157. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

[230]О русских студентах Розанов писал: «В 16-17 лет каждый, т.е. почти каждый, русский бывает не только парламентаристом или республиканцем – это еще мало,-- он непременно бывает дарвинистом, позитивистом, социалистом; он вообще бывает политиком и философом в политике, к которой вплотную не подошел, и в философии, которую только что начал читать. [в этом] ничего опасного». (Розанов В. В.О студенческих беспорядках. // Розанов В.В. Собр. соч. Т. 1. М. 2012. С. 459.

[231]Клейнборт Л. М. Студенты на переломе: Роман. ИРЛИ Ф. 586 (Клейнборт). Д. 446. Л. 47-50.

4. Политические статьи Клейнборта

В 1909-1910 гг. Клейнборт написал ряд статей, которые вызвали некоторый шум в печати[232]. Разочарованный революционер сообщил о переменах, произошедших в политической среде после революции 1905 года: о тюрьме и о массовом бегстве из России. «Развитие вглубь, — считал Клейнборт,— приостановилось, началась дезорганизация; зловещую трещину дала революционная психология недавнего прошлого. Очевидно, замазывать этого распада не для чего не было»[233]. Пессимистические статьи указывали на проблемы, с которыми сталкивалась интеллигенция. «И теперь,— писал Клейнборт,— когда интеллигенция, эта традиционная носительница “настроений”, оскудела идеалами, ударилась в переоценку ценностей и “проблемы пола” в России, отойдя от созидательной борьбы к индивидуалистическим эксцессам; когда даже в пределах двух фракций, недавно еще цельных, возникли анархо-синдикалистские и ревизионистские течения, направленные не к выяснению того или иного вопроса в пределах марксистского миросозерцания, а к разрушению его, тем острее напрашивается вопрос: все так же ли стоят на своих постах русские эмигранты?»[234]

В таком унылом настроении, Клейнборт «сам ничего не имел против, был польщен даже, когда этот “советник, пишущий сочинения”[235] — во время антракта— подошел ко мне мягкими шажками и, вглядываясь в меня близорукими глазами, повторил: “Рад, рад...”

— Чему? — удивился я.

— Встретить вас. Ваши статьи лежат у меня на столе.

— Какие статьи?

— О политиках. Принято считать, что трудно говорить правду в глаза правительству. Но еще труднее говорить в глаза революционной интеллигенции. А это и есть в ваших статьях.

— Неужто уж так трудно? Вот кончится доклад, услышите немало о своевременности покаяния, перерождения.

— Нет, что бывшие, вы же — настоящий.

— То есть?

— Сами о себе.

Это[полуофициальная газета]Столыпинская “Россия” писала обо мне и моих статьях, “что сами о себе рассказывают, мерзавцы”. Это, видимо, вовлекло меня в орбиту внимания и Розанова.

— Пора понять, что дурная общественность ведет нас к погибели скорее плохих министров...

Он взял меня под руку. Не могу сказать, чтобы эта ласковость, домашняя манера была мне приятна.

Я знал, что у Розанова была склонность, которой не было ни у кого из его собратий — подбираться к “левым”. Казалось бы, сотрудник Грингмута[236] и Суворина, приятель Соловьева[237], начальника [Главного управления]по делам печати, почитатель К.П. Победоносцева, что общее он мог здесь обрести, на чем “сойтись”. Но вот таков уже этот большой писатель, одержимый мелким бесом, бесом равнин и болот. Вдруг у него затевается “левый роман”, который он потом обложит своими “грязнотцами”. […]

Конечно, ласковость Розанова не могла импонировать мне. Однако, ничего такого не сказалось в этом разговоре. Нет, какие-то идейные, художественные внушения владеют им. Заметив, что его улыбочки не так уж веселят меня, он даже и улыбаться перестал.

---

[232]Клейнборт Л. М. Равенство в бесправии: [новый курс тюремной политики] // Образование. 1909. № 2: Февраль. С. 57-68; № 3: Март. С. 22-35;   Клейнборт Л. М. Политическая эмиграция прежде и теперь // Современный мир. 1909. Ноябрь С. 49-81; В.В. Водовозов.Русские журналы. Запросы Жизни. № 8. 1909. С. 11-1.2 Изгаев А. С. Речь. 1908. №190.

[233]Клейнборт Л. Встречи В.В. Розанов.   ИРЛИ Ф. 586 4 ед. 440. Л.8.

234Клейнборт Л. М. Политическая эмиграция прежде и теперь. С. 65.

[235]Как известно, Розанов говорил о себе: «Я самый обыкновенный человек; позвольте полный титул: “коллежский советник Василий Васильевич Розанов, пишущий сочинения”».

[236] Владимир Андреевич Грингмут (1851—1907) –редактор «Московских ведомостей», основоположник «черносотенства».

[237] Михаил Петрович Соловьёв (1841— 1901)

С этого и началось столь же краткое, сколь и необычное знакомство моё с этим любителем малосольных огурцов в конце июня[238][…]

Перерыв продолжался минут двадцать, а после перерыва Розанов ушёл.

― Я встаю рано,― сказал он мне.― Завел привычку рано, рано гулять.

Он мне показался равным себе, почти внушал чувство дружелюбия. Недели через три после того где пошел диспут. Препирались Ф. Сологуб, Е.В. Аничков и др.― если мне память не изменяет, о бытовом и внебытовом в искусстве. Уже было не рано. Мы с Г.И. Чулковым, С.С. Кондурушкиным[239] уже ужинали в буфете. Смотрю, из залы выходит Розанов. Увидев нас, доедавших блинчики в сметане, он направил свои стопы к нам.

― Где блины, там и мы, ― заговорил он.― Впрочем, зачем я приплелся сюда? Что мне до быта... у меня с ним ни два, ни полтора. А!― обратился он ко мне.― Рад, рад, надо же нам кончить разговор.

Он казался рассеянным, но как только заговорил, проявил подвижность ума и слился в моем воображении с математиком, как в тот раз. Но теперь он выглядел по иному. Что мне бросилось в глаза теперь, это терпкость ума, недоброго, едкого ума. Некая темная природа глядела из глубин его талантливого духа, чего я не разглядел в тот раз.[240]

В эпохе первой русской революции была надежда на то, что левые и правые могли объединиться, чтобы образовать гражданское общество. Розанов, Клейнборт и почти вся интеллигенция приветствовали Манифест 17 октября. Либералы-друзья Розанова даже могли относиться к его работе в «Новом Времени» с пониманием, зная о выгодной материальной стороне сотрудничества с этой газетой[241]. В своей работе «Когда начальство ушло…» Розанов ополчался не на евреев-революционеров, а на чиновничество[242].

Так и Клейнборту казалось, что в 1905-1906 гг. Розанов сблизился с левыми силами. Его замечали на митингах, в совете рабочих депутатов. Клейнборт сообщает, что видел письмо Розанова с восторженным обращением к А.В. Пешехонову, ― левому из левых. Такое же дружелюбное письмо, свидетельствует Клейнборт, получил публицист-марксист, сотрудник «Современного мира» М.П. Неведомский. Клейнборт иронизирует: «А вдруг свет не у Соловьева, не у Победоносцева? Вдруг он у Пешехонова, у Неведомского, у Горького? Вдруг социализм полюбопытнее “малосольных огурцов в конце июня”[243], которые он так превознес в своих “Опавших листьях”?»

Клейнборт описывает обсуждение Розановым «рассказа», опубликованного Клейнбортом «где-то». По смыслу речь идет об очерке «Тень утренняя» (1912)[244] или о каком-то неопубликованном автобиографическом произведении. Как это часто бывает у Клейнборта, годы повествования и действительных событий не совпадают. То, что обратило на себя внимание

---

[238] Другую линию связи с Розановым могла составить жена Клейнборта, дочь П.Ф.Лесгафта, которого Розанов называл «крупной звездой русского духовного, русского умственного небосклона» (Розанов В.В. Памяти проф. Лесгафта // Розанов В. В. Старая и молодая Россия: Стати и очерки 1909 года. М., 2004. С. 387-389).

Клнйнборт и Розанов, можно предполагать, встречались на похороны Лесгафта. Розанов не мог не удивляться, что наследником великого педагога является какой-то белорусский «-борт». Таким образом мыслитель стал интересоваться творчеством Клейнборта.

[239]Писатель и журналист Степан Семенович Кондурушкин (1874-1919) ратовал за представление о религии как особой форме народного сознания. По его мнению модернизация общества нуждается в религиозном мифотворчестве. С ним Клейнборт часто обсуждал литературные вопросы. См. письма Кондурушкина С.С. кКлейнборту Л.Н. (1906-1912). ИРЛИ ф. 586 ед. 97

[240]Клейнборт Л. Встречи В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 ед. 440. Лл.6-7, 9.

[241]Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 801.

[242] Розанов В.В. Когда начальство ушло… 1905-1906 гг. // Розанов В.В. Когда начальство ушло… Т. 8. М.: Республика, 1997.

[243]«Папироска после купанья, малина с молоком, малосольный огурец в конце июня, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа (не надо снимать) — вот мое "17 октября". В этом смысле я "октябрист"». (Розанов В. В. Опавшие листья http://www.litmir.net/br/?b=104182&p=22)

[244]Клейнборт Л. Тень утренняя // Вестник Европы. 1912. № 9.

В 1911 г. Клейнборт, отдав какой-то рассказ в редакцию «Мира Божьего», получил следующий ответ: «К сожалению, почитав Ваш рассказ, В.Г. Короленко высказался решительно против него. Ему рассказ кажется лишенным движение, а язык мало убедительным.» Письмо Горнфельд А.Г. кКлейнборту (1911 апр. 4). ИРЛИ. Ф.586, д. 56. Л.2

Розанова и Кондурушкина, было не повестью, а антисионистской работой Клейнборта. В своей работе «Капитализм и еврейский вопрос» (1909 г.) копыльский марксист «обличает» мелкобуржуазный характер сионизма. «Что же дают им в Палестине? – вопрошает Клейнборт. — Страна эта, в которой, в лучшем случае, можно устроиться миллиону жителей, уже более 2000 лет остается заброшенной, невозделанной[245]». Понятно, что в 1930-е гг. Клейнборт уже предпочел не обсуждать этой темы.

[Розанов] — рыжеватенький, вылитый двойник учителя Покровского— сняв очки и протирая их, говорил мне:

— Все хорошо в ваших статьях. Особенно правдивость рассказа. Отлично рассказано. Но вот одно: зачем вы смягчаете эксцессы своего рассказа. Точно все это можно объяснить внешней комбинацией фактов, стечением случайных причин.

— Конечно, это же шквал. Было бы странно, если бы этот шквал — при таком финале — обошелся бы без эксцессов. Что такое рядовой политик? Матрос, аграрник, экспроприатор и т.д. Это — массовик, дезорганизованный оргией репрессий. Все же профессионал-революционер остается в силе со своей правдой, со своими традициями,— отвечал я ему.

— Может еще гордиться своей мечтой о будущем?

— Конечно.

— Нет, вы этого не думаете. Эта мечта, эта правда уже не вяжется с правдой вашего рассказа.

— Это верно,— вставил Кондурушкин.— Таково и моё впечатление.

— Вот видите,— подхватил Розанов.

— А в чем состоит правда моего рассказа?— усмехнулся я.

—В том, что люди, которые подняли революцию, может быть, не дурные люди, но плохие музыканты. Нигде не было людей таких необъятных планов, но умы книжные, натуры мелкие. ««Дантисты революции», как характеризовал ваших «профессионалов» вам Герцен.

— И Герцен— ум книжный?

— Дело не в отдельных именах, дело в типе, как таковом. Тип же о двух измерениях: есть длина, есть ширина, но нет третьего — глубины. Естественно, ничего не может получиться, кроме глухоты сердца. Что такое революционер? Это— семинарист, студент, статистик, поэт с направлением, девушка с остриженной косой, те, что отрицают, но не утверждают. Процесс жизни, процесс истории — не для них. Для этого требуются корни, чувство к положительному. А этого у них нет. У них есть лишь программы, отщепенство, отрыв. Я говорю, конечно, реакционно, как пишут в ваших изданиях?...

— Конечно.

— Но все же это так. Это— люди, у которых малый смысл есть, но смысла большого, который и есть понимание человека, жизни, природы — ни на полушку. Отрицатель, разгулявшийся на просторе — вот в чем состояла русская революция. Ни один народ еще не доходил до такого самоотрицания, как мы, несмышленыши.

— Но кто же уверял нас,— и не так давно— что революция есть святая Евхаристия — возразил я. — Признавался: «Я сам осуждаю ли убийцу Плеве! Нисколько. Помню, тогда радовался»?

— Вы имеете в виду меня, мои статьи «Когда начальство ушло»? Но там же найдете обратное, что революция — «садизм», «мордобой». Я же писал во всех направлениях.

Вы думаете, я лгал, не хотел говорить, что думаю? Нет, я в каждый данный момент равен себе. Впрочем, какие у меня убеждения? До политики мне дела нет. Я созерцатель, наблюдатель со стороны.

— Зачем же вы шли туда, где дрались за убеждения?

— Зачем? Я очень рад, что события толкнули меня в гущу радикальщины. Теперь мне ясно, что борьба с существующим порядком — это не борьба с порядком, как таковым, это покушение на самую Россию. Это— «бесы», которые разорвут Россию на клочки. С пророческим ясновидением изобразил этот строй души еще Достоевский.

— А Щегловитовы охраняют, оберегают Россию?

— Да. Пусть Шегловитови бездарен; но все же он защищает нас от того стада, которое вы так обнаженно показали в своих статьях. Да будет благословенна та власть, которая охраняет, оберегает Россию, как бы дурна она ни была сама по себе.

---

[245]Клейнборт Л. Капитализм и еврейский вопрос. СПб.: Знание, 1909. С. 30-31.

Он закурил, положил ногу на ногу. Мы все молчали.

— Мне раз дана жизнь, и я сам хочу жить. Хорошо бы если бы в основе всего этого лежал хоть настоящий расчет, труды и дни наших дней. Так нет же. Это паутина, истинно сатанинская, этот расчет на сотни лет. Эту «гармонию» не то что видеть, обонять не придется ни мне, ни вам. Нужна ли большая отвлеченность духа, чем «Капитал» Маркса. Оценено это евангелие дорого, очень дорого. Для него весь мир должен быть залит кровью. Но — круты человеческих дел—пусть сядут они, эти мелкие фанатики с осанкой великих людей, за стол. Я это допускаю. Но когда это произойдет, когда мы оглянемся после того, как ясно, наглядно ясно станет, что это стрикулисты, свистуны, что они не понимают ни жизни, ни человека, ни природы. О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями!

— Отвлеченность духа,— возразил я. – Но все же идем— отвлечены. Сама наука не более, чем доводы рассудка.

— Потому то идея обычно пирожок ни с чем, и то жеванный и пережеванный. Разжевал кто-нибудь, что-нибудь— вот вам Бакунин, Лавров. Главное, сердце, воображение, а тут ни сердца, ни воображения.

— Но вы же сами причисляете себя к наследникам идей. Что же, и Страхов, и Данилевский не более, чем пирожки ни с чем?

— Нет, славянофилы росли вместе с ростом России. У них было чувство роста, того роста, каким добрела сама Россия. Оттого-то они и жили сердцем, воображением. Вы же — пораженцы, вы злитесь на рост страны. Оттого-то вы и питаетесь лишь идеями — пленной мысли раздраженьем. Однако, чего это я разболтался.

Он сник, поднялся, стал прощаться.

— Вот почему я так оценил ваши статьи. Они исходят из внутри этого. И в то же время так метко подтверждают то, что мы, Иудушки— так окрестил его еще покойный Вл. Соловьев — не искушенные в теоретизме, просто действуя по внушению минуты, предвидим в своих неряшливых книгах.

В том, что он говорил, не было еще ничего такого, что бы проводило черту между ним и либералами тех дней. В те же дни, к которым относится этот разговор, я сидел у проф. Яснопольского в Лесном. Были у него П.Б. Струве, В.С. Голубев, которого я знал ортодоксальнейшим марксистом. Теперь Голубев — по поводу тех же моих статей — теми же словами «крыл» революцию, что и Розанов. Однако разница была. Струве, Голубев были люди одного цвета, одного языка. Розанов же был — «не чист», писал «во всех направлениях».
[..]
Прощаясь, Розанов звал меня к себе.

— Вот с Георгием Ивановичем. У меня бывают и красные.

Я знал не одного из левых деятелей, которые — вопреки беспозвоночности Розанова — восхищались такими книгами его, как «Легенда о великом инквизиторе», «В мире неясного и не решенного», «Темный лик», «Люди лунного света» и др. бывали у него, как бывали у Вячеслава Иванова[246].

И скоро… «начальство вернулось. Самодержавие одержало верх»[247]. И союз между националистами и левыми распался.

По словам Клейнборта, союз разрушился из-за национализма. При этом он обвиняет Розанова в разжигании национальной ненависти, лицемерии и подлости. Проблема в том, что, ведя разговор на такие темы, Клейнборт использовал каламбур несуществующих цитат и несоответствующих дат. В результате приходится серьезно реконструировать исторические события.

5. «Современный мир» и «Новое время»

В Санкт-Петербургском университете, где он учился два года, Клейнборт вел агитацию и дружил с такими террористами, как И.П. Каляев.[248] В 1903 г. он сотрудничал с

[246]Клейнборт Л. Встречи. В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 д. 440.лл.12-17
[247]Клейнборт Л.Встречи. В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 д. 440. Л.12
[248]Клейнборт Л. Встречи. И.П. Каляев. ИРЛИ ф. 586. д. 434

журналами «Образование» и «Мир Божий». По словам Е. Ананьина, Клейнборт изложил Ю. Мартову свой план «меньшевизации» журнала «Образование»[249]. В этот период (1903-1907 гг.) Клейнборт ратовал за то, что интеллигенция, прежде всего, должна принимать дельное участие в «просвещении» пролетариата социалистическими идеями. С 30 марта 1906 г. по сентябрь 1907 г. Клейнборт печатал свои статьи в «Вестнике жизни», легальном большевистском журнале, который выходил в Санкт-Петербурге. Постоянными сотрудниками журнала были также В. Базаров, А. Богданов, В. Бонч-Бруевич, Ю. [Л. Б.] Каменев, А. Луначарский.

Кроме освещения на экономические темы и тюремной жизни, Клейнборт писал о разнице между просветительскими задачами старого поколения интеллигенции (Чернышевский, Белинский) и новой интеллигенции. Новая интеллигенция все чаще отказывалась вести просветительскую работу в деревне и на заводах[250].

В 1906-1909 гг. у Клейнборта появилась возможность воплотить данную теорию в жизнь посредством сотрудничества с известной петербургской издательницей Ольгой Николаевной Поповой. Она была связана, скорее, с народническими кругами, но также выпустила множество «более прогрессивных» марксистских произведений. Попова выбрала Клейнборта редактором серии «Темы жизни»(1906-1907), представлявшей собой многотиражную «популярную» прогрессивную (с точки зрения Луначарского, Богданова и Ленина) литературу. Там Клейнборт принимал участие в публикациях произведений Ч. Дарвина, И. Франко, И.А. Бунина, В. Гюго, Э. Золя и др. Попова также работала в издательстве «Знание», куда перешел Клейнборт[251]. До революции «читатель-рабочий» формировался, прежде всего, в «рабочих библиотеках», которые иногда имели до полутора тысяч книг. Это было чем-то вроде профсоюзно-политического клуба. На вынашиваемых Горьким с конца 1907 г. планах реорганизации издательства «Знание» уже сказалось влияние Богданова и других «левых» большевиков. В «Дешевой библиотеке» и «Знании» стали печатать переводы произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Каутского[252]. Но, конечно же, главными в деле «просвещения» рабочих должны были стать произведения самого Л.М. Клейнборта. Два года подряд (1908-1909 гг.) правительство пыталось конфисковать именно эти, самые скандальные публикации «Знания»: «Русский империализм в Азии» (СПб.: Знание, 1906. 47 с.) и «Капитализм и еврейский вопрос» (СПб.: М. Горький, 1906. 40 с., а затем СПб.: Знание, 1909[253]). Из-за его печатной деятельности, весьма впечатлившей Горького[254], Клейнборту грозила опасность попасть на допрос.

В журнале «Современный мир», где публиковались произведения П.Б. Аксельрода, Г.В. Плеханова и Л.Г. Дейча, также стали периодически печатать произведении писателей-самоучек – А.И. Бибика(в частности, роман «К широкой дороге»), Н.Н. Никандрова, А.С. Неверова, Ф.

---

[249] Ананьин Е. Из воспоминаний революционера, 1905-1923 // Меньшевики / Сост. Ю.Г. Фельштинский. Бенсон, 1988. С. 214. Скорее всего, речь здесь идет об общей поддержке позиции «беспартийности» и «независимости», предложенной в 1914 г. создателем «Современника» А.В. Амфитеатровым, считавшим, что журнал должен быть социалистическим, но не связанным тесно с одной только партией.

[250]См. Статьи Л.Н. Клейнборта: Новые течения в народной жизни: [читатель из народа] // Образование. 1904. № 5; К съезду представителей учительских обществ: (Письмо из Пскова) // Образование. 1902. № 12; Что пишут и говорят о нар. образовании // Вест. Псковского губернского земства. 1902. № 2, 4, 5;“Конец марксизма” и один из наших народников. [А.В. Пешехонов] // Образование. 1903. № 11;
Н.К. Михайловский, как публицист // Мир божий. 1904. № 6; Памяти Н.Г. Чернышевского // Образование. 1904. № 12; Б.Н. Чичерин // Мир Божий. 1904. № 9; О наших направлениях: (Сборник “Очерки реалистического мировоззрения”) // Образование. 1904, № 8; Из прошлого общества: (Рецензия на переиздание романа Н.Г. Чернышевского “Что делать”) // Образование. 1905. № 6; На боевом посту. [По поводу книги Бельтова “За 20 лет”] // Образование, 1905. № 10; «Русская мысль» и судьбы интеллигенции // Современный мир. 1912. № 10. С. 262-277.

[251]Люблинский С.Б. Книгоиздательство О.Н. Поповой //Книга: Исследования и материалы. М., 1966. С. 120-132.

[252] В марте 1907 г. в одном из писемА.В. Луначарский пишет Горькому, что «несколько немецких товарищей (между ними Каутский) обратились через меня в “Знание” с предложением издать задолго до выхода на немецком языке русские переводы некоторых новых их произведений».

См.: М. Горький и литературное движение конца XIXи началаXX веков. М., 1954; Голубева О.Д. Горький – издатель. М., 1968.

[253]Одни экземпляр находится в РГБ в Москве с экслибрисом Н.А. Рубакина и посвящением: «Глубокоуважаемому автору «Искорок».

[254] Горький М. Полн. собр. соч. Т. 7: Письма. М., 2001. С. 253, 394.

Поступаева, Б.А. Верхоустинского. В период 1909-1910 гг. Горький планировал и обдумывал свою публикацию о писателях-выучках[255].

В нашумевшей тогда статье «Максим Горький и читатель низов» Клейнборт яростно убеждал во «втором пришествии» Горького, иллюстрируя этот тезис приходом новогочитателя. «Интеллигенция из народа», по словам Клейнборта, возносит на «новую высоту певца демократии»[256]. В статье Клейнборт делал следующие выводы: «Дореволюционный читатель, относившийся со смирением и покорностью к книге, отошел в область прошлого и в деревне. На смену пришел читатель, прошедший опыт наших дней, тот же требовательный читатель, что в городе…»[257].

На формирование понятия «рабочий интеллигент» Розанов оказал определенное влияние. Как и Розанов, Клейнборт считал, что интеллигенция обычна играет (и должна играть) важную роль в общественном строе. Но в современных условиях традиционная интеллигенция несет только смуту. В отличии от Розанова, минский марксист заключал, чтона смену старого пришла новая, «рабочая» интеллигенция.

В период 1905-1914 гг. взгляды Розанова также претерпели существенное изменение. Как многие консерваторы (А. Мюллер, Ф. Леплэ, В. Зомбарт), Розанов видел общественный образец в идеализации еврейской религии. «В поле – сила, пол есть сила. И евреи – соединены с этою силою, а христиане с нею разделены. Вот отчего евреи одолевают христиан»[258].

В то же время Розанов определял лицо «Нового Времени», где М.О. Меньшиков(1859-1918) писал по нескольку раз в неделю о борьбе еврейства с христианством, где оправдывали даже самые гротескные погромы[259]. «Новое Время» к тому же было самой крупной в России газетой, его тираж в 1915 г. составил 120-130 тыс.

В своей книге о руководителе газеты Суворине Розанов писал, что в «Новом Времени» никакого антисемитизма нет, а «об евреях на столбцах газеты просто говорят шутки, и говорят о том очевидном для всех вреде, какой они наносят России и русским своим жадным стремлением захватить в свои руки всё»[260]. Действительно, публицистика Розанова все более походила на писания Меньшикова: «Скрывая или оставляя в тени тот факт, что сами евреи воистину поклоняются Молоху своего национализма, что кроме национализма они не имеют никаких других питательных духовных корней, и даже сам “Бог”, Существо всемирное и всечеловеческое, — для них есть исключительно “еврейский бог”, нимало не пекущийся о других народах и даже к другим всем народам враждебный, — евреи в то же время унижают, высмеивают и всячески выедают народное чувство, сознание своей истории и государственную гордость у французов, у немцев, у русских …как мелкие журнальные и газетные сотрудники, не выдающиеся талантом»[261].

«Перед нами, русскими, да перед всею Европою раскрылись прямо национальные ужасы иудаизма, например, в этом знаменитом учении о “гоях”. Мальчику и девочке уже 7,8, 9, 10-ти лет родители внушают, раввин внушает, именем религии своей внушает, что русские и французы — все вообще “нечисты” до такой степени, что есть с ними из одной тарелки то же, что есть из одной плошки с собакой или кошкой; что европейцы – это даже не люди, а животные»[262]. Дело дошло до того, что Розанов признавал убитого мальчика в «деле Бейлиса» христианским мучеником[263].

Особенную ярость у Розанова вызвали еврейские ренегаты, которые, подобно Клейнборту, соблазнили русских писателей, как и Горький своими сказками о пролетарским рае.

---

[255]Архив Горького. М., 1976. Т. 14. С. 71.

[256]Клейнборт Л. Максим Горький и читатель низов // Вестник Европы. 1913. № 12. С. 171-193.

[257]Клейнборт Л. Новый читатель // Современный мир. 1914. № 5, отд. 2. С. 93-115. См. также: Колоницкий Б.И. «Рабочая интеллигенция» в трудах Л.М. Клейнборта // Интеллигенция и российское общество в начале XX века.СПб.: ИРИ РАН, 1996. С. 114-138.

[258]Розанов В.В. Опавшие литья: Избранное. Нейман 1970. С. 131. См. еще: Э.Я. Курганов и Г. Мондри. Розанов и евреи. СПб.: Академический проект, 2000. Василий Розанов, евреи и русская религиозная философия. СПб: Академический проект, 2000 (в конволюте с книгой Г.Мондри «Василий Розанов, евреи и русская литература»)

[259] См.: Меньшиков М.О. Что делать евреям (1903); Шейлок и Джессика (1903) // Меньшиков М.О. Письма к ближним СПб. 1903. С. 313-328, 551-565.

[260]Признаки времени. 1912. Т. 22. 2006. С. 282-283

[261] Розанов В.В. Европа и евреи. СПб., 1914. Цит. по: Розанов В.В. Собр. соч. Т. 5. М. 2012. С. 540.

[262] Там же. С. 538, ср. с. 539: «Гои» суть «гады».

[263] Розанов В.В. «АндрюшаЮщинский» Земщина. 5 окт 1913. Сахарна. Т.9 М., 1998С.300-304

Друзья-«социалисты» Горького не русские — не Плеханов, не Лопатин, а Рутенберг и Гольденберг: «Им не много дела до русской литературы и до судьбы русского писателя, […] — сетовал Розанов, — абстрактная еврейская фразеология, без единой черточки русского ума, русского сердца. […] говорят за Горького "русские Моисеева закона"»[264].

Розанов одобрял и приводил слова литератора Н.Я. Абр**а(не:о)**мович о «Современном мире». «Современность создала совершенно особое явление литературной жизни: -- мутным и бешеным потоком хлынула в литературу улицу.». По мнению Абрамовича и Розанова, «ежемесячные кирпичи тяжеловесной и безжизненной теоретики [органа пролетарской идеологии «Современный мир»], руководимого случайными работниками, идейная и литературная жидкость которых вне всякого сомнения, совершали свое дело систематического омертвения русского читателя. Ему преподносили тенденциозные пролетарские романы и повести, наивные и фальшивые, и ежемесячную банальную фразеологию Иорданского, Клейнборта и Берлина, рупоров общих мест, затасканных мыслишек, снабжавших читателя маргарином общественного пр**о**теста и общественной идеологии. На страже художества выставлялись представители критики, за которыми можно признать все, что угодно: трудоспособность, верность общественным лозунгам, но только не живое художественное внимание к слову, но только не подлинное чувство и сознание души и формы творчества, но только не соответствующий художественный и идейный уровень.»[265]

Об этой «взаимной круговой поруке бездарности» Розанов добавляет «вся это еврейская литература в русской литературе, или, вернее, всё это еврейское предпринимательство в русской литературе… напоминает "синдикаты" и "тресты" в промышленности и торговле. Еврей охватывает литературу, захватывает голос народный»[266].

Между тем как Клейнборт и другие деятели культуры развивали белорусскую и украинскую литературу, «Новое время» видело в таком развитии опасное явление: «Они не признают себя даже малороссами, а сочинили особый национальный титул: "Украина"»[267].

6. Разрыв

Клейнборт рассказывает, что испытал сильное удивление, когда, некоторое время спустя после приятельских бесед с Розановым, бюро вырезок прислало ему фельетон «филистимлянина»: «тон проходимца»; раньше газеты украшали своими именами Пушкин, Карамзин, теперь— Клейнборт, Айзман, Юшкевич. Клейнборт передает разговор с литератором Г.И. Чулковым:

Что скажете?

Чулков бывал у Розанова, был связан с ним по кружкам, которые произвели его в мыслители, «столь же гениальные, как Ницше, а может быть и более». Он присутствовал, наконец, при нашем разговоре о моих статьях.

— Ну,— отвечал он.— Что писал Розанов о Мережковском, Минском, Блоке, Белом! Не попадалось вам?

— Припоминаю. В одном халатике сверх ничего. Не надевая кальсон?

— О Мережковском он сообщал, что он — импотент, не в состоянии исполнять своих супружеских обязанностей. О Блоке — что он женился не на Любовь Дмитриевне, а на ее деньгах.

—И это – в печати, в том самом «Новом времени», где печатаются объявления о восточных красавцах и пышных блондинках? Что же Мережковский, Блок?

---

[264] Розанов В.В. М. Горький и о чем у него «есть сомнения», а в чем он «глубоко убежден» // Колокол. 1916. 2 января. № 2892. Цит. по: Розанов В.В. Собр. соч. Т. 8. М. 2012. С. 511-512.

[265]Н.Я. Абромович. Улица современной литературы. Пг.:Памфлет, 1916. С.3, 21

[266] Розанов В. В. Московские литературные и художественные кружки // Колокол. 1916, февраль. № 2933. Цит. по: Розанов В. В. В чаду войны: Статьи и очерки. 1916-1918 гг. М., 2008. С. 100-101.

[267]МеньшиковМ.О. Быть ли России великой?(1911) // МеньшиковМ.О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 225

— Смеются. Злой же гений. Они о нем высокого мнения, несмотря ни на что. Мотивами же одной низости Розанова не объяснить. Это— столкновение двух воль — в одной стихии.

— И вы так думаете?

— Думаю. Это же человек инфернальный. Это татарские наслоения, эти остатки азиатской души не надо смешивать с его большим смыслом, с его чутьем, чутьем иррационального таланта.

— Но можно ли не смешивать? Талант, ум не могут сохраниться, когда человек копошится в грязнотцах, свободен от всех долженствований. Утрата духовного центра— самое гибельное для таланта.

— Однако, какие озарения, какие прозрения! Смотрите: вопреки всему, он в основной теме, вечной теме наших размышлений.

— Но он же едва прикоснулся к знанию, прошел мимо той философской работы, с которой связан размах мировых тем,— возражал я. Неряшливость, неосведомленность... Перец вранья...

— Отбросьте предубеждения. Одно оттолкнет Вас низостью, пустословием, другое, напротив, изумит искренностью, интимностью; тут выдает свою малообразованность, беспечность насчет фактов, дат, там блеснет таким ноуменальным чутьем, так прислушается к каким-то сокровенным глубинам, что вы руками разведёте. Вот это то оперение, эти то щекочущие догадки и привлекают так к его беспокойному уму, к его дисгармоничной натуре. Вопрос одисгармоничной натуре не так прост. Разве в Гоголе, Лескове, Достоевском не было той же полярности, разодранности, что в Розанове?

— Было.

— Вот то те. Ведь какие антраша выделывает. А какой интерес возбуждает к себе. Ни одно течение не оставляет его в покое. О нем пишут теперь больше, чем о Горьком. Человек из подполья.

— Человек из подполья... Знаете, он не только своими ужимками,— он, кажется, и своими словечками точно сошел со страниц Достоевского. До того эти словечки совпадают. Недаром «человек из подполья» — коллежский регистратор, пишущий сочинение.

— Нет,— возразил Чулков— розановщина все же не достоевщина. Конечно, у них один и тот же горб, одни и те же вывихи и изломы: словом, одни и те же «уродства души». Конечно, и тема у них одна: атеизм, материализм, Христос. Но все же рисунок у них разный. Достоевский — за Зосиму, Алешу Карамазова, за Христа. У Розанова же — «во Христе прогорк мир». Он — антихристианин. Он отрекся от такого Христа, ибо ему мил «месяц март мироздания», месяц рождения. У Достоевского лик мира двоится. У Розанова он — един. Для него мир это родильный дом, и чадозачатье есть главный мистический акт. Он теитизирует колыбельную, беременный живот.

— А вы все уцепились за эту «теитизацию»... Мережковский, Волжский же всю гениальность Розанова строят на этой глубине, бездонности пола. Розанов, выходит, через пол попал в «миры иные», а за ним и вы. Вот: связь родильного дома с гением. Но где же все те миры иные? Я их не вижу все же. Что около пола дымится что-то изначальное, первозданное, вижу и я. Но все же это для меня — физиология, простая физиология, какая бы тайна ни стояла за ней. Недаром у Розанова подчас не отличить богословия от блудословия или тайного порока.

— Нет, не простая физиология,— настаивал Чулков.— Все же и вас тянет к этой тайне, сознайтесь. Знаете что, забудьте этот фельетон, пойдем как-нибудь к Василию Васильевичу. Он же вас звал...

— Чего я там не видел?

— У него ведутся подчас беседы, которых вы нигде в другом месте не услышите.

—Нет, Георгий Иванович, я не сомневаюсь, что это загадочный ум, большой писатель. Но этот душок не для меня. Я думаю, что талант не может развернуться, когда человек сам по себе пребывает в чесотке блох. Запомните мои слова[268].

После враждебных статей Клейнборт сильно удивился, встретив Розанова, который заговорил как ни в чем не бывало.

Прошло недели три. Стоял март, тот месяц, который так восстановил Розанова против Христа. Был теплый, благолепный ранний час, когда я шел по Казачьему пер. из типографии, которая помещалась в тех местах. Вдруг чья-то рыжая бородка, золотая оправа пенсне, чья-то рука

---

[268]Клейнборт Л. Встречи. В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 д. 440. Лл.21-25

подхватывает мою.

— Рад, рад...

Я поднял голову. Что за чертовщина? Покровский...вылитый математик Покровский… Но это был не он, конечно. Это был коллежский советник Розанов.

— Откуда и куда? Вы торопитесь? — улыбается он верхней частью лица.

— Нет. А вы что тут стоите?

— Я живу здесь. Вот в этом доме. Слушайте, я иду на собачью выставку. Не хотите ли со мной вместе — а?

Всего только три недели назад он обдумывал в печати, как же это произошло, что на место Ломоносовских и Карамзиных пришли эти Клейнборты. Теперь же те же ясные глаза смотрят на меня, что в тот раз, когда он хвалил мои статьи. И мне внушает он чуть не дружелюбие: помилуйте, да он же не помнит ни о Ломоносове, ни о Клейнборте, ни о самой «Литературной беседе».

— Идем, значит? Пешком?

Я чувствую, что у меня какой то интерес к этому аморальному, но даровитому человеку вопреки тому, что он через десять минут вновь обольет меня своими грязнотцами. Я чувствую, Чулков прав: с самим собой, в своей дисгармоничной натуре он все же верен себе.

— Любите вислоухих? Может, и собака есть?— спрашивает он.

— Есть.

— Вот чудесный зверь. Какой инстинкт, какое чутье! Не то, что у нас с вами.

— У нас с вами ум, разум, наука.

— Ну, лучше инстинкт, чем эта скудность духа — отвлеченный рассудок. Всё трезвое не насыщает человеческой природы. А у вас одни измышления малосильного ума — эмпиричность понятий и сухость сердца.

Ходьба, движение возбуждает его. Он перебрасывается мыслями, переходит на игривый лад.

— Я как-то прошел мимо университетских наук. Конечно, экзамены сдавал, но вкуса к знанию не питал. Ведь непонятное вернее понятного,— замечает он.

— Вы предпочитаете непонятное понятному?

— Что такое непонятное? Вот, говорят, правда-истина, правда-справедливость. Во чтобы правда-- та ли, другая ли-- стала выглядеть правдой, надо примешать к ней лжи, и не одной лжи, но и пафос лжи. Вы это все очень хорошо делаете. Так хуже с понятным, доказуемым. Доказуемое это предмет науки. Но что знает наука? Ничего, кроме деталей, и то [**бред**]. Естественно, доказуемое рождает лишь одно: недоказуемое.

Однако, какие открытия!— Разве познание человека не безгранично?

— Нет, смысл космоса для нас закрыт, ключи брошены в глубину глубин. Сколько ни учитесь, все равно вам их не видать, как ушей своих. Сколько ни живите, умрёте незрячим. Познаваемое упрется не в непознаваемое.

— Но ежели так, где у вас бог? Выходит постройка без хозяина. Апеллировать не к хаму. Обоготворим Бюхнера, Молешотта.

— Нет, без примерного, первозданного, все же нам не обойтись, без бога нам не прожить.

— Где же он? Ведь смысл вселенной закрыт, ключи брошены.

— То для ума, для отвлечения способностей, милый мой, сердцу же воображение открыто, что бог есть. Кто этого не понимает, с тем и говорить нечего. Это самое важное, самое первое.

— Это не той же мысли раздраженье? Не могу представить себе.

— Значит у вас это засорено. Как же иначе? Вы же, атеисты, проходите мимо, ибо сами метите в человекобоги... во имя диктатуры пролетариата.

— А вы не допускаете, что человекобоги могут обнаружиться скорее, чем бог, без которого нам не прожить.

— О, да, — с живостью подхватил он— иной раз мне самому кажется, как Чаадаеву, что отечество наше газообразно, что это среда, где вы можете превзойти сверх всяких ожиданий. Тогда Косари станут человекобоги.

—А остальные?

— Остальные станут стадом. Лишь тогда вы увидите, что значит подчиниться навсегда... во имя всеобщего счастья. Это уже будет, действительно, без бога. Недаром вы уверяете, что профессионал революции еще жив, еще горд своей мечтой о будущем.

Но мы уже подкатили к выставке. Она изобиловала всеми породами собак, и мы с

интересом, с живым чувством обозревали ее. В особенности он, Розанов, все время столь любовавшийся на самок.

— Глядите, сосцы то, сосцы то,— восклицал он с причмоком чувственных губ. — Тоже подательницы жизни. Я каждую напутствую престижным знамением...

Мы тут же распрощались с ним[269].

7.Тюрьма

Клейнборт рассказывает, что минуло еще с месяц, и опять вырезка из бюро, опять статья Розанова из «Нового времени». Но на этот раз смысл фельетона гораздо острее. Здесь он уже науськивал на Клейнборта органы прокуратуры, хотя и не прямо, но очевидно призывал к расправе с распространением нелегальной литературы через издательство О.Н. Поповой: «Конечно, не прошло и нескольких дней, как против издательства возбуждено было судебное преследование... Я был вызван к следователю. Что мне бросилось в глаза прежде всего, это статья Розанова, лежавшая на следовательском столе. Было очевидно, что следовательский гнев пал на меня именно после фельетона Розанова. Когда же мне было формулировано обвинение, то я убедился, что даже в формулировке обвинения сыграл роль фельетон «Нового времени»: мне было объявлено обвинение в призыве к террору»[270].

Клейнборт был арестован в 1908 г. за редактирование изданий О.Н. Поповой, так что здесь помять ему изменяет. При этом Клейнборт имел богатый опыт такого рода. В 1903 г. в мае он был арестован по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1906 г. в квартире Клейнбортов был найден типографский шрифт, и его жена была арестована. В 1907 г. Клейнборт был арестован на Финляндском вокзале (с того времени он нелегально проживал в Финляндии). Следующее тюремное заключение в 1908 г. — за редактирование изданий О.Н. Поповой, в 1910 г. — «по литературному делу». Клейнборт был заключен в «Спасскую часть», но затем выпущен без допроса, хотя проживал нелегально. С января 1908 г. по январь 1909 он отбывал наказание в Крестах по приговору судебной палаты, по 129 статье. В 1909 г. он вновь был приговорен на год судебной палатой с обвинением в пропаганде социал-демократических идей[271].

О какой статье идет речь, тоже не очень понятно. Действительно, после 1911 года Розанов стал бить тревогу по поводу еврейских революционеров. «Двадцатишестилетний еврей социал-революционер [Д.Г. Богров] – только исполнитель приговора еврейства и социализма. Вот они, полувековые смертельные враги России, распинатели государственных людей ее... Россия для них, — да и не Россия одна, а все западноевропейские страны, — tabularasa, чистый лист бумаги, где эти маньяки и злодеи чертят свои сумасшедшие воздушные замки. Социал-демократию и еврейство Россия должна взять в железо: это обязанность ее правительства, об этом нравственный крик ее населения»[272]. «Они (евреи) не хотят примириться с главенством великорусского племени; не допускают мысли, чтобы оно выдвигалось вперед в руководящую роль. Им мало того, что торговля, промыслы и ремесла частью перешли и все более переходят в их руки; перешли к ним хлеб, леса, нефть; им хотелось бы вообще разлиться по лицу Русской земли и стать над темным и, к несчастью, малообразованным населением в положение руководящего интеллигентного верхнего слоя. Этой вековечной и жадной мечте политика П.А. Столыпина, везде отстаивавшего первенство русского племени, стояла поперек горла. Вот мотив злобы, исступления и злодеяния»[273]. Розанов призывал не разрешать возвращаться в Россию скрывавшимся за границей от преследований властей революционерам[274].

Судя по словам белорусского революционера, газетные суждения могли оказывать

[269]Клейнборт Л. Встречи В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 ед. 440. лл.24-28.

[270]Клейнборт Л. Встречи В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 ед. 440. Л.29

[271]Клейнборт Л. Н. Автобиография. Беларускі дзяржаўны архіў- музей літаратуры мастацтва. Ф. 157. Оп. 1. Д. 16.

[272] Розанов В.В. К кончине премьер-министра // Новое время. 1911. 6 сентября. № 12746. Цит. по: Розанов В.В. Террор против русского национализма: ст. и очерки, 1911 г. Т. 21. М. : Республика, 2005. С. 222-225.

[273]Розанов В.В. Террор против русского национализма. (Новое время. 1911. 4 сентября. № 12744). Цит. по: Розанов В.В. Террор против русского национализма. М. 2005. С. 218-219.

[274]Розанов В.В. Не нужно давать амнистию эмигрантам. (1913) // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе. М. 1996. С. 596-600.

действие на судебный процесс. Например,Клейнборт вспоминал заседание особого присутствия санкт-петербургской суд палаты, по приговору которого он отбывал год крепости в "Крестах"(скорее всего речь идет о 1908 году.).

Как редактор издания "Темы жизни", я обвинялся, помимо возбуждения стачк**и**(е), по террористическому 4 п. 129 ст. за то, что автор инкриминируемой мне статьи характеризовал Степана Халтурина эпитетами "доблестный" , "смелый" "честный". Казалось бы, помимо состава преступления, следовало считаться с действительным смыслом этих эпитетов. Но напрасно мой защитник М.В. Беренштам указывал, — представляя в качестве официального выразителя взглядов С.Д. партии на террор, статью В.И. Засулич, — что редактор социал-демократического журнала не может сочувствовать террору; что, если так, то и автор известного стихотворения "У порога", посвященного И.С. Тургеневым Софье Перовской, давно должен был быть обвинен по 129 ст., напрасно он приводил цитаты из моих статей, где я категорически высказывался против террора. На все это пред. суд палаты Крашенников ответил коротко:

Какая связь между г. Клейнбо**р**том и Верой Засулич?

В результате один год тюрьмы… В возбуждении к стачке, по-видимому, как социал-демократ, я был оправдан. За 4 п. — осужден![275]

Особое влияние оказали статьи «Нового времени», направленные против еврейских революционеров. По этому поводу Клейнборт писал:

Дело 200.000 рабочих, дело Совета Рабочих Депутатов одним взмахом пера было сведено к "делу Носаря, Вайнштейна, Фейта, Кнунианца и комп." той злополучной группы "агитаторов"… Цель ясно: необходимо стереть ту целостность, которую успел приобрести в глаза масс "рабочий парламент", тот основной принцип, который лежал в основе всех проявлений организации — принцип полного демократизма; представить дело так, точно вся "ответственность" за действие Совета лежат на кучке заговорщиков, этих "героев горьковского "Дна"", вынесенных на поверхность политической жизни со свей остальной политической мутью"-- как писал "Новое Время" б.м. рукою г. Рачковского,-- тех "троглодитах революции" которые "едят в зале суда" "стараются быть погрубее".. Нужны ли здесь люди более подходящие, чем инородцы! И вот из трех десятков томов, обвиняемых, и, прежде всего, происхождению Носаря, фамилия которого, по мнению "Нового Времени", высказанному в свое время, звучит как будто по-еврейски: "Носсель". И вот из 500 имен, — не говоря уже о рабочей массе, — подбираются все штейны, берги, анцы, янцы ..[276]

По словам Клейнборта он обсуждал скандальную статью Розонова с литератором Г.И. Чулковым.

Опять пришел ко мне Георгий Чулков. Я показал ему фельетон.

— Видели?

— Видел,— махнул он рукой.

— Что скажете? Может ли уделять талант, когда человек сам по себе запечатлен переживаниями такого порядка, свободен, от всех долженствований?

— Что скажу! Гадость!

— Ведь вот хватал за фалды, заглядывал в глаза. Трудно, видите ли, говорить правду в глаза правительству, но труднее говорить правду революционерам. Так вот он говорит правду и тем, и другим, славословит и виселицу, и казнь Плеве. Наследник Страхова!

— Да, кончит плохо,— уже сдавался Чулков. — Похоже на то. Всему есть предел. Этот авантюризм все более отталкивает от него тех, кто так высоко его ценит, так рекламирует в большой прессе. Хуже всего эта паучья манера. Прикинется чем-то перед кем-то, попадет в тон, и потом — когда вы с глаз долой, а он на своем местечке — размахнется, обольет помоями, покажет вам язык. Это то, что Достоевский от их метко схватил в своем Свидригайлове,Волковском. Этакой иррациональный авантюризм.

— Ну, Свидригайлов, ну Волковском, — возразил я.— Это большие характеры. А Розанов что? Учитель гор. Ельца или Бельска.

---

[275]Клейнборт Л.М. "Политические" в царствование Николая II. ИРЛИ ф. 586. Д.452.л. 79

[276] Там же.лл.21-22

— Что ж что учитель?

— Знаете, есть такие заштатные городки. В такой вот Тмутаракани кончал я среднюю школу, и был у нас такой математик Покровский... Одна из тех аномалий, которые встречаются лишь среди учителей среднего русского города. Так вот когда я вижу Розанова, мне мерещится этот Покровский... Понимаете, точно это двойник Покровского... До галлюцинации...

— Однако, Покровский остался математиком, не стал Розановым.

— Не спорю. Но я говорю о человеке, не о таланте. Те же ужимочки, то же золотое пенсне. Конечно, это Покровский, одаренный замечательным чутьем, инфернальным талантом, но все же Покровский. Тот же мелкий бес Бельска и Брянска. Где он учительствовал столько лет?.. Что же это не бывает? Ночью — инфернальный гул, озарения и прозрения, как говорите вы, а днем — «Новое время», сосцы, «Левке, Колькину сыну, анафема...» Ночью Мефистофель, а днем— Передонов, тоже учитель среднего русского города.

— Но Розанов же отрицает, что он Передонов[277].

— Ну, тогда без гвоздей... математик Покровский...[278]

8. Последняя встреча

Л. Н. Клейнборт был судим, обвинен за «призыв к террору», как редактор издательства О.Н. Поповой, и приговорен к одному году крепости. Но приговор этот покрывался приговором другим, который был ему вынесен ранее и отбыт. И от наказания Клейнборт был освобожден (скорее всего в 1910 г.)

В это время, вернувшись как-то со станции Сиверской — я очутился на Варшавском вокзале. Вхожу в буфет, хочу сесть за столик — смотрю, неподалеку от меня расселись Федор Сологуб, А.Н. Чеботаревская, П.Е. Щеголев, В.В. Розанов, Евгений Аничков с женой.

— Куда или откуда?— приветствовала меняЧеботаревская. Идите к нам.

Оказывается, сошлись они все на вокзале, провожая кого-то за границу и теперь справляли поминальные. Несколько бутылок уже было опорожнено.

Разговор шел о последнем рассказе Ремизова «Крестовые сестры», напечатанном в сборнике издательства. Аничков, в ту пору профессор литературы, литературный критик модернистского оттенка, хвалил художественную цельность «Сестер», но не это занимало его; его занимали самые темы Розанова; его подполье, его мрачный юмор, загадочный смех, от которого сердце сжимается.

— Согласитесь, невозможно не ценить его мастерство, но и полюбить этот талант нельзя. От него путь один: вниз головой за мостовую. Бурков дом же для него весь Петербург да и вся Россия. Что ни говорите, есть тут какая-то бредоваяподоснова стирание того, что нельзя попирать.

— Горького побаиваетесь?— усмехнулась Чеботаревская

Аничков находил, что Ремизов заводит в слишком опасные места подполья. Откуда этот сладострастный интерес к изъянам человеческого характера, человеческой психологии.

— Право, человек не так страшен,— заключил он.

— Знаете, Евгений Васильевич,— сказал Щеголев.— Я почитаю человечество. За него я когда-то проехался на Север; за него потом отсидел несколько лет в Крестах. Вы это знаете. Но право, чем больше люблю человечество, тем меньше люблю отдельных людей. Нужно прямо сказать: человек много ниже своих изображений в литературе.

- Вот что верно, то верно,— поддержал его Сологуб. — Если бы каждый из нас стал рассказывать о себе это, что он прячет от постороннего глаза, а то и от самих себя, всю он верпу, все психозы, всё, что врожденно ему, то мы еще не то услышали, что слышим от Розанова, от Сологуба. Конечно, для этого нужна смелость, обнаженность большого человека. Но дара обнажаться никто не проявляет и мы предпочитаем Горьких и Короленок.

— Уж будто все мы так таки Передоновы?— возразил Аничков.— Я как нельзя более высоко ставлю это преломление, но все же это лишь преломление, и то преломление, вынесенное

---

[277]См. Розанов Бедные провинциалы…(Новое время 1910. 11 июня № 12300). О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. с. 443-448.

[278]Клейнборт Л. Встречи В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 ед. 440. Лл.30-32.

в декадентской душе, декадентским воображением.

Розанов, до сих пор не проронивший ни слова, сверкнул очками, коленки его зашевелились.

— Нет, это не декадентское преломление. Обратите внимание, как живуч этот тип в жизни. Это поистине корни человеческие. Никакой мор, никакой «прогресс» их не берет, точно сама природа их охраняет.

— Чем же вы это объясняете?— спросил Щеголев.

— Очевидно. Человек с незапамятных пор прошел сплошную цепь психозов, неврозов, атавизмов, преступности. Процессы вырождения сопутствуют ему на всех стадиях его развития. Когда изучаешь внимание на ту анормальность, извращенность, от которых человеку приходилось отбиваться тысячелетия. Значит, ключи к характеру, хотя бы и к нормальному, спрятаны в клинике.

—Что же вы, как Щеголев, — усмехнулся Аничков, — чем более любите дальнего, тем менее переносите ближнего?

— Нет, в отвлеченной любви к дальнему больше любви к самому себе.

— Так что ни ближнего, ни дальнего, Василий Васильевич?

— Во всяком случае, предпочитаю ближнего. Ведь дальнего я не увижу. Едва ли он хотя бы на могилу придет, когда я буду покоиться в земле. Что мне до будущего, до будущей жизни! Нет, уж лучше тогда любить ближнего.

— Но ведь и ближнего любить, как он есть, нельзя. Ключи к нему в клинике. И переделать его нельзя, ибо за ним тысячелетия: все психозы и неврозы.

— Тогда жить для себя, как живет всё живущее вековечно.
Совсем люди не так плохи, чтобы нуждались в идеях о всеобщем счастье. В них достаточно инстинкта самосохранения, чтобы подумать каждый о самом себе.

Все уже вставали. В это время Розанов, прощаясь, подошел ко мне.

— Рад, рад,— сказал он, подавая мне руку. — Я спрашивал про вас Георгия Ивановича.

Знакомая мне дружелюбная линия была в его лице.

— Чему рады?

— Видеть вас...

— Прежде чем я сел в Кресты?

На губах его заиграла вопросительная улыбка. Он, в невиннейшем виде, забыл про свой фельетон.

— Как так?

— Да так...Благоволите вспомнить свой фельетон об издательстве О.Н. Поповой. Я видел этот фельетон у следователя на столе.

— Ну и что же?

— Получил год крепости... по этому фельетону.

Все знали об этом деле. Издательство О.Н. Поповой было одной из виднейших издательских фирм 90-900х годов.

— Ой,ой,ой!— сказал он с той добротой, от которой не становится веселее.— Я вам повредил. Поверьте, у меня не было такого умысла. Я знаю— я делаю свинства в печати. Но ничья беда мне не представляется как моя радость.

Я уже стал уходить, но он задержал мою руку.

— Мы же в разных лагерях. Я считаю, что нужно бить по политике. Раз политика против религии, искусства, государства, значит, надо ее добить...
Я знал эту ничего не стоящую наивность.
[...]

Общение наше тогда же оборвалось. Встретились мы как-то с ним лицом к лицу и не поклонились — ни я ему, ни он мне. Разошлись, как в море корабли. И с тех пор не кланялись уже друг другу, хотя встречались.

Потом, уже много лет спустя, я рассказал историю этого знакомства М.П. Неведомскому. Неведомский мне сказал:

— Знаете, точно так же подошел он как-то ко мне. Подошел, вошел в тон. Все с той же паучьей манерой. Но едва мы разошлись, высунул мне язык в «Новом времени».[279]

---

[279]Клейнборт Л. Встречи В.В. Розанов. ИРЛИ Ф. 586 4 ед. 440. Лл.34-38

9. Последняя оценка

Клейнборт заключает свои «встречи» довольно злорадно: «Не знаю, рожден ли был Розанов “неладно”, но умер он действительно неладно, оставшись “без места в мире”»[280].

Однако позже в своей истории русской литературы в главе «Вырождение идейного консерватизм» Клейнборт дает Розанову другую, более положительную оценку:

Предреволюционные годы отразились и на консерватизме, как направлении, на идеологии «Гражданина», «Русского вестника», «Московских ведомостей».

Еще раньше консерватизм кончился, как идеология... Если консервативный журнал был не нужен в 80-ые годы, то кому он мог быть нужен теперь? Какие теоретические вопросы мог ставить? Однако, и охранительное направление с ростом революционного движения принимает напряженный характер.

Правда, политическая форма движения – борьба за конституцию – еще затушевывала прямой смысл революции — уничтожение дворянства в интересах развития капитализма. Но аграрные бунты, пылающие усадьбы помещиков уже бросали свет на него. Правда, контрреволюция собственно связана с 1905-м годом. Но уже теперь образовались все организации правых – и «Русское Собрание», «Русская монархическая партия» и «Союз русских людей». И правым толчок дал день 9-го января и начавшаяся после него мобилизация оппозиционных и революционных сил, с разлившимся по всей стране массовым движением. Они уже видели, что компромисс уже невозможен; что надо стать на ту или на эту сторону. До тех пор достаточно было государственной казенщины, культа Каткова и департамента полиции, теперь этого [было] мало. Идея самодержавия нуждалась в романтическом покрове, в оживлении идейно-литературных традиций.

И вот и здесь видим мы мобилизацию интеллектуальных сил. Тут Грингмут и Крушеван, кн. Мещерский и Шарапов, В. Величко и Н. Энгельгарт. Борис Никольский открыл «Кружок русских студентов», положивший начало академистам. Но где взять сил?

Все, чтоГрингмут мог сказать, это то, что даже «излюбленный лозунг наших славянофилов: народу мнение, царю власть — не выдерживает самой снисходительной критики», ибо «самодержец есть представитель и единственный представитель своего народа». Все, что в состоянии был сказать Сергей Шарапов, это: уничтожьте евреев! «Еврей – писал он в своем «Русском деле» останутся вечными и непримиримым врагами самодержавия, ибо оно сразу парализует их усилия покорить себе Россию». Ни Грингмут, ни Шарапов, ни даже… Лев Тихомиров никаких творческих задач ни состоянии были ни ставить, ни решать. Правда, еще был жив К.П. Победоносцев… основные устои западноевропейской культуры и государственности были таки посрамлены «национально-русским идеалом». Но Победоносцев уже был стар.

При таких условиях был лишь один человек, на которого этот лагерь мог взирать с надеждой и упованием. Это был В.В. Розанов – несомненно, оригинальный мыслитель, достойный преемник Достоевского и Константина Леонтьева, от которых он шел.

Кто мог возбуждать большие надежды, чем этот писатель? Начал он свою карьеру в «Московских ведомостях», обнаружив славянофильскую окраску… «Новое время» «Русском Вестнике». Это был синоним изуверства.

И в то же время это была сила, глубоко оригинальная.

Казалось бы, у кого было искать еще оправдания падающего царизма? Однако, сей «единственный» поднял знамя восстания в своем лагере, грозя взорвать самую крепость консерватизма. …

Катков, который «вымел» и славянофильство, и западничество, и все задачи жизни вел к консервативной сытости», уже был «мал» для Розанова. Розанов не хотел быть «сытым». Отсюда его протест против казенщины, т.е. поистине блестящие страницы, которые имели место в его «Сумерках просвещения».[281]

---

[280] Дочь Розанова Татьяна Васильевна записала: «В 1923 г. кладбище при Черниговском монастыре было срыто и […] могилы К. Леонтьева и В.В. Розанова – уничтожены. [..] памятник [..]разбит в куски.. крест[. ..] сожжен». Цит. по: Николюкин А.Н. В.В. Розанов. М.: Знание, 1990. С. 61.

[281]Клейнборт Л.«Очерки общественно-литературных направлений.»ИРЛИ Ф. 586, д. 450 Л. 154-159

Заключение

Данная статья демонстрирует неудачную попытку сформировать коалицию между русскими левами и консерваторами. С тех пор эта история повторилась многократно. В наши дни либеральный блогер Алексей Навальный стремился найти союзников среди националистов-оппозиционеров, даже участвуя в «Русском Марше». [282]

Эти старания, сначала, имели некоторые положительные результаты. В частности, был сформирован «коалиционный совет» с участием известных либералов и консерваторов. Своеобразным итогом этого сотрудничества является любопытная беседа между Александром Прохановым и Навальным на радиостанции «Эхо Москвы».[283]

Но, подобно союзу левых с консерваторами в эпоху первой русской революции, современная коалиция быстро распалась. Видные консерваторы встали на сторону власти, поддержав Путина, и Проханов объявил Навального «национальным предателем», заставив вспомнить историю взаимоотношений Розанова и Клейнборта[284].

---

[282] Навальный, Акунин и «Русский марш».
http://slon.ru/russia/navalnyy_akunin_i_russkiy_marsh-1014016.xhtml

[283] А. Проханов. Перехват. 3 Сентября 2013,
http://echo.msk.ru/programs/interception/1148518-echo/

[284] А. Проханов. 28 ноября 2013 «Интеллигенция: кто она»
http://zavtra.ru/content/view/intelligentsiya-kto-ona/

Смирнова Т.М. Евреи из Белоруссии в Ленинградском Белорусском Доме просвещения

Многонациональный Санкт-Петербург во все времена был притягательным центром для представителей разных регионов страны, предоставляя широкие возможности для самореализации в различных социальных сферах, прежде всего в образовательной и профессиональной. В Ленинграде готовились кадры специалистов для всех республик СССР. В советский довоенный период в городе работали 11 национальных Домов просвещения, обеспечивавших этнокультурную поддержку белорусам, венграм, евреям, латышам, литовцам, немцам, полякам, татарам, украинцам, финнам, эстонцам, а также многонациональный Дом народов Востока, проводившем работу с тридцатью национальностями Кавказа, Закавказья, Средней Азии – временным и постоянным населением Ленинграда.

С целью материальной и этнокультурной поддержки студентов-«националов» создавались землячества, получающие финансовую помощь из соответствующих республик. Одновременно такие землячества осуществляли контроль за учебой и общественным поведением своих членов и поддерживали связь с республикой. В 1927 г. в Ленинграде было создано Белорусское студенческое землячество (Белстудземлячество) с филиалами в разных вузах и техникумах. В 1931 г. этих филиалов было 9, в 1933 – 16, в 1936 – 30 с общим количеством студентов 1415 чел.[xxvii]В это время белорусские студенты учились в следующих вузах и техникумах Ленинграда*: Ленинградский государственный университет, Институт точной механики и оптики (ИТМО), четыре педагогических института – им. Герцена, им. Крупской, им. Покровского и областной им. Бубнова, Ленинградский Институт философии, лингвистики, истории (ЛИФЛИ), Химико-технологический институт (ЛИХТ), Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет (ВКСХУ) им. Сталина, Институт по борьбе с вредителями сельского хозяйства иИнститут механизации сельского хозяйства (социалистического земледелия), позже – Ленинградский сельскохозяйственный институт (ЛСХИ), Институт советской торговли (ЛИСТ), Институт внешней торговли, Автодорожный институт (ЛАДИ), 1-й и 2-й медицинские институты, Ветеринарный институт (ЛВИ), Ленинградский текстильный институт (ЛТИ), Горный институт, Ленинградский электротехнический институт связи (ЛЭИС), Институт изобразительных искусств (б. Академия художеств), Лесотехническая академия (ЛТА), Холодильный институт, Планово-экономический институт, Финансово-экономический институт (ЛФЭИ), Ленинградский институт путей сообщения (ЛИПС), Политехнический институт, Коммунистический политико-просветительный университет им. Н.К. Крупской (Комвуз Крупской), Институт иТехникум сценических искусств, Автодорожный техникум, Индустриальный техникум торфяной промышленности (ЛИТТ), техникумы по труду и кадрам, индустриальный, торгово-товароведный, коммунальный, гидрометеорологический, авиационный и др.[xxviii]

Земляческий принцип предполагает объединение выходцев из одного региона, независимо от их национальности, поэтому в официальных документах Белстудземлячества указывалось: «студенты белорусы» – то есть из Белоруссии. Значительная часть документации землячества велась на белорусском языке, в красные уголки вузов и студенческих общежитий поступали белорусские газеты и журналы – напр., «Звязда», «Полымя», «Дубочак»[xxix]. Но в составе землячества было много студентов-евреев, указывавших свою национальность в различных списках и анкетах, при этом иногда использовалось непривычное обозначение национальной принадлежности – еврей-белорус.

В 1935 г. в Институте точной механики и оптики училось 12 евреев из общего числа 20 студентов, «родившихся в БССР и имеющих связь» [с ней – *Т.С.*]; в Электротехническом институте связи – 15 из 57 (причем 15 чел. из общего списка не указали свою национальность); среди 33 студентов Белорусского отделения драмы и Белгоскино в Техникуме сценических искусств (ТСИ) семеро – евреи и т.д. Уполномоченными филиалов, членами или кандидатами их бюро были М. Певзнер, Л. Вонгольд и Е. Метрак (Пединститут им. А.И. Герцена), В. Локшина и Я. Красник (ЛИТМО), Е. Иоффе (ТСИ), А. Залманов и М. Баркаган (Торфотехникум), Каган (Коммунистический сельскохозяйственный университет им. Сталина) и др.[xxx]

Землячество тесно сотрудничало с Белорусским Домом просвещения.В этот период Белорусский домпросвет входил в состав Комбината нацдомпросветов на ул. Некрасова, 10, где одновременно работали еще несколько ДПР, в том числе Еврейский. Однако студенты-евреи из Белоруссии принимали активное участие в жизни именно белорусского культурно-просветительного учреждения, входили в его актив и даже штат, а также руководили несколькими

школами политграмоты для белорусских рабочих на предприятиях Ленинграда. Естественно, что политико– и культурно-просветительная работа Белорусского ДПР велась преимущественно на белорусском языке, а художественная – и на белорусском материале.Так, в программу струнного и хорового кружков входили некоторые классические произведения, русские народные песни, несколько революционных песен, но основу составляли белорусские мелодии, в частности, песни «Ветер ходит у ворот», «Циня дудка моя», «Бульба», «Пришло лето красное», «Лявониха», «Лугам зелененьким», «Полька-Янка», «Пастуша», «Хлопец пашанькупахае», «Напишу письмо дружку», «А у полі верба», «Зяленыдубочак», «Чернушечка», «Я табун сцярагу»» и др.[xxxi]

В работе Белорусского домпросвета активно участвовали не только евреи-студенты, но также евреи из числа рабочих и служащих ленинградских предприятий и учреждений, преимущественно выходцы из Белоруссии.По анкетам и спискам членов художественных кружков ДПР, указавших свою национальность, можно назвать некоторые имена. Это члены струнного кружка, потом ансамбля народных инструментов: Веньямин Аркадьевич Коган, «еврей из Белоруссии», комсомолец, рабочий завода № 77; С.И. Левин, беспартийный, рабочий завода им. Сталина; Р.О. Раскина, беспартийная, служащая объединения «Медсантруд»; Кац, комсомолец, студент ЛОПИ.[xxxii]В хоровом кружке участвовали Е. Ленская, комсомолка, студентка Политехнического института; Е.Н. Левкович, комсомолка, учащаяся; А.Д. Брискина, «еврейка-белоруска», беспартийная, студентка Ленинградского гидрометеорологического техникума; Т.А. Клемкер, комсомолец, рабочий фабрики-мастерской на Лиговке, 38; Г.И. Миневич, комсомолец, рабочий завода «Русский дизель». Старостой хорового кружка была Софья Моисеевна Стерензат, беспартийная, студентка ЛИФЛИ.[xxxiii] Но самой большой популярностью среди посетителей домпросвета разного возраста пользовался драмкружок, некоторое время работавший как драматическая мастерская. Здесь занимались 21-летний Марк Наумович Гуревич, служащий фабрики Истехкож, назвавший себя *«еврей (белоруск.)»;* служащая 49-ти лет Мария Романовна Грейс, драмруководитель «красного уголка» при ЖАКТев Саперном пер., 5, указавшая свою национальность как «*евр. бел.»*; 19-летняя БусяАльтшуллер с завода им. Сталина – «*еврейка нар.белорусс.»;* комсомольцы Эмма Леопольдовна Кугель, служащая СмольнинскогоРайжилсоюза; Леонид Фридман, студент ТСИ; Г.З. Эрдман, рабочий участка спецработ; А.С. Зильберборт, работница завода им. Кулакова; Елена Захаровна Шахнович, работница завода «Красный инструментальщик»; Р. Ровикович, студентка ЛСХИ; А.Г. Залманов, студент ЛИТТ; беспартийные Любовь Яковлевна Елькина, служащая, завод № 8; М.А. Фродзина, домашняя хозяйка. Некоторые участники драмкружка писали свою фамилию и имя по-белорусски и определяли свою национальную принадлежность «*яўрейбелар.*», как, например, комсомолец, рабочий завода им. Ленина Кагановіч АляксейЗахароў, беспартийный, сотрудник киностудии «Белгоскино», находившейся в Ленинграде, АльтшулерБарыс, кандидат ВКП(б), мастер (название предприятия неразборчиво) Марковіч Семен Маісееў.[xxxiv]

С 15 декабря 1934 г. по 1 августа 1935 г. в Белорусском ДПР работал руководителем концертной бригады студент Ленинградского ТСИ, уроженец Витебска Марк Григорьевич Фрадкин. М. Фрадкин окончил в Витебске политехникум, работал два года на швейной фабрике «Знамя индустриализации» инженером по технике безопасности, а затем поступил в 3-й Белорусский государственного театр (Гомель), откуда в 1934 году, в возрасте 20 лет, был направлен на учебу в Ленинград. Как имеющий опыт работы в театре, он был принят сразу на второй курс Техникума сценических искусствна Моховой, 34. По этому же адресу находилось и общежитие, в котором проживал студент Фрадкин (кв. 10, ком. 9, позже – кв. 11, ком. 4). [xxxv]

Всего в нескольких кварталах от техникума и общежития располагался Комбинат нацдомпросветов с Белорусским и Еврейским Домами просвещения. Марк Фрадкин устроился на работу в Белорусский ДПР, куда был зачислен согласно приказу № 39 от 18 декабря 1934 г.: «Принять на работу [в] Бел. ДПР на должность руковода концертной бригады т. Фрадкина М.Г. с оплатой зарплаты 150 руб. в месяц. На работу зачислить тов. Фрадкина с 15 декабря 34 г. Выплату производить из спецсредств. Испытательный срок 2 недели». [xxxvi]

Концертная бригада называлась также Ансамблем белорусской песни под управлением Марка Фрадкина. Коллектив состоял из 12 человек – 5 белорусов и 7 евреев, причем большинство членов бригады составляли студенты Белорусского отделения ТСИ: сам Марк Фрадкин, Ефим Захарович Иоффе (староста коллектива), Леонид Маркович Фридман, Юдифь Самойловна Гальперина, Софья Самуиловна Болитер, Борис Михайлович Левин, З.В. Курденок, С.А. Козлов, солистка Валентина Михайловна Трус (выступала под псевдонимом Смелая).[xxxvii] Репертуар бригады состоял из народных белорусских песен и плясок, а также произведений белорусских

писателей (скетчи и художественное чтение). Программа одного из концертов ансамбля состояла из вступительного слова и трех музыкальных частей: «белорусские примитивы (соло)» в исполнении В. Смелой, выступление ансамбля песни и народный белорусский танец «Лявониха». В. Смелая пела народные песни «Ох, ці мне ох», «Я табун сцярагу», «Свецімесячык», «Хлопец пашанькупахае», «Сваток». В ансамблевом исполнении звучали «Зяленыдубочак», «Каля плоту крапувушка», «Шесцьдзёнмалацiла», «Ой зялена», «Ой рана на Ивана», «Прыпеўкі», «Чернаморец», «Полька-Янка», «Ой загуду, загуду» и советская песня «Партыякліча». Весь вечер у рояля – М. Фрадкин. [xxxviii]Таким образом, получаемые в техникуме знания и навыки сценической интерпретации белорусской культуры отрабатывались на практике в Белорусском ДПР.

М. Фрадкин был внесен и в список лекторов Белорусского ДПР 1935-1936 гг. Но приказом от 7 августа 1935 г. подводится черта под работой студента Фрадкина в ДПР: «Ввиду того, что руковод концертной бригады т. Фрадкин М. не вернулся из отпуска своевременно на работу, считать его с 1 августа с.г. уволенным».[xxxix]*

Интересный пример двойной национальной идентификации демонстрирует Залманов Шмерка Генухович (в других документах стоят инициалы А.Г. или Ал. Гр.), 1917 года рождения, еврей, «сын колхозника», место рождения м. Василевичи Речицкого района БССР, член ВЛКСМ, член Союза Торфяно-сланцевой промышленности, образование «среднее незаконченное», учащийся Ленинградского Индустриального торфодобывающего техникума, невоеннообязанный, проживал в общежитии по адресу Моховая ул., 40, ком. 16. Одновременно с учебой в техникуме он работал массоргом Еврейского домпросвета (с 10 ноября 1934 г.), а от Белорусского ДПР – руководителем школы политграмоты рабочих-белорусов 1-го Жилгородка «Экспортлеса», членом Культполитсоветадомпросвета и нацменуполномоченным в своем техникуме. Еще в мае 1934 г. «за хорошую постановку работы на периферии, в особенности в порту «Экспортлеса» студент Залманов был награжден грамотой Белорусского ДПР.[xl]

В конце декабря 1934 г. в рамках кампании по аттестации руководителей политшкол Ш. Залманов был направлен в Смольнинский райком ВЛКСМ с целью «проверить его в объеме программы по политграмоте Обкома и Горкома ВКП(б)». Резолюция гласит: «Т. Залманов проверку прошел. Руководить школой может, но с обязательным посещением Пропсеминара [пропагандистского – *Т.С.*]. 27/I – 35 г.»[xli]

В праздничном приказе по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции за подписью заведующего Белорусского ДПР от 10 ноября 1935 г. говорится: «Тов. Залманов А.Г. за хорошую постановку работы в 1-м городке «Экспортлеса» среди рабочих белорусов, выражающуюся: в организации полит-школ и проведении занятий в них, в проведении докладов и бесед на полит-темы, кроме того за активное участие в организации кружков самодеятельности ДПР, премировать его в сумме 75 руб. с спец. средств».[xlii] В 1936 г. фамилия Залманова фигурирует как лектора и «руковода политграмоты» и в Еврейском, и в Белорусском домпросветах.[xliii]

Приведенные примеры свидетельствуют об особенностях этнокультурного поведения евреев из Белоруссии в Ленинграде: преимущественно региональной (белорусской), двойной (еврейско-белорусской) или этнической самоидентификации.

Список докладов, прочитанных на конференциях 2012–2014 гг.

20-я конференция, посвященная памяти Виталия Скалабана и 20-летию установления дипломатических отношений России и Белоруссии. 15 июня 2012 г.

Линден И. Л. Двадцать лет дипломатических отношений и двадцать лет культурного сотрудничества России и Белоруссии.

Савченко Д. Е. Интеграционные процессы и российско-белорусские дипломатические отношения.

Суша А. А. (Минск). Факсимильное издание книжных памятников: возможности белорусско-российского сотрудничества.

Ханевич М. Д. Путешествие Янки Купалы из Санкт-Петербурга в Иматру (1910 г.).

Баннай Т. (Токио). Один японец в Белоруссии в 1928 г.

Миронович А. (Белосток). Культ Васьковской Богородицы в Белоруссии.

Вертель Е. В. Будущее Белоруссии и русский язык.

Кибинь А. С. Гора Миндовга: история легенды.

Жемайтис С. Г. Неизвестные страницы истории Полоцкой епархии: иерархи в XIII–XIV веках.

Кирейчук Э. (Белосток). Рукописные собрания библиотеки Супрасльского монастыря — культурное наследие разных народов.

Герасимова И. В. Стиль хорового письма виленского партесного композитора второй половины XVII — начала XVIII века Арсеня Цыбульского.

Антонов В. В. Умолчания и искажения исторического дискурса (на примере эпохи войны 1812 г.).

Сапожников А. И. «Чудесное спасение» (маршал Ней после сражения под Красным).

Ткаченко М. И. Война 1812 г. в белорусском искусстве: триумф и поражение.

Виноходов Д. О. Загадки Яна Барщевского: Ян, отец Яна.

Чернышева Н. С. Местечки литовско-белорусских губерний XIX и начала XX века (количество, юридический статус, социальный состав населения).

Кнорринг В. В. «Штамт фун Вайсрусланд» (еврейские педагоги начала XX века и Белоруссия).

Павлючук У. (Белосток). Епископат Новогрудско-Гродненской епархии в межвоенный период.

В рамках 20-й конференции состоялась презентация книги Г. Харитонюк-Михей «Obrzęd dziadów w dokumentach i w cyklu Mickiewicza» (Warszawa, 2011).

21-я конференция, посвященная памяти Валентина Петровича Грицкевича. 18 июня 2013 г.

Мамонтов М. А. О Валентине Петровиче Грицкевиче.

Николаев Н. В. 450-летие Брестской Библии и 150-летие восстания под предводительством Кастуся Калиновского: взгляд из Императорской Публичной библиотеки.

Вертель Е. В. «Ці варта плыць насупраць плыні?» (о роли русского и белорусского языков в современной Белоруссии).

Мартин В. В. История рода Почобутов (Одленицких-Почобутов).

Герасимова И. В. «Виленские напевы» в русских рукописях конца XVII и первой половины XVIII века.

Гордеев Ю. (Краков). Белорусский язык в XVIII веке (социолингвистический и источниковедческий аспекты).

Виноходов Д. О. Штрихи к биографии Яна Барщевского: прошение на имя ректора Петербургского университета.

Ковкель Л. И. (Краков). Книжная торговля на белорусских землях в первой половине XIX века.

Фрончек М. (Краков). Газета «Невское эхо» — нереализованный проект Адама Киркора в Петербурге.

Ребриева Т. Б. Керамические заводы Белоруссии в XIX и начале XX века.

Гринченко Н. А. Российское книжное дело 1910-х гг. в переписке О. Л. Дыло и М. К. Лемке.

Савченко Д. Е. Федерализация на этапах становления белорусской государственности в 1917–1922 гг.

Смирнова Т. М. Марк Фрадкин в Ленинградском Белорусском доме просвещения.

Кнорринг В. В. Феликс Шапиро — исследователь, бытописатель и поэт еврейского учебного дела в Белоруссии.

Тавлай Г. В. Картина мира в белорусской обрядовой песне.

Мациевский И. В. Мужское пение в традиционной культуре.

Осипова Г. Г. Ленинградская «новая фольклорная волна» в белорусской проекции: фольклорное направление в хоровом творчестве Людмилы Шлег.

В рамках 21-й конференции состоялась презентация музыкального диска Ирины Базылёвой (Герасимовой) «Пецярбургскі сшытак».

22-я конференция. 21 июня 2014 г.

Савченко Д. Е. Российско-белорусские дипломатические отношения и евразийские интеграционные процессы.

Клестов А. А. Инеллектуальный ренессанс XII века и современность.

Жемайтис С. Г. Западнорусские известия в московских летописях XV века.

Гусева О. В. Об особенностях текста «Предисловия» Николая Радзивилла Черного к Брестской Библии 1563 г.

Вознесенский А. В. О Евангелии, изданном в 1600 г. в Вильно в типографии Мамоничей.

Николаев Н. В. Новогрудская чудотворная икона Богородицы XVII века и Публичная библиотека в Петербурге.

Герасимова И. В. «Белорусское» или «белороссийский напев» в русских певческих книгах последней трети XVII века.

Виноходов Д. О. Загадки Яна Барщевского: Легенда о дочери Океана.

Мондей К. (Пусан). Л. Н. Клейнборт, В. В. Розанов и национальный вопрос.

Смирнова Т. М. Художественная жизнь Ленинградского Белорусского Домпросвета.

Тарасов Ю. В. Вспомогательная полиция в Белоруссии в 1941–1944 гг. Новогрудский полицейский эскадрон и другие формирования.

Кнорринг В. В. Специфика детских книг на идише, изданных в Белоруссии в 1920–1940 гг.

Соллертинский Д. И. Санкт-Петербург — Витебск: музыкальная дружба.

Осипова Г. Г. Феномен хорового многоголосия в литургических жанрах Олега Ходоско.

Вертель Е. В. Интернет и белорусский язык: вчера, сегодня, завтра.

18 августа 2013 г. умер Б.В.Сапунов. Участники конференции почтили его память.

Об авторах сборника

Гордеев Юрий – профессор Ягеллонского университета (Краков)

Гусева Ольга Валерьевна – доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук.

Эльжбета Кирейчук (Elżbieta Kierejczuk) – сотрудник библиотеки Белостоцкого политехнического института, магистр истории.

Кнорринг Вера Вадимовна — главный библиотекарь РНБ, кандидат исторических наук.

Мартин Вячеслав Валентинович – магистр истории

Миронович Антон Васильевич (Antoni Mirinowicz) — профессор Белостокского университета, доктор истории

Савченко Дмитрий Евгеньевич – начальник отдела интегрированных систем менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Вознесенский Андрей Владимирович – заведующий сектором старопечатных книг Отдела редких книг РНБ, доктор филологических наук.

Виноходов Дмитрий Олегович — профессор Санкт-Петербургского технологического института, доктор биологических наук

Осипова Галина Георгиевна – доцент Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, кандидат искусствоведения.

Клестов Александр Анатольевич Александр Анатольевич Клестов, старший научный сотрудник Российской христианской гуманитарной академии, кандидат философских наук.

Вертэль Евгений Вячеславович – кандидат филологических наук, доктор философии.

Тарасов Юрий Викторович – сотрудник Отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива.

Баннай Токуаки — профессор университета Хитоцубаси (Токио).

Мондей Крис – профессор Университета Донгсео, доктор философии (Пусан).

Смирнова Тамара Михайловна — профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор исторических наук.

Лысенко Олег Викторович – ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, кандидат исторических наук

Сергей Георгиевич Жемайтис, старший научный сотрудник РНБ.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

---

i Шалит Ш. Шапиро – человек и словарь // Мишпоха. № 18. С. 39–45.

ii Современный хедер : По обследованию Общества распространения просвещения между евреями в России // Вестник еврейского просвещения. 1912. № 17. С. 3–90.

iii Шапиро Ф. Л. Старый и новый хедер : Из истории развития хедерного дела в Бобруйске // Вестник еврейского просвещения. 1912. № 12. С. 29–46.

iv Шалит Ш. Шапиро – человек и словарь // Мишпоха. № 18. С. 41.

v Шапиро Ф. Л. Среди «мусерников» : Новогрудский «Kibutz» // Вестник еврейского просвещения. 1912. № 16. С. 64–76.

vi Шапиро Ф. Л. Из путевых впечатлений : Malke di rebetsn // Вестник еврейского просвещения. 1912. № 15. С. 65–70.

vii Фиалков Х. Х. Народное образование : Формы и пути внешкольного образования. Пг., 1918.

viii Leksikon fun der nayer yidisher literatur. Bd. 3. Nyu York, 1960.S. 128–131 (на идише)

[ix] Akhimeir A. Eyn ha-kore. T.-A., [2003] (на иврите).

[x]Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-21-01005

[xi]Программа для собирания этнографических предметов. СПб., 1903.

[xii]Архив РЭМ. Ф.1.ОП.2.Д.573. Л.4.

[xiii]Архив РЭМ. Ф.1.ОП.2. Д.574. Л.

[xiv]Архив РЭМ. Ф.1.ОП.2.Д.573.Л.5

[xv]Архив РЭМ. Ф.1.Оп.2.Д.573.Л.7

[xvi]Архив РЭМ. Ф.1. Оп.2. Д. 574. Л.1-253.

[xvii]Архив РЭМ. Ф. 1. Оп.2. Д. 574. Л.1.

[xviii]Сержпутовский А.К. Экспедиция в полесскую часть Белоруссии 1906 г. // Живая старина, год XVI, вып. 1, отд. 5. СПб. 1907, с. 9.

[xix]Сержпутовский А.К. Очерки Белоруссии // Живая старина, год XVI, вып. 3 отд.1. СПб. 1907, с.144-153, вып. 4, отд. 1, с. 207-214; год XVII вып.1, отд. 1, 1908 с. 25-33, год XVIII, вып. 1 отд. 1 1909, с.40-45; Сержпутовский А.К. Земледельческие орудия белорусского Полесья (к этнографии белорусов-полешуков южной части Слуцкого и северной половины Мозырского уездов Минской губернии) // Материалы по этнографии России. Т. IСПб., 1910, с. 45-59.

[xx] См.: Беларускаяфалькларыстыка. Збіранне і даследаванненароднайтворчасці у 60-х гадах XIX - пачаткуXX ст. Мінск, 1989. С.334.

[xxi]Munoz A.J. Hitler"s Eastern Legions. New York, 1997. Bl. 2. P. 14-24.
[xxii]О. Романько «Коричневые тени в Полесье.» М. Изд. «Вече» 2008. с. 162.
[xxiii] Кушаль Ф. Спробы стварэньня Беларускага войска. Минск. 1989 г.
[xxiv] Чуев С.Г. «Проклятые солдаты» М. 2004 . с. 275-276.
[xxv] О. Романько «Коричневые тени в Полесье.» с. 224.
[xxvi] Там же. с. 177.
[xxvii]ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Объединенный архивный фонд «Национальные дома просвещения г. Ленинграда». Оп. 1. Белорусский Домпросвет. 1932 – 1936 гг. Д. 39. Белорусское землячество. Протоколы. Л. 5. Решение [общего собрания] студентов-белорусов [без даты]; Д. 41. Протокол конференции студенчества Белорусского землячества и отчет правления за 1935 г. Л. 12. Командировочное удостоверение [Прокопчик И.И.].
* Следует иметь в виду, что названия вузов и техникумов могли меняться.
[xxviii] По матер.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 39, 40, 41, 42, 44.
[xxix] Там же. Д. 39. Л. 13, 15 об.
[xxx]Там же. Д. 44. Списки студентов – членов Белорусского землячества. Л. 24 – 25, 28 – 30 об., 33 – 35.
[xxxi] Там же. Д. 2. Планы массовой работы Белорусского ДПР за 1932 г. Л. 26; Д. 6. Белорусский ДПР. Планы массовойполиткультпросветработы (1933 – 1936). Л. 64 – 64 об.; Д. 11. Протоколы Белорусского ДПР за 1934 и 1936 г. Л. 12; Д. 27. Струнный кружок Белорусского ДПР за 1932 – 1936 гг. Л. 3, 5.
[xxxii] Там же. Д. 27. Л. 61, 65; Д. 4. Личный состав по Белорусскому ДПР № 1 (1932 – 1936 г.). Л. 27.
[xxxiii] Там же. Д. 27. Л. 65; Д. 26. Список и анкеты хорового кружка Белорусского ДПР. 1925 – 1936. Л. 1 – 3, 5, 31 – 32.
[xxxiv] Там же. Д. 25. Белорусский ДПР. Списки и анкеты драматического кружка. 1935. Л. 7 – 7 об., 15, 21, 37, 42, 46, 49 – 51, 63 – 64, 67, 71, 84 – 85; Д. 4. Л. 21.
[xxxv]Там же. Д. 4. Л. 80; Д. 29. Работа разных кружков по Белорусскому ДПР за 1932 – 1936 гг. Л. 44. Учетная карточка (для художественного самодеятельного коллектива). Концертная бригада. Художественный руководитель коллектива.

[xxxvi]Там же. Д. 10. Книга приказов Белорусского Домпросвета с 1/II – 1934 года, 1935 и 1936 год. Л. 8 об. Приказ № 39 от 18 декабря 1934 г.
[xxxvii]Там же. Д. 29. Л. 39 – 41. Список концертной бригады. Учет работы кружка за 1935 г.; Л. 49. Учетная карточка. Концертная бригада. Творческий путь коллектива. Л. 52 – 60, 64. Анкеты для поступающих в концертную бригаду; Д. 44. Списки студентов – членов Белорусского землячества. Л. 30 – 30 об. Список студентов Т.С.И. Белорусское отделение драмы и Белгоскино.
[xxxviii]Там же. Д. 29. Л. 46. Творческий путь коллектива. Репертуар, подготовленный кружком, состояние коллектива к 1 января 1935 г.; Л. 51. Программа концерта Ансамбля белорусской песни п/у Марка Фрадкина.
[xxxix]Там же. Д. 10. Л. 15. Приказ № 27 от 7 августа 1935 г.
* М.Г. Фрадкин успешно окончил ТСИ, вернулся в Белоруссию, где в 1938-1939 гг. работал актером и зав. музыкальной частью в минском Театре юного зрителя, параллельно учась в Консерватории. В 1939 году его призвали в армию, он попал в Винницу, в стрелковый полк, где создал музыкальный ансамбль. В 1941 году М.Г. Фрадкин дирижировал Ансамблем Киевского военного округа, и с «Песни о Днепре» началась его всесоюзная известность. Хочется думать, что и опыт недолгой работы в Белорусском Доме просвещения в Ленинграде пригодился Марку Фрадкину.
[xl]ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 10. Л. 3. Приказ № 13 от 12 мая 1934 г.; Д. 4. Л. 29. Анкета актива Белорусского Домпросвета 1935 год. Залманов ШмеркаГенухович; Л. 35. Личная карточка. Залманов ШмеркаГенухович; Л. 86. Список нацменуполномоченных Белорусского Домпросвета 1936 г.
[xli]Там же. Д. 4. Л. 36. Смольнинскому РК. ВЛКСМ.
[xlii]Там же. Д. 10. Л. 16 об. Приказ № 36 от 10 ноября 1935 г.
[xliii]Там же. Д. 4. Л. 31. Лектора Белорусского ДПР 1935 – 36 г.; Оп. 3. ЕврейскийДомпросвет им. Я.М. Свердлова. 1926 – 1938 гг. Д. 21. Отчеты и сведения работы Еврейского Домпросвета, 1936 год. Л. 33. [Без названия.Лекции и беседы на периферии].